

ISSN 2658-6541

ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Научный журнал

Основан в 2006 г.

HISTORY AND ARCHIVES

Academic Journal

Founded in 2006

Том 6

3 • 2024

“History and Archives”

Academic Journal

There are 4 issues of the journal a year

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Academic journal “History and Archives” is included in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.6.1 Russian History

5.6.2 World History

5.6.5 Historiography, Source Studies and Methods of History Research

5.6.8 Document Research, Records Management, Archives Administration

Aims and domain

The “History and Archives” is a peer-reviewed academic journal, the aim of which is to publish the results of the research based on the archival documents – the research evaluating the events, phenomena and processes of national and world history. The task of the journal is the analysis of urgent issues of source studies, historiography, archival science, records management, and also of the archival component of exploration in the field of history and documentary heritage within the system of cultural values.

The mission of the journal is to facilitate the development of inter-disciplinary research that generalizes the contemporary experience of the use of historical sources kept in archives and in the manuscript departments of museums and libraries. The journal publishes the materials pertinent to the analysis of the changes in archives activities when new information technologies are implemented, the materials connected with the study of the problems of historical archival science, the materials related to the multilateral cooperation and harmonious combination of the results of the work of historians and archivists for the benefit of information maintenance of historical science. The journal is targeted at the publication of scientific reviews, research papers and articles related to the study of the whole complex of theoretical, scientific and practical issues that pertain to the development of the humanitarian strategy of the educational function of archives and to the cooperation of historians within the “archives–researcher” system.

The journal accepts for publication original articles, comprehensive research papers by Russian and overseas authors, reports that have never been published before.

“History and Archives” is registered by the Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and Mass Media 03.08.2018, reg. no. PI FS77-73410

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047

tel: 8-495-250-68-68

e-mail: ioad@yandex.ru

«История и архивы»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Научный журнал «История и архивы» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в перечень ВАК – ведущих рецензируемых научных журналов и изданий Российской Федерации решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Научные рецензируемые публикации соответствуют отраслям науки:

5.6.1. Отечественная история (исторические науки),

5.6.2. Всеобщая история (исторические науки),

5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)

5.6.8. Документалистика, документоведение, архивоведение (исторические науки)

Цели и область

«История и архивы» – рецензируемый научный журнал, цель которого заключается в публикации основанных на архивных документах научных исследований, анализирующих события, явления и процессы отечественной и мировой истории. Задачей журнала является анализ актуальных проблем источниковедения, историографии, архивоведения и документоведения, а также архивной составляющей исследовательской работы в области истории и документального наследия в системе культурных ценностей.

Миссия журнала – содействовать развитию междисциплинарных исследований, обобщающих современный опыт использования хранящихся в архивах, рукописных отделах музеев и библиотек исторических источников. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с анализом изменений деятельности архивов в условиях внедрения новых информационных технологий, исследованием научных проблем исторического архивоведения, многосторонним взаимодействием и гармоническим сочетанием результатов работы историков и архивистов в интересах информационного обеспечения исторической науки. Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития гуманитарной стратегии коммуникативной функции архивов и взаимодействия историков и архивистов в рамках системы «архив – исследователь».

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 03.08.2018 г., регистрационный номер ПИ № ФС77-73410

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 8-495-250-68-68

Электронный адрес: ioad@yandex.ru

Founder and Publisher

Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

A.B. Bezborodov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

E.P. Bakaeva, Dr. of Sci. (History), Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russian Federation

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M. Bubenicek, Dr. of Sci. (History), professor, École Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

V.G. Iofe, Dr. of Sci. (History), associate professor, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Republic of Uzbekistan

V.N. Vladimirov, Dr. of Sci. (History), professor, Altay State University, Barnaul, Russian Federation

E.I. Gololobov, Dr. of Sci. (History), professor, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russian Federation

A.V. Ermolaeva, Dr. of Sci. (History), professor, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin – the branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Saratov, Russian Federation

V.P. Kozlov, Dr. of Sci. (History), RAN correspondent member, professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

L.V. Kuras, Dr. of Sci. (History), professor, chief academic researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation

G.N. Lanskoy, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.V. Larin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

P.N. Lebedev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E. Marguin-Hamon, Dr. of Sci. (Philology), École Nationale des Chartes (Sorbonne), Paris, France

Kh. Norovsambuu, Dr. of Sci. (History), professor, chief academic researcher, Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences, Ulan Bator, Mongolia

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S. Petkova, Dr. of Sci. (History), professor, “St. Kliment Ohridski” at the University of Sofia, Sofia, Bulgaria

N.V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.S. Senin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.F. Shumeiko, Cand. of Sci. (History), professor, Belarusian State University (BSU), Minsk, Republic of Belarus

A.K. Sorokin, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State Archive of Social and Political History, Moscow, Russian Federation

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

T. Shirai, Dr. of Sci. (History), professor, University of Tsukuba, Japan

F.G. Taratorkin, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Yu. Tonai, Ph.D., associate professor, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Executive editors:

T.I. Khorkhordina, Dr. of Sci. (History), professor (RSUH)

L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), professor (RSUH)

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

А.Б. Безбородов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Т.И. Хорхордина, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Э.П. Бакаева, доктор исторических наук, Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Российская Федерация

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М. Бюбеничек, доктор исторических наук, профессор, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

В.Н. Владимиров, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

Е.И. Гололобов, доктор исторических наук, профессор, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, Российская Федерация

А.В. Ермолаева, доктор исторических наук, профессор, Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Саратов, Российская Федерация

В.Г. Иофе, доктор исторических наук, доцент, Национальный университет Узбекистана имени М. Улутбека, г. Ташкент, Республика Узбекистан

В.П. Козлов, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.В. Курас, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии (ИМБТ) СО РАН, Улан-Удэ, Российская Федерация

Г.Н. Ланской, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.В. Ларин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

П.Н. Лебедев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Э. Марген-Амон, доктор филологии, Национальная школа хартий (Сорбонна), Париж, Франция

- Х. Норовсамбуу*, доктор исторических наук, Институт истории и этнологии Монгольской академии наук, Улан-Батор, Монголия
- О.В. Павленко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С. Петкова*, доктор исторических наук, профессор, Софийский университет им. св. Климента Охридского, София, Болгария
- Н.В. Ростиславлева*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.С. Сенин*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.К. Сорокин*, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Москва, Российская Федерация
- Т. Сираи*, доктор исторических наук, профессор, Университет Цукуба, Япония
- Ф.Г. Тараторкин*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Ю. Тонаи*, Ph.D., доцент, Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония
- П.П. Шкаренков*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- М.Ф. Шумейко*, кандидат исторических наук, профессор, Белорусский государственный университет (БГУ), Минск, Республика Беларусь

Ответственные редакторы:

Хорхордина Т.И., доктор исторических наук, профессор (РГГУ)

Халилова Л.А., кандидат филологических наук, профессор (РГГУ)

СОДЕРЖАНИЕ

Отечественная история

О.В. Кочукова, С.А. Кочуков

«Дело Гейнриха»: из истории сатирической печати,
цензуры и судебных процессов в российской провинции
в годы первой революции 1905–1907 гг.

Часть 1. Издательская и цензурная история
журнала «Карандаш» 12

П.П. Павличенко

Русский легион (1917–1918 гг.):
по документам Архива исторической службы
Министерства обороны Франции 32

Всеобщая история

Е.А. Баженов

Иконография щитов римских легионеров
последней трети II в.: на материале рельефов
колонны Марка Аврелия 45

Е.А. Гунаев

Религиозный вопрос в связи с народным образованием
как элемент системы административного управления
в Киргизской Внутренней орде во второй половине XIX в. 62

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

И.И. Умаров

Новые взгляды на происхождение племени катаган:
историографический аспект 81

И.В. Неупокоев, Р.А. Фандо

Советский художественный кинематограф 1960-х гг.
как источник по изучению истории
индустриального строительства 95

В фондах отечественных и зарубежных архивов

А.А. Князева

Государственное хранилище ценностей РСФСР:
 обзор фонда в Российском государственном архиве экономики 108

С.С. Белоусов

Государственная забота о демобилизованных военнослужащих
 Вооруженных сил СССР в отражении документов
 Государственного архива Астраханской области
 (июль 1945–1946 гг.) 121

У книжной полки

Е.В. Пчелов

Семейная история великого царя:
 к выходу нового исследования 136

В.В. Назырова

Смесь племен и народов империй:
 о справочнике «Военнопленные Первой мировой войны:
 межфондовый именной указатель к метрическим книгам
 храмов Омского региона (1914–1920 гг.)» 154

CONTENTS

Russian History

- O. Kochukova, S. Kochukov*
“The Case of Heinrich”. From the history of the satirical press,
censorship and the trials in the Russian provinces during
the first revolution of 1905–1907.
Part 1. Publishing and censorship history
of the “Karandash” magazine 12
- P. Pavlichenko*
The Russian Legion (1917–1918).
According to the documents of the Historical Service Archives
of the French Defense Ministry 32

World History

- E. Bazhenov*
Iconography of the Roman legionaries' shields
of the last third of the 2nd century AD:
On the material of the reliefs of the Marcus Aurelius Column 45
- E. Gunaev*
The issue of religion in connection with public education
as an element of the administrative management system
in the Kyrgyz Inner Horde in the second half of the 19th century 62

Historiography, Source Study and Methods of Historical Research

- I. Umarov*
New views on the origin of the Katagan tribe.
A historiographical aspect 81
- I. Neupokoyev, R. Fando*
Soviet feature films of the 1960s as a source for studying
the history of industrial construction 95

In the funds of Russian and foreign archives

A. Knyazeva

The RSFSR State Repository of Valuables.

Review of the fund in the Russian State Archives of Economics 108

S. Belousov

State concern for the demobilized servicemen

of the USSR Armed Forces as reflected in the documents

of the State Archives of the Astrakhan region (July 1945–1946) 121

Book Reviews

E. Pchelov

The family history of the great Tsar.

On the publication of a new study 138

V. Nazyrova

A mix of tribes and peoples of empires.

About the reference book “Prisoners of war of the First World War.

An inter-fund name index to the metric books of the temples

of the Omsk region (1914–1920)” 154

УДК 070(09)

DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-3-12-31

«Дело Гейнриха»: из истории сатирической печати,
цензуры и судебных процессов
в российской провинции
в годы первой революции 1905–1907 гг.

Часть 1. Издательская и цензурная история
журнала «Карандаш»

Ольга В. Кочукова

*Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия, kochukovasgu@mail.ru*

Сергей А. Кочуков

*Государственный архив Саратовской области,
Саратов, Россия, kochukovsgu1974@yandex.ru*

Аннотация. В статье на примере истории издания журнала «Карандаш» в Саратовской губернии (1906 г.) рассматриваются исторические обстоятельства функционирования сатирической прессы в административном и правовом пространстве российской провинции периода первой революции. Проанализированы структура и содержательные особенности сатирического журнала, издание которого было подчинено задачам радикальной политической агитации. На основании впервые выявленных, ранее не публиковавшихся архивных дел из трех фондов Государственного архива Саратовской области реконструированы перипетии «дела Гейнриха» (судебных процессов, проходивших в 1907–1909 гг. в отношении издателя журнала «Карандаш» К.Э. Гейнриха).

Текст статьи включает в себя комментированную публикацию фрагментов архивных документов (служебной переписки инспектора по делам печати, прокурора Саратовской судебной палаты, саратовского губернатора; судебно-процессуальных материалов Саратовской судебной палаты). На материалах «дела Гейнриха» показаны характерные явления и процессы в российском социуме и властных институтах начала XX в.: столкновение различных систем политико-правовых ценностей; несогласованность

действий правительственных учреждений, цензуры и судебной системы; сочетание мягких и оправдательных судебных приговоров с жесткими административными мерами наказаний; общая неэффективность административно-правовых мер в отношении радикальной политической агитации в стране.

Ключевые слова: сатирическая печать, цензура, политические судебные процессы, первая русская революция 1905–1907 гг., Саратовская губерния, К.Э. Гейнрих, П.А. Столыпин, С.С. Татищев, А.А. Миндер, Государственный архив Саратовской области

Статья поступила в редакцию 12 января 2024 г.;

принята к публикации 29 апреля 2024 г.

Для цитирования: Кочукова О.В., Кочуков С.А. «Дело Гейнриха»: из истории сатирической печати, цензуры и судебных процессов в российской провинции в годы первой революции 1905–1907 гг. Ч. 1: Издательская и цензурная история журнала «Карандаш» // История и архивы. 2024. № 3. С. 12–31. DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-3-12-31

“The Case of Heinrich”.
From the history of the satirical press,
censorship and the trials in the Russian provinces
during the first revolution of 1905–1907

Part 1. Publishing and censorship history
of the “Karandash” magazine

Olga V. Kochukova

Saratov State University, Saratov, Russia, kochukovasgu@mail.ru

Sergei A. Kochukov

*State Archives of the Saratov region, Saratov, Russia,
kochukovsgu1974@yandex.ru*

Abstract. Using the example of the publication history of the “Karandash” magazine in the Saratov province (1906), the article considers the historical circumstances of the functioning of the satirical press in the administrative and legal space of the Russian province during the period of the first revolution. The paper analyzes the structure and content features of the satirical magazine, the publication of which was subordinated to the tasks of radical political agitation. Based on the newly identified, previously unpublished archival files from

three collections of the State Archives of the Saratov Region, the vicissitudes of the “Heinrich case” (i. e., the trials that took place in 1907–1909 against K.E. Heinrich, the publisher of the “Karandash” magazine) were reconstructed.

The text of the article includes a commented publication of the fragments of the archival documents (the official correspondence of the press inspector, the prosecutor of the Saratov Judicial Chamber, of the Saratov governor; the judicial procedural materials of the Saratov Judicial Chamber). The records from the “Heinrich case” show the characteristic phenomena and the processes in the Russian society and the government institutions of the early 20th century: the clash of different systems of political and legal values; inconsistency between the government agencies, the censorship and the judicial system; a combination of lenient and acquittal court sentences with harsh administrative penalties; the general ineffectiveness of the administrative and legal measures against radical political agitation in the country.

Keywords: satirical press, censorship, political trials, first Russian revolution of 1905–1907, Saratov province, K.E. Heinrich, P.A. Stolypin, S.S. Tatishchev, A.A. Minder, State Archives of the Saratov Region

The article was submitted for publication 12.01.2024;
accepted for publication 29.04.2024.

For citation: Kochukova, O.V. and Kochukov, S.A. (2024), “ ‘The Case of Heinrich’. From the history of the satirical press, censorship and the trials in the Russian provinces during the first revolution of 1905–1907. Part 1: Publishing and censorship history of the ‘Karandash’ magazine”, *History and archives*, vol. 6, no. 3, pp. 12–31, DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-3-12-31

Введение

Первая русская революция 1905–1907 гг. стала временем невиданного расцвета сатирической печати и политической карикатуры. По подсчетам исследователей, тогда в России издавалось свыше трехсот сатирических журналов и газет. При этом сатирическая пресса впервые активно вторглась в публичное пространство российской провинции, являясь своего рода зеркалом, отразившим все политические события революции, стачки, восстания, демонстрации, созыв и роспуск Государственной думы, борьбу политических партий.

Сатирическая печать 1905–1907 гг. не раз становилась объектом специального изучения в исторической науке (но чаще – в истории литературы и журналистики). Много о ней писали в ранний советский период, особенно в юбилейных изданиях, посвященных 20-летию первой русской революции. Авторы первых работ, посвященных сатирической журналистике, выявили ряд присущих

ей черт. Так, Э. Голлербах и В. Боцяновский отмечали сочетание сатирических и трагических интонаций, совмещение приемов карикатуры и политического плаката (политической листовки), выражение «революционного гнева» в форме сатирического обличения¹. Современные исследователи, не ограничиваясь столичными изданиями, активно обращаясь к провинциальной прессе, продолжают интересный опыт прочтения политической сатиры 1905–1907 гг. [Голиков, Рыбаченок 2010; Привалов 2019; Лепилкина 2008]. В исследованиях показано, что сатирическая печать формулировала стереотипы и образы общественного сознания, формировала и направляла обличительную стихию общественного мнения. Интерес представляет наблюдение о роли политической сатиры в поляризации российского социума, культивировании расколотого, черно-белого мышления, внедрении оппозиций «свет-тьма», «свобода-рабство» и активном перенесении оппозиции «свой-чужой» из сферы внешнеполитической во внутреннее пространство общественной жизни [Лепилкина 2008; Братолобова, Капацина 2018].

Политическая активность прессы в условиях эскалации противостояния власти и общества, роста революционных выступлений превращалась в значимый фактор, от которого зависело усугубление либо преодоление политического хаоса, что обусловило ужесточение цензуры [Агапов 2023; Жирков 2001; Патрушева 2016]. «Литературные процессы» или «дела о печати» сформировали важную составную часть общего внушительного массива политических судебных процессов начала XX в. [Варфоломеев 2015, с. 152–176.]

«Цензурные истории» и судебные разбирательства в отношении периодической печати были распространенным явлением периода первой революции, и они не раз освещались в специальной научной литературе. Вместе с тем остается мало разработанным в этом отношении исследовательское поле региональной истории. Материалы данного исследования являются попыткой в какой-то степени заполнить имеющуюся лакуну исторического знания. Конкретно-историческую основу статьи составляет реконструкция исторических обстоятельств функционирования сатирической прессы в региональном административном и правовом пространстве на примере издания журнала «Карандаш» (1906 г.) и судебных процессов, проходивших в 1907–1909 гг. в отношении его издателя К.Э. Гейнриха.

Архивные документы из фондов Государственного архива Саратовской области сохранили свидетельства о цензурных преследованиях и судебных процессах в отношении издателя журнала

¹ Русская сатира первой революции 1905–1906 гг. / сост. В. Боцяновский, Э. Голлербах. Л., 1925.

«Карандаш». Основными источниками послужили неопубликованные документы из трех фондов ГАСО: канцелярии саратовского губернатора²; Саратовской судебной палаты³, прокурора Саратовской судебной палаты⁴. Документы перечисленных фондов содержат сведения об открытии журнала; информацию об обстоятельствах и причинах возбуждения судебных преследований против издателя К.Э. Гейнриха; переписку инспектора по делам печати с прокурором судебной палаты и местной администрацией; служебную переписку саратовского губернатора, вызванную административной высылкой Гейнриха из пределов Саратовской губернии; материалы судебно-процессуального производства по «делу Гейнриха» в Саратовской судебной палате и Саратовском окружном суде. Архивные материалы позволяют детально рассмотреть все этапы «дела Гейнриха» в качестве типичного примера судебного процесса «по делам печати» в административном и правовом пространстве российской провинции.

*«Карандаш»: сатирический журнал
в российской провинции в годы первой революции*

После издания Высочайшего указа о временных правилах о временных изданиях от 24 ноября 1905 г. в России стал возможен явочный порядок создания новых газет и журналов. Рост количества печатных изданий был особенно заметен в российской провинции. В архивном документе «Список газет и журналов, на издание

² Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 6934: Дело об издании в г. Саратове журнала «Карандаш»; Д. 6916: Дело о выпуске в Саратовской губернии различных печатных изданий, о распространении их среди населения, о выдаче разрешений на помещение корреспонденций в местных газетах; Д. 7156: О высылке в порядке Положения о государственной охране К. Гейнриха.

³ Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2795: Дело о редакторе саратовского журнала «Карандаш» Ф.А. Колесникове, обвиняемого в опубликовании стихотворений антиправительственного содержания; Д. 2771: Дело по обвинению редактора журнала «Карандаш»; Д. 2772: Дело по обвинению редактора-издателя журнала «Карандаш» К. Гейнриха в помещении рисунка с изображением виселицы, на перекладине которой написано слово «самодержавие»; Д. 3213: Дело о рассмотрении апелляционной жалобы прокурора Саратовского окружного суда на приговор того же суда по обвинению редактора журнала «Карандаш».

⁴ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1788: Дело об издателе журнала «Карандаш» К.Э. Гейнрихе, обвиняемом в напечатании антиправительственных статей.

которых в Саратовской губернии выданы свидетельства» среди внушительного количества открытых в 1905–1907 гг. периодических изданий фигурирует полтора десятка изданий «сатиро-юмористических». Среди них «Жгут», «Карандаш», «Метла», «Мазок», «Микроскоп», «Огонек», «Пережитки», «Поволжское кривое зеркало», «Саратовские мошки», «Свет и тени», «Смех», «Смейся, паяц», «Шпилька», «Щелкунчик»⁵. Большинство изданий успевало выйти в количестве нескольких номеров и закрывалось по причинам цензурного преследования или по судебным приговорам, либо по причине коммерческого неуспеха или потери издательского интереса. В этом ряду журнал «Карандаш» был «долгожителем»: он вышел в количестве 25 номеров.

История журнала «Карандаш» началась в апреле 1906 г., когда проживавший в Саратове художник Константин Гейнрих написал заявление на имя саратовского губернатора П.А. Столыпина о своем намерении издавать еженедельный иллюстрированный журнал⁶. В тексте заявления содержалась предполагаемая программа нового издания, включавшая разделы «На злобу дня», «Маленькая хроника», «Иллюстрированный фельетон», «Разные известия», «Статьи по разным вопросам», «Объявления», а также уведомление о том, что редактировать журнал будет мещанин Ф.А. Колесников, а печататься он будет в типографии С. Гольберга. Была объявлена подписная цена издания 6 рублей в год и розничная 15 копеек. Вслед за подачей заявления последовала стандартная процедура с запросом в городское полицейское управление об общегражданской правоспособности редактора, и уже через неделю было получено свидетельство, на основании которого «проживающему в Саратове художнику-издателю К. Гейнриху разрешалось издавать под ответственным редакторством Ф.А. Колесникова иллюстрированный журнал “Карандаш”»⁷.

Известны некоторые биографические сведения об издателе журнала. Константин Эдуардович Гейнрих родился в 1867 г. в Могилеве в семье немецкого служащего телеграфа, имел германское подданство, после незаконченного гимназического курса учился в телеграфно-техническом училище Петербурга, в 1905 г. переехал в Саратов и работал в губернской типографии в качестве рабочего-гравера. К. Гейнрих был известен саратовскому охранному отделению как «деятельный член социал-демократической партии и участник рабочего забастовочного движения». Он являлся членом

⁵ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6706: Списки газет и журналов, на издание которых в Саратовской губернии выданы свидетельства. Л. 1–4.

⁶ Там же. Д. 6934. Л. 1–1 об.

⁷ Там же. Л. 2.

Саратовского Совета рабочих депутатов и по его заданию участвовал в агитации рабочих и служащих Рязано-Уральской железной дороги, принимал участие в организации забастовки типографских служащих [Сысоев, Самаренко 1979, с. 154–155].

Уже с выходом первого номера «Карандаша» выяснилось, что журнал представлял собой действительно интересное явление провинциальной печати. Издатель не только с успехом использовал формы и приемы столичных еженедельников, но и удивлял читателей собственными экспериментами. К. Гейнрих отказался от простого перепечатывания карикатур из московских и петербургских изданий и заполнял страницы журнала рисунками собственного авторства, а также В.А. Молдавского, творившего под псевдонимом «Тю-тю».

Содержание журнала несколько отличалось от заявленного в программе. Прежде всего, печаталось много материалов, не имевших прямого отношения к сатирическому жанру: были и статьи в стиле агитационной публицистики, много полос отдавалось гражданской лирике. Собственно сатирическая часть издания была представлена в постоянных рубриках «Фельетон», «Разговоры Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем», «Беседы Пульхерии Ивановны с Афанасием Ивановичем», «Афоризмы». Раздел «Хроники» заполнялся краткими сообщениями о политических событиях в стране и общественной жизни Саратова, выдержанными в сатирическом духе. Оригинальны были сатирические объявления на последних страницах. Их заголовки, несомненно, привлекали внимание читателей: «Потеряна совесть», «Требуются умные люди», а некоторые «объявления» были очень краткими, но при этом политически резкими и вызывающими. Например: «В здании присутственных мест назначены торги на сдачу в аренду одного пустопорожного места, под названием губернаторского»⁸. (Текст был напечатан после того, как стало известно о назначении саратовского губернатора П.А. Столыпина министром внутренних дел.)

На последней странице журнала, где традиционно печаталась реклама, можно было встретить рекламу «самых лучших духов» под названием «Провокатор» или неожиданную пародию на обычные в провинциальных газетах уведомления о событиях частной жизни семей и лиц: «Вот-вот скончается, получив от народа смертельный удар, старый бюрократический режим. С прискорбием сознавая это, его друзья и креперженцы насилия просят истинно-русских людей помочь ему окрепнуть»⁹. Это короткое объявление как нельзя лучше

⁸ Карандаш. 1906. № 4. С. 2.

⁹ Там же. № 8. С. 11.

иллюстрировало общую парадигму, взятую на вооружение «Карандашом», о противостоянии «бюрократии» и «народа», и к тому же обыгрывало популярный сюжет о настроениях монархических партий и черносотенного движения «истинно-русских людей». Важно то, что в случае изложения существа концепции о борьбе «бюрократии» и «народа» в форме сатирического «объявления» происходило воплощение идеологом и дискурсивных практик в предельно простую бытовую лингвистическую конструкцию. С учетом многократного повторения последней в различных вариациях, усиленного приемом визуализации в рисунках и карикатурах, «малые сатирические жанры» в прессе начинали работать точно так же, как работают современные «информационные мемы» или «медиавирусы».

Редакция «Карандаша» проявила большую степень политической активности и стала энергично осваивать конкретно-историческое пространство общественных дискуссий в качестве предметного поля агитации средствами сатирического жанра. Саратовская губерния имела репутацию одной из самых «бунтарских», но в то же время сообщения местной и столичной печати регулярно доставляли сведения о высокой степени организованности черносотенного движения [Посадский 2007]. Кроме того, внимание российской общественности привлекала личность саратовского губернатора П.А. Столыпина, занимавшего эту должность с 15 февраля 1903 г. по 26 апреля 1906 г. и впоследствии продолжившего карьеру государственного деятеля на вершинах имперского управления. Был широко известен епископ Саратовский и Царицынский Гермоген, по инициативе которого возник Православный всероссийский братский союз русского народа.

Население Саратовской губернии оказалось под перекрестным огнем агитации революционных партий и антиреволюционной пропаганды «правых» организаций, при этом оно легко откликалось на разного рода «соблазны» радикальных схем решения животрепещущих вопросов. Политическая расколотовость сознания была характерна для всех социальных страт губернии, как и страны в целом. Народ не представлял собой единой силы, в деревнях даже семьи делились на «черных» и «красных»; погромы усадеб чередовались с печально известными черносотенными погромами, устраивались самосуды над революционерами и атеистами; зачастую было трудно разграничить социально-политические протесты и криминальные действия [Посадский 2007, с. 140–141]. В то же время в политическом сознании представителей образованного общества сталкивались различные системы ценностей, когда свобода и гражданские права противопоставлялись государственной

целостности и безопасности¹⁰. Полиция, судебная система, цензура, правительственные учреждения и органы самоуправления часто не обнаруживали единства понимания государственных интересов и целей профессиональной служебной деятельности, входя в отношения внутренней конфронтации друг с другом. В Саратовской губернии проявились многочисленные факты, характерные и для страны в целом, не раз отмеченные в исследовательской литературе: беспомощность судебной системы с «мягкими» приговорами компенсировалась жесткостью административных мер в отношении усмирения бунтов, демонстраций, стачек и выступлений, преследования политически неблагонадежных лиц. Взаимодействие сложной реальности социально-культурных и политических противостояний с ценностными установками и мотивацией радикальной политической пропаганды нашло отражение как в содержательной части сатирического журнала «Карандаш», так и в истории цензурных, административных и судебных преследований в отношении его издателя К.Э. Гейнриха.

Первый номер журнала «Карандаш» вышел 23 апреля 1906 г. В этот день Николай II утвердил «Основные государственные законы Российской империи». Журнал открывался обложечной карикатурой «Новая форма чинов полиции». На третьей странице было напечатано пояснение к рисунку: «Панцири для чинов полиции – последнее слово бюрократической науки, истинными светочами которой являются профессора Трепов, Игнатьев и К°. Для того, чтобы наиболее наивные граждане не подумали, что чины полиции превратились в средневековых рыцарей, защитников угнетенных, на головах стражников, облеченных в панцири, будут сохранены полицейские фуражки»¹¹. Эта карикатура должна была заставить вспомнить многочисленные столкновения полиции с народными демонстрациями и восстаниями в 1905 г. А основное содержание номера было посвящено выборам в I Государственную думу. Особенно примечательна статья «На проводах», не имеющая к сатире никакого отношения, представляющая собой описание проводов народных избранников в Петербург из Саратова: «На площади перед вокзалом пестрела толпа в несколько тысяч человек. Окна, крыша, изгороди вокзала заполнены гражданами. Поодаль стоят солдаты. «Меры» со стороны администрации приняты. С крыльца

¹⁰ См.: «...Правильное течение земской жизни нарушено, а в близком будущем может произойти и полное крушение». Документы Госархива Саратовской области о балашовском погроме 21 июня 1905 г. / вступ. ст., подгот. текста к публ. и коммент. А.И. Пиреева // Отечественные архивы. 2016. № 1. С. 76.

¹¹ Карандаш. 1906. № 1. С. 3.

ляется пламенная речь ораторов, депутатов, выборщиков... Все речи покрываются аплодисментами»¹². Ведущая для журнала тема борьбы бюрократии и народа завершала «героико-сатирический» репортаж с места проводов народных избранников: «Оба бойца смотрят теперь друг на друга и ждут момента для начала борьбы, момент этот близится»¹³.

Второй номер «Карандаша» вышел 30 апреля 1906 г. и был посвящен празднику Первомая. На обложке размещался рисунок, изображающий рабочую демонстрацию и красное знамя с надписью «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В статье «1 Мая – великий рабочий праздник», под которой стоит подпись К. Гейнриха, обращают на себя внимание слова: «Рабочий народ идет вперед и не остановится на пути дальнейших завоеваний, пока не добьется тех основ человечества, которые провозвещены 2000 лет назад Великим Учителем социализма Христом, указавшим единственный путь благополучия и мирного преуспевания словами: “Любите друг друга”. Мы надеемся, что близок тот час, когда все лицемеры, книжники и фарисеи проникнутся этой истиной и не будут угнетать, обирать и убивать брата. Мы счастливы, что дожили до такого дня, когда во всю ширь груди можем открыто крикнуть: “Не вешай, не расстреливай, не убивай!” Рабочий идет! Его праздник – праздник всего человечества!»¹⁴ Здесь, как это было характерно для эпохи, культурно-религиозный контекст «богоискательства» соседствовал с социалистической пропагандой, а риторика выстроена таким образом, чтобы воздействовать на максимально широкую читательскую аудиторию от радикальной интеллигенции до рабоче-крестьянских масс. Этот фрагмент мастерски вписывался в творимую «Карандашом» полярно расколотую воображаемую реальность российского социума, в которой богатые противостоят бедным, бюрократия – народу, лицемеры и фарисеи – человечности. Патетически оформленные тексты при этом не выглядели неуместными в «сатиро-юмористическом» издании, они без всяких переходов совмещались на страницах «Карандаша» с карикатурами, фельетонами, шуточными объявлениями – точно так же, как плакатное искусство, в отличие от классической политической карикатуры, свободно сочетает трагически-пафосное и комически-обличающее.

Настроения редакции журнала менялись вместе с трансформацией общей политической ситуации в стране. Первоначальные надежды на народных избранников I Государственной думы уступили соображениям о большей целесообразности бойкота Думы

¹² Там же. С. 7.

¹³ Там же. С. 5.

¹⁴ Там же. № 2. С. 3.

и критике думских собраний. На карикатуре «В ожидании земли и воли» художник изобразил русский народ в виде мужика, спеленутого, подобно младенцу, пеленами-путами, на которых читается надпись «Основные законы»; он подвешен к импровизированной на скорую руку колыбели, прикрепленной к балке с надписью «Право распустить Думу». Акцент был сделан на том, что власти не воспринимают народ в качестве правоспособных граждан и продолжают держать в положении то ли детей, то ли нуждающихся в лечении (на животе «больного» изображена грелка с надписью «сладенькая водичка», видимо, подразумевалась «вода ничего не значащих обещаний», а над его головой показаны вполне реальные орудия наказания за возможную непокорность). Тему продолжала карикатура «Лебедь, рак и щука», демонстрирующая невозможность согласия представленных в Думе политических партий. Художник демонстрировал, что их раскол доставляет видимую радость приплясывающему сухощавому бюрократу, изображенному с портретными чертами К.П. Победоносцева. А в результате «воз и ныне там» – воз, в котором дожидаются своего решения аграрный и рабочий вопросы наряду с вопросом об амнистии политическим заключенным (именно последний не сходил со страниц нескольких подряд номеров «Карандаша»). Рядом с текстом карикатуры было помещено сатирическое стихотворение «Дума про Думу»:

Ай-да запала в головушку дума,
Нет ни покоя, ни сна,
Про то, что в Питере Дума
Не даст никакого добра...¹⁵

В содержательной части «Карандаша» постепенно оформились ведущие темы «направленного осмеяния». Среди них черносотенное движение и погромы, общественная позиция епископа Саратовского и Царицынского Гермогена. Резко выраженная антиправительственная направленность публикаций делала неизбежной конфронтацию с цензурными и правоохранительными органами.

Начало цензурных преследований в отношении журнала «Карандаш»

Указ «О временных правилах о повременных изданиях» от 24 ноября 1905 г.¹⁶ не только регулировал правовое поле принципа

¹⁵ Там же. № 5. С. 3.

¹⁶ Именной Высочайший Указ, данный Сенату (Собр. узак. 1905 г. ноября 26, отд. 1, ст. 1879). О временных правилах о повременных

свободы печати, но и расширял уголовную ответственность редакторов и издателей, поскольку обозначал официальный переход от цензуры предварительной к карательной. Тем не менее, как и во второй половине XIX в., в отношении иллюстрированных изданий цензурные правила имели отличия: каждый номер журнала, содержащий рисунки, надо было представлять чиновнику Главного управления по делам печати не позднее, чем за сутки до выпуска номера из типографии [Привалов 2019, с. 11]. В случае выявленных нарушений журналы подвергались конфискации тиража, а редакторов привлекали к судебной ответственности, в основном по статьям Уголовного уложения 1903 г.: 103 («оскорбление Царствующего Императора, Императрицы или Наследника Престола»), 128 («дерзостное неуважение Верховной Власти или порицание установленных законами образа правления или порядка наследия Престола»), 129 («возбуждение к учинению бунтовщического деяния или к ниспровержению существующего в государстве общественного строя, к неповиновению или противодействию закону и обязательным постановлениям»)¹⁷.

Конфликтная цензурная и уголовно-правовая ситуация вокруг журнала «Карандаш» разрасталась постепенно. Первый эпизод в «цензурной истории» журнала с «политикой» связан не был. Из канцелярии саратовского губернатора поступило отношение полицмейстеру, в котором указывалось, что редактор Ф.А. Колесников имеет 21 год от роду, а на основании Указа о временных правилах о повременных изданиях от 24 ноября 1905 г. ответственным редактором могло быть только лицо, достигшее 25 лет. Издателю К. Гейнриху было сделано объявление о необходимости указать другого ответственного редактора, удовлетворяющего требованию закона¹⁸. В качестве редактора был утвержден Н.М. Лапин 29 лет. На этом, казалось бы, можно было и успокоиться, но точность следования букве закона, видимо, не входила в систему ценностей редакции «Карандаша». Интереснее было использовать ситуацию для очередного сатирического выпада против бюрократического режима. На страницах журнала появилось «Открытое письмо к читателям бывшего редактора Ф.А. Колесникова, уволенного согласно распоряжению губернатора». Текст письма абсурдно-грозеский: «Я умер... Надо мной совершенно гнусное насилие, которого не помнят старожилы. Меня убили!.. Жить, как прикажут,

изданиях (№ 26962) // Полное собрание законодательства Российской империи. Собр. 3. Т. 25. 1905 г. Отд. 1. СПб., 1908. С. 837–840.

¹⁷ Новое Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903. С. 44, 53–54.

¹⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6934. Л. 11.

я не могу... Сильный мира сего сказал: “Ему нет 25 лет, он редактором быть не может”. Редактором быть не могу, хотел было в инвалиды поступить, да тоже, говорят, года не выходят. Кого же винить в том, что года у меня такие? Мать обвинять не смею, потому что рождение мое было в 70-х годах, тогда было движение... и может быть, была... забастовка. Себя не виню, так как всегда усердно строил физиономию, напуская на себя редакторскую важность. Так кого же? кого? Это моя посмертная шарада»¹⁹. Начиная с публикации объявления-гротеска «Карандаш» стал придерживаться определенной тактики: оповещать читателей о всех цензурных предупреждениях, взысканиях, ограничениях, насколько возможно выставляя в смешном виде должностных лиц и правительственные учреждения.

Цензурное ведомство, между тем, стало активнее реагировать на политическое содержание публикаций и карикатур «Карандаша». В июле 1906 г. исполняющий должность саратовского инспектора по делам печати К.П. Старов обратил внимание на карикатуру, размещенную в № 11, и сообщил прокурору Саратовской судебной палаты А.А. Миндеру²⁰, что публикация изображения заключает в себе признаки преступных деяний, предусмотренных 129-й статьей Уголовного уложения (призыв к бунтовщическому деянию). Карикатура «Вот так они давно бы догадались» представляла сцену изгнания из заседания Думы министров (изображенные персонажи имели черты портретного сходства с И.Л. Горемыкиным, П.А. Столыпиным, Ф.Д. Треповым). Рядом с рисунком было напечатано стихотворение с призывом к «славному депутату» «гнать министров всех по шее, не оставлять ни одного». «Славный депутат» на рисунке (в красной рубаше и с мускулистыми руками) явно отсылал к символическому образу рабочего класса. Именно так и понял содержание карикатуры инспектор по делам печати, писавший, что рисунок «изображает некоторых министров, насильно выталкиваемых рабочим из двери здания на лестницу». Но уже через несколько дней товарищ прокурора принял решение о прекращении уголовного преследования за отсутствием состава преступления, «принимая во внимание, что в рисунке изображено в грубой форме лишь отношение Государственной думы к министрам после прочтения премьером кабинета министров декларации в Думе, с указанием

¹⁹ Карандаш. 1906. № 6. С. 2.

²⁰ Миндер Арист Аристович (1858–1916), действительный статский советник, был назначен прокурором Саратовской судебной палаты 7 апреля 1906 г. (до этого служил в должности товарища прокурора Московской судебной палаты). См.: ГАСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 144: Личное дело прокурора Саратовской судебной палаты Миндера А.А. Л. 11–11 об.

в подписи, что следовало бы министров вытолкать из Думы и что, таким образом, здесь не заключается призыва к бунтовщическому деянию»²¹. Ранее объявленная конфискация тиража журнального номера была отменена.

«Карандаш» продолжил наступление публикацией двух карикатур, изображающих «бюрократическое самодержавие чиновников». В центре первого рисунка – конструкция, напоминающая виселицу, которую подпирают с двух сторон спинами К.П. Победоносцев и Ф.Д. Тrepов. За верхнюю перекладину «бюрократического самодержавия чиновников» держится отвратительное чудовище, удерживающее гири с надписями «займы», «произвол», «расстрелы», «погромы». Изображение монстра, видимо, персонифицировало образ «темных сил», во всяком случае, карикатура по смыслу перекликается с текстом фельетона в том же номере, в котором озвучен вопрос: «Да кто же эта тайная сила, которая невидимо влияет на судьбы русского народа? Чьи это цепкие лапы так крепко впились в истекающее кровью тело – нашу многострадальную родину?»²² Новая вариация карикатуры в следующем номере журнала имела название «На высоте положения, со всей полнотой власти». Она изображала П.А. Столыпина с пулеметом и ружьями в руках, стоящего на той же перекладине «самодержавия», за которое цепко ухватились разлагающиеся от тления лапы монстра. В сопровождающем фельетоне были слова: «Бояться победы кучки самодержавных бюрократов над русским народом значит верить во всемогущество того, что давным-давно сгнило, что уже издает удушливый смрад, но все еще держится в мишурной оболочке величия. Придет время, а мы накануне этого, когда гг. Столыпины, дерзающие заявлять, что они спасители отечества, а представители народа – его враги, убедятся, что земли и воли, а не штыков и тюрем достоин русский народ»²³.

«Цензурная история» пошла по второму кругу. Решением прокурора Саратовской судебной палаты А.А. Миндера переписка, возникшая по сообщению инспектора по делам печати, о возбуждении уголовного преследования издателя журнала «Карандаш», была прекращена за отсутствием состава преступления. На этот раз речь шла о 128-й статье Уголовного уложения, и прокурор нашел, что «нельзя прийти к заключению, что рисунок этот составлен и напечатан в журнале с целью оказать дерзостное неуважение к Верховной Власти, так как трудно установить, изображает ли этот рисунок деятельность председателя Совета министров,

²¹ ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2771. Л. 4–5.

²² Карандаш. 1906. № 12. С. 3.

²³ Там же. № 13. С. 3.

или же он относится к Верховной Власти»²⁴. Наложённый на журнал арест был отменен.

Дважды повторившееся закрытие дела в отношении издателя «Карандаша» «за отсутствием состава преступления» демонстрировало не только определенную растерянность судебной системы в период первой русской революции, но и несомненное стремление представителей прокурорского надзора к формальному соблюдению «буквы закона» и уважение к принципу свободы печати. Но этот факт, конечно, не был удостоен внимания «самоотверженных борцов против бюрократического самодержавия» из числа редакции сатирического журнала. Напротив, в очередном номере «Карандаш» знакомил читателей с цензурно-судебными осложнениями своей деятельности и поместил карикатуру на инспектора по делам печати, изображающую его с нимбом вокруг головы, составленным из запрещенных и конфискованных номеров, а текстовое сопровождение рисунка включало прямые цитаты из его служебной переписки с прокурором судебной палаты.

23 августа 1906 г. инспектор по делам печати К.П. Старов писал саратовскому губернатору С.С. Татищеву²⁵: «Вследствие личного распоряжения Вашего превосходительства, А. Подземский, в типографии которого печатается еженедельный юмористический журнал «Карандаш», был сего числа вызван в мою канцелярию, где ему было (согласно 16 статье Положения об усиленной охране) объявлено о немедленном закрытии его типографии, если не будет тотчас же прекращено печатание в ней означенного журнала. Подземский дал обещание прекратить печатание журнала и выдал расписку»²⁶. Но уже 31 августа 1906 г. К. Гейнрих подал новое заявление губернатору о намерении перенести с 1 сентября печатание журнала в типографию Рабиновича, с просьбой выдать соответствующее свидетельство, каковое и было незамедлительно получено²⁷.

Восемнадцатый и девятнадцатый номера журнала «Карандаш», вышедшие из печати в конце августа 1906 г., были наполнены остросатирическими материалами в адрес епископа Гермогена, содержащими открытые обвинения в призывах к черносотенным

²⁴ ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2772. Л. 2–2 об.

²⁵ Татищев Сергей Сергеевич (1872–1915), граф, занимал посты ковенского (1904–1905) и бессарабского (1905) вице-губернатора, с декабря 1905 г. исполнял должность виленского губернатора. Исполняющим должность саратовского губернатора назначен 13 мая 1906 г., утвержден в должности саратовского губернатора в декабре 1908 г. и занимал ее до декабря 1910 г.

²⁶ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6934. Л. 25.

²⁷ Там же. Л. 27.

погромам. В сентябре 1906 г. последовало представление прокурора Саратовского окружного суда А.А. Воронова прокурору Саратовской судебной палаты А.А. Миндеру, в котором первый отмечал: «Рассмотрев сообщения саратовского инспектора по делам печати от 24 и 28 августа о возбуждении уголовного преследования против редактора журнала «Карандаш» мешанина Николая Лапина и издателя этого журнала Константина Гейнриха за помещение в № 18 и 19 названного журнала стихотворения под заглавием «Что думает владыко, когда ему не спится» (в стихотворении этом говорится, что будто бы Саратовский епископ Гермоген «черную сотню к погрому, в церкви стоя, призывал» и заставлял кричать «бей жидов» и «крамолу») и «Летописец», относящегося к тому же епископу, я, одновременно с ним, предложил судебному следователю 3-го участка г. Саратова произвести предварительное следствие по обвинению упомянутых Лапина и Гейнриха по пункту 5 разряда VIII закона о печати»²⁸. Речь шла о подпункте «в» пятого пункта VIII разряда Указа о временных правилах о повременных изданиях, согласно которому виновный «в распространении посредством повременного издания заведомо ложных о деятельности правительственного установления или должностного лица, войска или воинской части сведений возбуждающих в населении враждебное к ним отношение» подлежал наказанию заключением в тюрьме от двух до восьми месяцев или денежным взысканием не свыше 300 рублей»²⁹.

Как следует из письма Гейнриха от 29 сентября 1906 г., ему было передано устное предупреждение губернатора С.С. Татищева с требованием прекратить печатать материалы, направленные против личности и деятельности Гермогена. Само по себе письмо Гейнриха губернатору представляет собой весьма характерный для эпохи текст, свидетельствующий об убежденности редактора в собственной правоте и решимости отстаивать принцип свободы печати, «не взирая на лица»:

Ваше Сиятельство!

Господин полицеймейстер, от имени Вашего Сиятельства, сообщил мне, что Вы, под страхом высылки меня из Саратовской губернии, запрещаете помещать в издаваемом мною журнале «Карандаш» карикатуры, относящиеся до епископа Гермогена, а равно и статьи, содержащие в себе оскорбление религиозных чувств, усматривая такое

²⁸ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1788. Л. 3.

²⁹ Указ о временных правилах о повременных изданиях (№ 26 962) // Полное собрание законодательства Российской империи. Собр. 3. Т. 25. 1905 г. Отд. 1. СПб., 1908. С. 839.

оскорбление в помещенной мною в альманахе «Голос Правды»³⁰ статье «Тесный кружок», а именно в том, что там приводятся заглавные слова молитвы «Достойно есть». Я полагал, Ваше Сиятельство, что пение молитв в таком собрании, где говорилось о грабеже и об убийствах (100 жидов за одно должностное лицо и т. п.), неуместно и богохульственно, но что прямая обязанность журналиста – указывать, а не замалчивать такой глубоко прискорбный факт. Я думал также, что, издавая журнал, я не в праве не отозваться на такие проявления, как воззвание «Голос Архипастыря». (Воззвание это стоило многих жертв, Ваше Сиятельство!)

Я тоже не знаю, почему нужно замалчивать такой факт, как перерасход 16 000 руб. из епархиальных сумм, тем более что в данном случае я только иллюстрировал то, о чем уже писали и продолжают писать многие издания. Если я позволил себе критиковать действия епископа, то отнюдь не как представителя Св. Церкви, а как частное лицо, злоупотребляющее своим высоким саном. Я думаю, Ваше Сиятельство, я поступил честно и правильно и не заслужил упрека, ни тем менее угрозы административной высылки.

Что касается соображения г-на полицеймейстера, что такие «выходки» могут возбудить к погрому, то я позволяю себе этому не верить; именно последнее выступление (жалоба Вашему сиятельству) наглядно доказывает, что вожаки боятся утратить свое влияние над обмороченными ими людьми; дело не в епископе Гермогене, взгляните на мой журнал, в редком номере вы не встретите критики, направленной против епископа. Почему же до сих пор все было тихо? Административное давление на так называемую левую печать должно ободрить и побудить к действиям; будут говорить: «Правительство за нас», это привлечет в их ряды специалистов-грабителей, на что и рассчитывают партии черной сотни.

На основании всего изложенного осмеливаюсь просить Ваше Сиятельство не ограничивать мой журнал административной властью, я всегда готов отвечать по суду и закону.

³⁰ «Голос правды» – ежедневная монархическая газета, выходившая в Саратове в 1906 г., ее продолжением стала газета «Волга» (редактор Н.П. Тихменев). Название монархической газеты было использовано К.Э. Гейнрихом в качестве заголовка отдельного сатирического сборника, полностью посвященного критике черносотенного движения в Саратовской губернии (Голос правды: Сборник. Единство хулиганов. – Кулак и дубинка. – Виселица, расстрел и каторжный труд. Саратов, 1906). На обложке сборника помещена карикатура на епископа Гермогена, а в содержании выделяется фельетон «Тесный кружок», пародирующий заседание черносотенной организации.

Извините за доставленное беспокойство. Я думаю, что поступаю правильно, обращаясь непосредственно к Вашему сиятельству.

Издатель журнала «Карандаш»

К. Гейнрих,

Саратов, 29 сентября 1906 г.³¹

Письмо Гейнриха губернатору осталось без последствий. Но широкий резонанс разоблачительных публикаций «Карандаша» по адресу епископа Гермогена сформировал общий фон, который усугублял реакцию местных властей на дальнейший рост политической заостренности материалов журнала, на сей раз относившихся непосредственно к личности и деятельности председателя Совета министров П.А. Столыпина.

Литература

- Агапов 2023 – *Агапов В.Л.* Последние цензоры: Владивостокская инспекция по делам печати в 1906–1917 гг. // История и архивы. 2023. № 4. С. 12–35.
- Братолобова, Капацина 2018 – *Братолобова М.В., Капацина Н.А.* Сатирический журнал «Фаланга» как источник политической истории Области войска Донского в начале XX в. // Гуманитарный научный журнал. 2018. № 1. С. 4–10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/satiricheskiy-zhurnal-falanga-kak-istochnik-po-politicheskoy-istorii-oblasti-voyska-donskogo-v-nachale-hh-veka> (дата обращения 19.01.2024).
- Варфоломеев 2015 – *Варфоломеев Ю.В.* «Серебряный век» русской адвокатуры: В 4 ч. Ч. 2: «Молодая адвокатура» на политических процессах в России (конец XIX – начало XX в.). Саратов, 2015. 416 с.
- Голиков, Рыбаченок 2010 – *Голиков А.Г., Рыбаченок И.С.* Смех – дело серьезное: Россия и мир на рубеже XIX–XX вв. в политической карикатуре. М., 2010. 328 с.
- Жирков 2001 – *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. 368 с.
- Лепилкина 2008 – *Лепилкина О.И.* Провинциальная сатирическая пресса в России в начале XX в. // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 12. С. 85–91.
- Патрушева 2016 – *Патрушева Н.Г.* Цензурные учреждения Российской империи и система карательной цензуры в начале XX в. // Труды Санкт-Петербургского института культуры. 2016. Т. 213. С. 79–84.
- Посадский 2007 – *Посадский А.В.* Черная сотня в саратовской деревне в 1905–1916 гг. // Отечественная история. 2007. № 1. С. 134–142.
- Привалов 2019 – *Привалов В.Д.* Сатирическая печать первой русской революции (1905–1908) (по периодическим изданиям Петербурга). СПб., 2019. 506 с.

³¹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 6934. Л. 29–30.

Сысоев, Самаренко 1979 – Сысоев П.С., Самаренко В.П. К.Э. Гейнрих – неутомимый борец против царского самодержавия // Поволжский край. Саратов, 1979. Вып. 6. С. 154–167.

References

- Agapov, V.L. (2023), "The last censors: Vladivostok Inspectorate for the Press in 1906–1917", *History and Archives*, vol. 4, pp. 12–35.
- Bratolyubova, M.V. and Kapacina, N.A. (2018), "The Falanga satirical journal as the source for political history of the Don Military Region at the beginning of the 20th century", *Humanitarian Scientific Journal*, vol. 1, pp. 4–10, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/satiricheskiy-zhurnal-falanga-kak-istochnik-po-politicheskoy-istorii-oblasti-voyska-donskogo-v-nachale-hh-veka> (Accessed 19 Jan. 2024).
- Golikov, A.G. and Rybachenok, I.S. (2010), *Smekh – delo ser'eznoe: Rossiya i mir na rubezhe XIX–XX vv. v politicheskoi karikature* [Laughter is a serious matter. Russia and the world in the political cartoons at the turn of the 19th – 20th centuries], Moscow, Russia.
- Lepilkina, O.I. (2008), "Provincial satirical press in Russia at the beginning of the 20th century", *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 12, pp. 79–84.
- Patrusheva, N.G. (2016), "Censorship institutions of the Russian Empire and the system of punitive censorship at the beginning of the 20th century", *Trudy Sankt-Peterburgskogo instituta kulture* [Proceedings of the St. Petersburg Institute of Culture], vol. 213, pp. 79–84.
- Posadskii, A.V. (2007), "The Black Hundred in Saratov village in 1905–1916", *Otechestvennaya istoriya*, no. 1, pp. 134–142.
- Privalov, V.D. (2019), *Satiricheskaya pechat' pervoi russkoi revolyutsii (1905–1908): po periodicheskim izdaniyam Peterburga* [Satirical press of the First Russian Revolution (1905–1908). Based on the St. Petersburg periodicals], Saint Petersburg, Russia.
- Sysoev, P.S. and Samarenko, V.P. (1979), "K.Eh. Geinrih – a tireless fighter against tsarist autocracy", *Povolzhskii krai* [Volga region], Saratov, USSR, iss. 6, pp. 154–167.
- Varfolomeev, Yu.V. (2015), «Serebryanyi vek» russkoi advokatury. Ch. 2: «Molodaya advokatura» na politicheskikh protsessakh v Rossii (konets XIX – nachalo XX v.) [The Silver Age of the Russian lawyers. Part 2. "The Young Lawyers" in the political trials in Russia (the end of the 19th – beginning of the 20th centuries)], Saratov, Russia.
- Zhirkov, G.V. (2001), *Istoriya tsenzury v Rossii XIX–XX vv.* [History of censorship in Russia in the 19th – 20th centuries], Moscow, Russia.

Информация об авторах

Ольга В. Кочукова, кандидат исторических наук, доцент, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия; 410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, д. 83; kochukovasgu@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-9595-7571

Сергей А. Кочуков, доктор исторических наук, Государственный архив Саратовской области, Саратов, Россия; 410012, г. Саратов, ул. Кутякова, д. 15; kochukovsgu1974@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-3448-7457

Information about the authors

Olga V. Kochukova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Saratov State University, Saratov, Russia; 8, Astrakhanskaya St., Saratov, Russia, 3410012; kochukovasgu@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-9595-7571

Sergei A. Kochukov, Dr. of Sci. (History), State Archives of the Saratov region, Saratov, Russia; 15, Kutyakova St., Saratov, Russia, 410012; kochukovsgu1974@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-3448-7457

Русский легион (1917–1918 гг.): по документам Архива исторической службы Министерства обороны Франции

Петр П. Павличенко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, petr.pavlichenko2019@gmail.com*

Аннотация. Русский легион (1917–1918 гг.) – подразделение из расформированных Русских Особых бригад на Западном фронте. Интерес к этой воинской части не угасает с момента ее создания. Российская историография Русского легиона основана на российских документах и личных воспоминаниях участников. Французские исследования не переведены на русский язык.

В настоящей статье изучены организация, история, боевой опыт Русского легиона на Западном фронте по источникам, хранящимся в Архиве исторической службы Министерства обороны Франции, который расположен в Венсенском замке, в Париже. Эти документы стали доступны для исследователей с 2014 года. Вводя в научный оборот источники Генерального штаба Франции, мы поднимаем в своем исследовании следующие проблемы: оценка французским командованием боевых качеств российских солдат и офицеров, различия между Русским легионом и Иностраным легионом, подписание контрактов о службе российскими солдатами и офицерами после заключения Брестского мира между Россией и Германией, послевоенные и постреволюционные судьбы российских солдат.

Публикация призвана привлечь всех неравнодушных к теме Русского легиона для последующего создания поименного списка участников этого подразделения.

Ключевые слова: Русские Особые бригады, Русский экспедиционный корпус, Русский легион, Архив исторической службы Министерства обороны Франции

Статья поступила в редакцию 20 ноября 2023 г.;

принята к публикации 29 апреля 2024 г.

Для цитирования: Павличенко П.П. Русский легион (1917–1918 гг.): по документам Архива исторической службы Министерства обороны Франции // История и архивы. 2024. Т. 6. № 3. С. 32–44. DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-3-32-44

The Russian Legion (1917–1918). According to the documents of the Historical Service Archives of the French Defense Ministry

Petr P. Pavlichenko

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, petr.pavlichenko2019@gmail.com*

Abstract. The Russian Legion (1917–1918) was a unit of the disbanded Russian Special Brigades at the Western Front. The interest in that military unit has never faded since its creation. The Russian historiography of the Russian Legion is based on the Russian documents and the personal reminiscences of the participants. The results of the research carried out by the French scholars have not been translated into Russian.

The present studies the organization, history and the combat experience of the Russian Legion at the Western Front. The documentary sources are kept in the Historical Service Archives of the French Defense Ministry, located in the Château de Vincennes, Paris. Those documents have become available to researchers since 2014.

We introduce the sources of the General Staff of France into scientific circulation and raise the following questions in our study: the assessment by the French command of the combat qualities of Russian soldiers and officers; the differences between the Russian Legion and the Foreign Legion; the signing of the service contracts by Russian soldiers and officers after the Brest Peace Treaty between Russia and Germany; the post-war and post-revolutionary fate of Russian soldiers.

The publication is intended to attract all those who are not indifferent to the issue of the Russian Legion. The aim is to create a list of the participants of that unit.

Keywords: Russian Special Brigades, Russian Expeditionary Force, Russian Legion, Historical Service Archives of the French Defense Ministry

The article was submitted 20.11. 2023;
accepted for publication 29.04. 2024.

For citation: Pavlichenko, P.P., (2023), “The Russian Legion (1917–1918). According to the documents of the Historical Service Archives of the French Defense Ministry”, *History and Archives*, vol. 6, no. 3, pp. 32–44, DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-3-32-44

Введение

Русский легион (1917–1918 гг.) – часть французской армии периода Первой мировой войны, состоящая из добровольцев расформированных ранее Русских Особых бригад. Исследования по истории этого формирования основаны на личных источниках – воспоминаниях участников, которые в дальнейшем остались в эмиграции или вернулись в советскую Россию.

Русские Особые бригады (1915–1917 гг.) являлись подразделением российской императорской армии, отправленным по ряду соглашений между Россией и Францией на Западный фронт Первой мировой войны. После Февральской революции в России и тяжелых итогов наступления Р. Нивеля (май 1917 г.) во Франции российские солдаты разделились на сторонников и противников продолжения войны. Мятеж в военном лагере Ля-Куртин в сентябре 1917 г. в департаменте Крез привел к расформированию Русских Особых бригад.

Французское правительство предложило российским солдатам и офицерам три варианта действий: во-первых, продолжение участия в войне в составе французской армии; во-вторых, работы по восстановлению инфраструктуры Франции в составе рабочих рот на удалении от фронта; в-третьих, интернирование в лагеря Северной Африки [Павличенко 2021; Павличенко 2022]. Согласившиеся на первый вариант военнослужащие в дальнейшем и сформировали Русский легион.

История Русского легиона включает два этапа: декабрь 1917 – март 1918 г., март – ноябрь 1918 г. Первым этапом является формирование военного подразделения из расформированных Русских Особых бригад [Павлов 1995]. Второй этап включает участие российских солдат и офицеров уже в составе французской армии на Западном фронте.

Интерес исследователей к Первой мировой войне в России и во Франции способствовал появлению новых сюжетов, связанных с неизвестными до недавнего времени страницами истории войны. М.К. Чиняков, ученый секретарь Фонда памяти воинов Русского экспедиционного корпуса, активно изучает Русские Особые бригады: историю, боевой опыт, быт [Чиняков 1997; Чиняков 2006]. Он же опубликовал в 2014 г. статью, в которой были собраны факты истории Русского легиона: формирование, военный быт, участие в боевых действиях [Чиняков 2014]. Во Франции историей российских солдат и офицеров занимался Р. Адам. Он опубликовал и снабдил комментарием дневник солдата Русской Особой бригады Степана Ивановича Гавриленко [Adam 2014]. Другая его работа посвящена тому, как создание и отправка Русских Особых бригад

во Францию повлияла на отношения двух стран [Adam 2020]. Одно из самых ранних исследований Р. Адама рассказывает о Куртинском восстании и возвращении на родину солдат после расформирования бригад [Adam 1996]. Его работы не переводились на русский язык.

Источниковую базу статьи составляют источники личного происхождения, а также документы французского Генерального штаба Первой мировой войны, которые хранятся в Архиве исторической службы Министерства обороны Франции. С 2014 г. эти документы доступны для исследователей. В архиве хранится более 200 коробок материалов по истории Русских Особых бригад. В отличие от российской архивной системы, во Франции документы не классифицированы по делам, не сшиты и не пронумерованы, лишь физически собраны в коробки, при этом детальное описание их содержания отсутствует. Проведенное исследование не исчерпывает всего комплекса документов Архива исторической службы Министерства обороны Франции, посвященных Русскому легиону.

Цель исследования – проследить историю Русского легиона на основе материалов Архива исторической службы Министерства обороны Франции и изучить ее ранее не известные аспекты.

В статье в научный оборот впервые вводятся французские документы официального характера из Архива исторической службы Министерства обороны Франции, на основании которых можно сделать выводы о том, какое мнение о Русском легионе и российских военнослужащих, об их боевых качествах сложилось у военного командования Франции и каким образом это повлияло на судьбу легионеров в конце первого мирового конфликта.

Судьба Русского легиона

Нам удалось выяснить, что Русский легион входил в состав 2-й бригады Марокканской дивизии с января по июнь 1918 г. С июля 1918 г. эта воинская часть вошла в 1-ю бригаду. Русский легион вышел из состава 1-й бригады Марокканской дивизии 25 декабря 1918 г.¹

До июля 1918 г. Русский легион состоял из четырех батальонов. Но на фронте были задействованы только 1-й и 4-й батальоны, которыми командовали российские офицеры Г.С. Готуа и Семенов². 2-й и 3-й батальоны, которыми командовали соответственно Йёске и Балбачевский, на фронт отправлены не были.

¹ Service historique de la Défense de la France (SHD). 24N2931.

² По документам не удалось выявить инициалы ряда офицеров.

1-й батальон состоял из 13 офицеров и 490 солдат и был распушен в начале июля 1918 г. 2-й батальон, находившийся под командованием полковника Йеске, затем полковника Котовича, состоял из 11 офицеров и 397 солдат. 3-й батальон состоял из 21 офицера и 504 солдат. В 4-й батальон входили 6 офицеров и 234 солдата. В июле 1918 г. 4 батальона были объединены в один³.

Генерал А.-Ж.-М. Доган, командующий Марокканской дивизией, направил полковнику Буше, командиру 1-й бригадой дивизии, журналы боевых действий, в которых участвовал Русский легион в апреле, мае, июне и сентябре 1918 г. В журналы были включены сведения о понесенных потерях и полученных наградах. Генерал Доган хотел показать офицерам Русского легиона, «как высоко командование оценивает их действия»⁴.

В отчеты об операциях, в которых участвовал Русский легион в апреле, мае, июне и сентябре 1918 г., включены сведения о понесенных потерях⁵. Именные списки раненых и погибших в боях апреля, мая, июня 1918 г. хранятся отдельно⁶.

В Приказе по французской армии от 8 октября 1918 г. были названы имена временного командира Русского легиона французского офицера Ш.-И. Трамюзе, который погиб в сентябрьских боях 1918 г., и протоиерея Богословского, предположительно погибшего в боях за Терни-Сорни⁷. Письмо о предполагаемой смерти протоиерея Богословского датировано 3 сентября 1918 г. Однако по официальной записке Генштаба от 27 ноября 1918 г. «Русский легион не получил ни одной больничной карты, подтверждающей смерть этого священника»⁸.

В сводке Генштаба от 25 февраля 1919 г. сообщается об участии Русского легиона в боевых действиях завершающего этапа войны. Далее приведем несколько документов из французского журнала боевых действий от 20 января 1919 г., рассказывающих об истории Русского легиона (представлены в авторском переводе).

В журнале говорится о том, что французское командование не раз в приказах отмечало боевые качества российских солдат. Так, в приказе Генштаба от 30 сентября 1918 г. о боевых действиях Русского легиона говорится: «Солдаты 1-го элитного батальона выполнили свой долг, сражаясь под неослабевающим огнем противника, проявив полное презрение к смерти и исключительное стремление

³ Service historique de la Défense de la France (SHD). 16N211.

⁴ Ibid. 24N2931.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid. 17N689.

⁷ Ibid. 16N211

⁸ Ibid. 24N2931.

к победе. Выказав редкую храбрость, российские солдаты остановили ценой огромных потерь наступление противника под Амьеном, в ходе боевых действий на Сомме с 26 по 30 апреля 1918 г. Российские солдаты явили не меньшие чудеса мужества под Суассоном 29–30 мая и 2 сентября 1918 г., где продемонстрировали отвагу, храбро сражаясь за удержание занятых позиций, взяли в плен представителей противника, захватили его вооружение и боеприпасы»⁹.

Приказ командующего восточной группой армий от 11 декабря 1918 г. гласил: «Солдаты 2-го элитного батальона выполнили свой долг под неослабевающим напором противника, не боясь смерти и добиваясь победы всеми силами. Российские солдаты в боях 2 сентября 1918 г. показали удивительные воинские качества: неугасимый победный дух, силу и упорство, находящиеся выше всяческих похвал. Российские солдаты, выступая во второй линии, неожиданно вырвались в первую линию, но были остановлены жестоким огнем пулеметов и артиллерии. Однако, используя искусный маневр, они прорвались к востоку от деревни Терни-Сорни, захватили ее и удержали после кровопролитного рукопашного боя, продолжившегося всю ночь. Не уступили они ни пяди земли в течение двух последующих дней, несмотря на яростные контратаки противника. 14 сентября российские воины уничтожили хорошо укрепленное и обороняемое с остервенением пулеметное гнездо, после чего с неугасаемой энергией и растущим боевым духом развили успех: заняли равнину к востоку от Альмана и вырвали победу из рук грозного противника»¹⁰.

В приказе главнокомандующего № 12336 от 10 декабря 1918 г. также отмечалась доблесть российских солдат: «Русские солдаты в ходе атаки 26 апреля 1918 года проявили безудержный пыл и отсутствие страха смерти. Они удержали захваченные позиции, несмотря на продолжающиеся контратаки и непрерывающийся огонь артиллерии противника, и тем заставили собой гордиться. Они проявили не меньшие чудеса храбрости во время боевых действий под Суассоном 29–30 мая 1918 г., где показали те же достойные истинных воинов качества»¹¹.

В состав французской армии входили как Русский, так и французский Иностранный легионы, в который тоже могли вступить российские солдаты и офицеры. В литературе зачастую эти две воинские части смешиваются, однако французские архивные

⁹ Michka 16–18. URL: <https://www.brigadesrusses.fr/#Accueil.A> (дата обращения 09.09.2021).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

документы позволяют сделать вывод об одновременном существовании двух названных легионов 1917–1918 гг.

Набрать российских добровольцев в маршевый полк Иностранного легиона было предложено Генштабом Франции в декабре 1917 г. В то же время был создан Русский добровольческий батальон, не входивший в Иностранный легион¹². Обе воинские части были приписаны к 1-й бригаде Марокканской дивизии. Русский батальон был расквартирован в учебном центре Марокканской дивизии и приписан к 8-му зуавскому полку.

По правилам французского Иностранного легиона российские офицеры и солдаты во Франции должны были подписать соглашение на время войны. Причем офицеры «записывались в батальон простыми солдатами»¹³.

Военнослужащие Русского легиона и французского Иностранного легиона были расквартированы вместе и проходили подготовку в учебном центре Марокканской дивизии, что вызвало путаницу в документах. Приказом Генштаба Франции было определено: «Русский батальон, прикрепленный непосредственно к Марокканской дивизии, может стать как отдельной боевой единицей, так и кадровым резервом для Иностранного легиона»¹⁴.

После подписания советской Россией Брестского мира командир бывшего 1-го Особого пехотного полка полковник Сперанский 18 марта 1918 г. призвал своих офицеров и солдат продолжать сражаться на французском фронте. Однако вскоре возникли проблемы из-за жалоб российских солдат своим офицерам о нежелании воевать, так как Россия заключила мир с Германией и ее союзниками. В доказательство своей позиции солдаты предъявляли контракты, в которых было сказано, что они «действительны до подписания мира между Россией и Центральными державами»¹⁵.

После заключения Брестского мира французское правительство признало ранее заключенные контракты о службе российских офицеров и солдат в Русском и во французском Иностранном легионах недействительными. В июне 1918 г. французским правительством было дано указание заключить новые контракты с офицерами и солдатами Русского и французского Иностранного легионов¹⁶.

Российские военные согласились подписать с французским правительством новые контракты о службе. Одним из побудительных мотивов был страх перед большевистской властью в России,

¹² Ibid. 7N2011.

¹³ Service Historique de la Défense de la France (SHD). 16N211.

¹⁴ Ibid. 17N689.

¹⁵ Ibid. 16N211.

¹⁶ Ibid. 7N2064.

которая объявила тех российских граждан, которые продолжают участие в войне, «врагами Республики Советов и революции»¹⁷.

В июне 1918 г. 220 российских офицеров и солдат отправились из Греции во Францию для вступления в Русский легион. Они были направлены на базу в Лавале. В Лионское депо были отправлены 342 российских офицера и солдата для вступления во французский Иностраннный легион.

В рапорте от 22 июня 1918 г. генералу Догану командир 1-й бригады Марокканской дивизии полковник Буше указал на проблемы, исходившие от российских солдат, которые были отправлены в Алжир после расформирования Русских Особых бригад. Эти солдаты вступили в состав рабочих рот и, по их мнению, заключенные ими контракты не предусматривали обязательства участия в боевых операциях¹⁸.

В июне 1918 г. командование французского Иностранного легиона запросило сведения о боевых операциях Русских Особых бригад в Греции. Оно указывало также больше не присылать им российских добровольцев: «Поддержание равного процента национальностей в Иностранном легионе необходимо для сохранения его значения как межнационального подразделения и во избежание преобладания какой-либо одной национальности». Новые же контракты для офицеров и солдат Русского легиона содержали обязательство на русском языке: «подчиняться французской дисциплине»¹⁹.

Генерал Доган ожидал от французского правительства точных инструкций по условиям новых контрактов и выразил надежду, что ему удастся удержать как можно больше российских офицеров и солдат, боевые качества которых он высоко ценил.

Когда в июле 1918 г. генерал Доган выразил опасения французскому правительству по поводу новых контрактов, которые требовалось подписать российским военным служащим, Генштаб обвинил его в «поблажках» российским солдатам и офицерам и в самоуправстве: «Доган сделал это без ведома Главнокомандующего 10-й армией и Верховного Главнокомандующего»²⁰.

Тогда генерал Доган направил пояснительное письмо в Генштаб. Он отправил капитана Лупанова в Париж 23 июня в целях прояснения ситуации с новыми контрактами, «известия о которых вызвали волнения в среде российских военным служащих. По мнению российских офицеров, данная мера в том виде, в котором она

¹⁷ Ibid. 17N689.

¹⁸ Ibid. 24N2931.

¹⁹ Ibid. 16N211.

²⁰ Ibid. 17N689.

была представлена, не могла не вызвать отказов со стороны подавляющего большинства российских военнослужащих. Я не хочу лишиться от пренебрежения их интересами 400 человек, которые сражались с величайшей храбростью... Разобраться в обстановке и принять меры необходимо быстро, так как командование приказало немедленно подписать новые контракты»²¹.

Генерал Доган понимал «неопределенность, в которой российские офицеры и солдаты живут с начала русской революции». Он подчеркивал: «Этих людей так часто обманывали!.. Поэтому они испугались, что требуемый от них контракт превратит их во “французских солдат” на том же основании, что и солдат Иностранного легиона. И тем самым лишит Русский легион статуса особого подразделения, служащего под российским флагом и с российским командованием»²².

И все-таки в Русском легионе появились добровольцы, подписавшие новые контракты. 277 человек из 4-х батальонов сделали это²³. Отказавшиеся подписать новые контракты были направлены в рабочие роты, находившиеся как на территории Франции, так и в Африке.

Реорганизация Русского легиона произошла 26 июля 1918 г. Он был разделен на два отряда. Отряд капитана Мартынова состоял из 101 российского военнослужащего, прибывшего из Греции, и солдат рабочих рот из Вогезов. Отряд капитана Сурина состоял из 89 человек, представлявших Русский легион и рабочие роты из Алжира. Во второй отряд входила пулеметная рота капитана Лупанова. Французский офицер Иностранного легиона Трамюзе был назначен командиром батальона. Он погиб 2 сентября 1918 г. в боях за Терни-Сорни. На 1 августа 1918 г. численность Русского легиона составляла 270 человек. Для пополнения личного состава нужен был набор из рабочих рот.

Из записки Генштаба от 1 августа 1918 г. следует, что из 694 российских офицеров и солдат, подписавших новые контракты о службе в Иностранном легионе, 265 заявили, что не хотят воевать. Командование постановило, что «их в обязательном порядке следует собрать в дисциплинарные отряды и отправить в Северную Африку»²⁴.

Новый контракт о службе во французском Иностранном легионе гласил, что на период войны и через год после заключения мира заключившие его лица получали при подписании аванс

²¹ Ibid. 16N211.

²² Ibid. 24N2931.

²³ Ibid.

²⁴ Ibid. 17N689.

в размере от 250 до 500 франков, а остальную часть жалования – через 4 месяца²⁵.

Среди солдат росли антивоенные настроения. В комплексе источников нами была выявлена листовка, которая распространялась среди российских военнослужащих французского Иностранного легиона в Африке. По французской архивной системе документы в коробке не сшиты и не пронумерованы. На данный момент мы не установили связи с другими источниками. В листовке следующие слова: «Земляки! Жестокая судьба унесла нас далеко от родной земли: мы, не зная, что происходило с нашим народом, воевали здесь и умирали. <...> Вместо славы, которую мы заслужили на полях Шампани, мы получили пустыни Африки. Движимые голодом и ужасами, многие из нас пошли на самоубийство, что не прошло мимо многих наших лучших и храбрых друзей <...> Те же, кто остался, <...> должны были вступить в ряды французской армии и умереть»²⁶.

После начала Гражданской войны в России страны Антанты начали интервенцию против большевиков. Французским правительством готовились проекты отправки вооруженных сил в Россию, в частности солдат и офицеров бывших Русских Особых бригад. В Генштаб Франции был направлен текст речи командующего Добровольческой армией генерала А.И. Деникина, которую он произнес в Могилеве 22 мая 1917 г. на закрытии Офицерского собрания и которая содержала призыв к продолжению войны. После заключения перемирия 11 ноября 1918 г. от Генштаба Франции поступило предложение о формировании российских частей для отправки в Россию с целью поддержки армии генерала А.И. Деникина.

В записке нового командира Русского легиона полковника Г.С. Готуа от 8 декабря 1918 г. были названы условия, необходимые для формирования российских воинских частей для последующей их отправки из Франции в Россию²⁷. Однако этим планам осуществиться было не дано.

Заключение

Русский легион (1917–1918 гг.) продолжил сражаться на Западном фронте после расформирования Русских Особых бригад и выхода Советской России из Первой мировой войны.

²⁵ Ibid. 16N211.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid.

На основании изученных документов были выявлены следующие важные аспекты истории Русского легиона в период Первой мировой войны, а именно в 1917–1918 гг.

Во-первых, мы увидели неоднократное признание французским командованием выдающихся качеств российских солдат и офицеров и, следовательно, высокой потребности в них, четко осознаваемой французскими высшими офицерами в изучаемый период.

Во-вторых, существует необходимость четкого различия между Русским легионом и Иностраннным легионом во Франции, в котором также служили российские офицеры и солдаты. Путаница в этих понятиях может привести к ошибочным выводам.

Наконец, остаются нераскрытыми важные вопросы, связанные с необходимостью подписания новых контрактов российскими офицерами и солдатами после заключения Брестского мира между Россией и Германией. Эта проблема выводит нас на еще более важный вопрос послевоенных и постреволюционных судеб российских военнослужащих за рубежом.

Актуальным остается поиск и публикация поименных списков личного состава Русского легиона, что позволит исследователям подробнее проследить судьбы российских солдат и офицеров во Франции.

Литература

- Павличенко 2021 – *Павличенко П.П.* Документы по Куртинскому кризису 1917 г. в Архиве исторической службы Министерства вооруженных сил Франции // Вестник ВНИИДАД. 2021. № 6. С. 65–70.
- Павличенко 2022 – *Павличенко П.П.* Рабочие роты (1917–1920 гг.): по документам архива исторической службы Министерства обороны Франции // Гуманитарные исследования Центральной России. 2022. № 1 (22). С. 53–62.
- Павлов 1995 – *Павлов А.Ю.* Русские войска во Франции и Македонии во время Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. 137 с.
- Чиняков 1997 – *Чиняков М.К.* Русские войска во Франции и Македонии (Салониках): 1916–1918. М.: Рейтар, 1997. 120 с.
- Чиняков 2006 – *Чиняков М.К.* Русские войска во Франции в годы Первой мировой войны (1916–1918): формирование, командный состав, участие в боевых действиях, военный быт: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. 310 с.
- Чиняков 2014 – *Чиняков М.К.* Русский легион на Западном фронте Первой мировой войны (декабрь 1917 г. – ноябрь 1918 г.) // Россия и Франция: XVIII–XX вв. / отв. ред. и сост. П.П. Черкасов. Вып. 11. М.: Весь мир, 2014. С. 167–186.

- Чиняков 2017 – *Чиняков М.К.* Куртинский кризис (май – сентябрь 1917 г.). М.: МПГУ, 2017. 308 с.
- Adam 1996 – *Adam R.* Histoire des soldats Russe en France: 1915–1920: Les damnés de la guerre. P.: L'Harmattan, 1996. 383 p.
- Adam 2014 – *Adam R.* Le journal de Stéphane Ivanovitch Gavrilenko: Un soldat Russe en France, 1916–1917. Toulouse: Privat, 2014. 208 p.
- Adam 2020 – *Adam R.* Les révoltés de La Courtine: Histoire du corps expéditionnaire Russe en France (1916–1920). Marseille: Agone, 2020. 536 p.

References

- Adam, R. (1996), *Histoire des soldats Russe en France: 1915–1920: Les damnés de la guerre*, L'Harmattan, Paris, France.
- Adam, R. (2014), *Le journal de Stéphane Ivanovitch Gavrilenko: Un soldat Russe en France, 1916–1917*, Privat, Toulouse, France.
- Adam, R. (2020). *Les révoltés de La Courtine: Histoire du corps expéditionnaire Russe en France (1916–1920)*, Agone, Marseille, France.
- Chinyakov, M.K. (2014), “The Russian Legion on the Western front of the First World War (December 1917 – November 1918)”, in Cherkasov, P.P., ed. and comp., *Rossiya i Frantsiya: XVIII–XX veka* [Russia and France. 18th – 20th centuries], iss. 11, Moscow, Russia, pp. 167–186.
- Chinyakov, M.K. (1997), *Russkie voiska vo Frantsii i Makedonii (Salonikakh): 1916–1918* [Russian troops in France and Macedonia (Thessaloniki): 1916–1918], Reitar, Moscow, Russia.
- Chinyakov, M.K. (2006), *Russkie voiska vo Frantsii v gody Pervoi mirovoi voiny (1916–1918): formirovanie, komandnyi sostav, uchastie v boevykh deistviyakh, voennyi byt* [Russian troops in France during the First World War (1916–1918). Formation, command staff, combat service, military life], Ph. D. Thesis, Saint Petersburg, Russia.
- Chinyakov, M.K. (2017), *Kurtinskii krizis (mai – sentyabr' 1917 g.)* [Curtin Crisis (May–September 1917)], MPGU, Moscow, Russia.
- Pavlichenko, P.P. (2021), “Documents on the Curtin crisis of 1917 in the Archives of the Historical Service of the French Defense Ministry”, *Herald of VNIIDAD*, no. 6, pp. 65–70.
- Pavlichenko, P.P. (2022), “Labor service companies (1917–1920). According to the documents of the Archives of the Historical Service of the French Ministry of Defense”, *Humanities Researches of the Central Russia*, vol. 22, no. 1, pp. 53–62.
- Pavlov, A.Yu. (1995), *Russkie voiska vo Frantsii i Makedonii vo vremya Pervoi mirovoi voiny* [Russian troops in France and Macedonia during the First World War], Ph.D. Thesis (History), Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Петр П. Павличенко, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; petr.pavlichenko2019@gmail.com

ORCID ID: 0009-0009-3312-6746

Information about the author

Petr P. Pavlichenko, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; petr.pavlichenko2019@gmail.com

ORCID ID: 0009-0009-3312-6746

УДК 75.046

DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-3-45-61

Иконография щитов римских легионеров последней трети II в.: на материале рельефов колонны Марка Аврелия

Егор А. Баженов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, egor-bazhenov@yandex.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются рельефы с изображениями римских легионеров на колонне Марка Аврелия в качестве источника по римскому военному снаряжению и военной тактике последней трети II в. Традиционно в историографии данные изображения не считаются достаточно репрезентативными из-за большого числа заимствований из других памятников римского триумфального искусства. Посредством анализа изображений различных типов легионерских щитов на колонне Марка Аврелия и сопоставления их с другими памятниками римского искусства последней трети II – начала III в. между ними были выявлены совпадения в репрезентации элементов римского военного снаряжения. На колонне фиксируется использование легионерами как минимум четырех типов щитов различных форм. Также предполагается, что разные по формам и типам щиты могли использоваться римскими воинами даже в рамках одного строя или формации без привязки к конкретной линии построения. В целом рельефы колонны позволяют подвергнуть сомнению устоявшиеся представления о единообразном вооружении римских легионов в период принципата. Таким образом, рельефы колонны Марка Аврелия можно рассматривать как ценный источник по военному делу эпохи ранней Империи.

Ключевые слова: колонна Марка Аврелия, легион, щиты, военное снаряжение, вооружение, принципат, иконография

Статья поступила в редакцию 29 декабря 2023 г.;
принята к публикации 29 апреля 2024 г.

Для цитирования: Баженов Е.А. Иконография щитов римских легионеров последней трети II в.: на материале рельефов колонны Марка Аврелия // История и архивы. 2024. Т. 6. № 3. С. 45–61. DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-3-45-61

Iconography of the Roman legionaries' shields of the last third of the 2nd century AD: On the material of the reliefs of the Marcus Aurelius Column

Egor A. Bazhenov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, egor-bazhenov@yandex.ru*

Abstract. The article considers the reliefs with the Roman legionnaires' images on the Column of Marcus Aurelius as a source on the Roman weaponry and military tactics of the last third of the 2nd century AD. Traditionally in historiography, those images are not considered sufficiently representative due to the large number of the borrowings from other monuments of the Roman triumphal art. By analyzing the images of various legionary shields on the Marcus Aurelius Column and comparing them with other monuments of the Roman art of the last third of the 2nd – early 3^d centuries AD, there were similarities found between them in representing the elements of the Roman military equipment. The Column images prove the use by the legionnaires of at least four types of shields with various shapes. It is also assumed that Roman soldiers could have used the shields of different shapes and types even within the same formation or the formation without any reference to a particular line of formation construction. In general, the reliefs of the column make it possible to challenge the conventional wisdom of the uniform armament of the Roman legions during the period of the Principate. Thus, the reliefs of the Column of Marcus Aurelius can be considered a valuable source on the military affairs of the early Empire era.

Keywords: Marcus Aurelius Column, legion, shields, military equipment, weaponry, Principate, iconography

The article was submitted 29.12. 2023;

accepted for publication 29.04.2024.

For citation: Bazhenov, E.A. (2024), "Iconography of the Roman legionaries' shields of the last third of the 2nd century AD. On the material of the reliefs of the Marcus Aurelius Column", *History and Archives*, vol. 6, no. 3, pp. 45–61, DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-3-45-61

Введение

Колонна Марка Аврелия является одним из самых значимых и масштабных памятников римского искусства последней трети II в., которая и по сей день украшает центр современного города

Рима. Образцом для монумента, как хорошо известно, послужила более ранняя колонна Траяна, и на первый взгляд рельефы обеих колонн могут показаться очень похожими. Тем не менее стилистически и с точки зрения техники исполнения колонна Марка Аврелия, несмотря на наличие многих общих мотивов и решений, разительно отличается от колонны Траяна. В частности можно отметить большую экспрессивность и «эмоциональность» рельефов колонны Марка Аврелия [Andreae 1977, p. 206].

Сами рельефы колонны посвящены некоторым эпизодам Маркоманнских войн (166–180 гг.), относящимся к 171–175 гг. [Ермолова 2022, с. 303]. Предположительно, строительство самой колонны началось в 176 г. по случаю германского и сарматского триумфа Марка Аврелия [Beckmann 2011, pp. 22, 36]. Однако есть версия, что колонна относится к разряду посмертных памятников «императора-философа» и была заложена его сыном Коммодом в 180 г. н. э. [Beckmann 2011, p. 22]. Так или иначе, монумент был завершён около 193 г. [Beckmann 2011, p. 22]. Рельефы памятника ещё в конце XIX в. были структурированы Петерсеном, А. фон Домашевским и Г. Калдерини и разделены на 116 сцен¹ [Ермолова 2022, с. 304].

Для восстановления внешнего облика римских войск периода принципата исследователи нередко прибегают к изобразительным источникам, в том числе и к рельефам имперских пропагандистских монументов (триумфальных арок, колонн, фриз и т. д.). Существует мнение, что, несмотря на все стилистические и художественные особенности конкретных произведений, античные авторы при создании образов на подобных памятниках ясно осознавали необходимость отражать существовавшую реальность и стремились точно передать детали снаряжения и одежды римских воинов [Д'Амато 2012, с. 11].

Несмотря на вышесказанное, существует точка зрения, что запечатленное на колонне Марка Аврелия римское армейское снаряжение не вполне соответствует бытовавшей исторической действительности того периода [Beckmann 2011, p. 155]. К тому же рельефы колонны Марка Аврелия явно подражают и в ряде эпизодов копируют рельефы колонны Траяна, которая оказала весьма большое влияние на римское скульптурное искусство в целом [Bishop 2022, p. 5]. Согласно такой позиции, все это делает рельефы колонны Марка Аврелия менее ценными источниками, в частности, в вопросе понимания эволюции и развития щитов римских легионеров [Bishop 2020, p. 19]. В целом сторонниками

¹ *Petersen E., von, Domaszewski A., Calderini G.* Die Marcus-Säule auf Piazza Colonna in Rom. Vol. 1–3. München, 1896. Далее в работе ссылки на рельефы колонны Марка Аврелия будут приводиться по этому изданию.

такого подхода отмечается художественная и репрезентативная вторичность этого памятника.

Таким образом, в исторической науке существуют сомнения в аутентичности воинского снаряжения, изображенного на рельефах колонны Марка Аврелия. В этой связи представляется перспективным рассмотреть сцены с участием римских legionаров на колонне Марка Аврелия и проанализировать изображенные на ней щиты, а также сравнить их с некоторыми другими изобразительными памятниками последней трети II – начала III в.

В античном оружьеведении сравнение уцелевших памятников вооружения со скульптурными изображениями (а также сопоставление изображений между собой) – главный способ установить принадлежность того или иного изделия к тому или иному типу или роду войск. Другим критерием для классификации и атрибуции может послужить географическое происхождение изделия, какие-либо надписи или оружие, найденные в захоронении, если рассматривается вооружение воина на его надгробии или в могиле [Д'Амато 2012, с. 193]. Оба этих подхода будут активно применены и использованы в рамках данной работы.

Важно подчеркнуть, что под «римскими legionарями» в рамках данной работы будут подразумеваться воины, изображенные в сегментированных доспехах (*lorica segmentata*). Вызвано это тем, что исследователи традиционно делят различные части римской армии по типу запечатленного на рельефах колонн (что Траяна, что Марка Аврелия) доспеха: воины в чешуйчатых доспехах интерпретируются как преторианцы (или как другие части императорской гвардии), в сегментированных доспехах – как legionеры, в кольчужных доспехах – как ауксиларии (воины вспомогательных частей). Корни такого подхода уходят в изучение фриз колонны Траяна [Beckmann 2011, pp. 152–153], где прослеживается подобная жесткая дифференциация.

Важно подчеркнуть, что многие рельефы очень сильно повреждены, что существенно осложняет восстановление контекста некоторых сцен [Дороненко 2020, с. 135]. Также стоит отметить, что ряд батальных сцен (XXXIV², XL³, XLVII⁴, LXXXVI⁵) подвергся реставрации в эпоху Ренессанса. В связи с этим существует позиция, что эти рельефы могут не отражать оригинальное содержание сцен [Beckmann 2011, p. 228], поэтому не исключено, что элемен-

² Petersen E., von, Domaszewski A., Calderini G. Op. cit. Vol. 1. Tafel 41B, 42A.

³ Ibid. Tafel 47A–B, 48A.

⁴ Ibid. Tafel 53B, 54A.

⁵ Ibid. Vol. 2. Tafel 84B, 85A–B.

Рис. 1. Римские солдаты, облаченные в разные типы доспехов. Рельеф колонны Марка Аврелия, сцена XVI (фрагмент).

Источник: *Petersen E., von, Domaszewski A., Calderini G. Die Marcus-Saule auf Piazza Colonna in Rom. Vol. 1. München, 1896. Tafel 22A*

ты римского вооружения, включая щиты, в этих сценах могли быть также искажены в ходе реставрационных работ. Учитывая сомнительную аутентичность данных рельефов, воинское снаряжение из сцен XXXIV, XL, LXXVI, XLVII в рамках статьи анализироваться не будет.

На колонне Марка Аврелия на отдельных рельефах периодически прослеживается намеренное чередование типов доспехов в ритме чешуйчатый – кольчужный – сегментированный доспех. В этом усматривают своеобразную «визуальную игру» скульпторов [Bishop, Coulston 2009, р. 5], целью которой, вероятно, служило стремление разнообразить внешний облик римских солдат в тех или иных сценах. При этом стоит добавить, что, помимо чешуйчатых, кольчужных и сегментированных доспехов, можно встретить и анатомические кирасы (*lorica musculata*), а значит, и «визуальная игра» в некоторых эпизодах становится еще более разнообразной.

Так, в сцене XVI⁶ в нижнем регистре можно увидеть римских солдат во всех четырех типах доспехов (рис. 1). Воины выстроены в ряд и снаряжены одинаково (за исключением доспехов), а потому

⁶ Ibid. Vol. 1. Tafel 22A.

не исключено, что перед нами бойцы одного подразделения. Также не стоит полностью отрицать вероятность того, что подобные «визуальные игры» и вовсе могли иметь под собой некую реальную основу. Важно в этой связи подчеркнуть, что снаряжение, например, преторианцев (за исключением, в некоторых случаях, щитов и шлемов) не отличалось от экипировки остальных римских солдат [Дороненко 2020, с. 135]. Однако, чтобы избежать лишних разночтений в интерпретации римских воинов, в рамках данной работы было решено последовать устоявшемуся подходу. Поэтому особое внимание в работе будет уделено лишь легионерам, под которыми будут пониматься воины, изображенные на колонне Марка Аврелия в сегментированных доспехах.

Иконография прямоугольных полуцилиндрических skutumov и плоских овальных щитов

Изначальной традиционной формой щита римского легионера был овальный изогнутый skutum [Cowan 2003, p. 27], который имел характерный овальный умбон и длинное вертикальное ребро. Такая форма щитов представлена на нескольких монументах республиканской эпохи [Коннолли 2001, с. 131], в частности на рельефах так называемого алтаря Домиция Агенобарба [Банников 2015, с. 83, рис. 3]. В современной исторической науке считается, что в начале I в. н. э. при Октавиане Августе овальный skutum, популярный в республиканский период, был замещен более коротким прямоугольным щитом [Махлаюк, Негин 2009, с. 458–460]. Утверждается также, что овальная изогнутая форма skutuma в период принципата сохранялась только у одной категории войск – у преторианцев [Bishop 2020, p. 14]. Считается, что в конце I в. н. э. они по-прежнему выходили на парады с подобными щитами, которые к тому времени стали сугубо церемониальными [Коннолли 2001, с. 233]. Однако в этой связи важно отметить, что некоторые исследователи отрицают существование концепции сугубо парадного вооружения в Древнем мире [Д’Амато 2012, с. 12], поэтому не исключено, что подобная «архаичная» форма skutumov могла сосуществовать с другими типами щитов и в походах, и на полях сражений времен раннего принципата, поскольку в римской армии в целом и даже в отдельных небольших подразделениях на протяжении столетий «устаревшее» вооружение и снаряжение сосуществовало с новыми образцами [Д’Амато 2012, с. 12].

Современный итальянский историк Р. Д’Амато в одной из своих работ утверждает, что все римские воины на колонне Марка Аврелия защищены овальными и круглыми щитами

[Д'Амато 2012, с. 192]. Весьма схожую позицию занимает и отечественный исследователь Дороненко И.А., который подчеркивает, что все skutумы на колонне Марка Аврелия изображены овальными. Согласно его мнению, исключение составляет лишь сцена (LIV)⁷, на которой римские воины выстроились в «черепаха» (testudo) [Дороненко 2020, с. 135]. Однако тщательный анализ рельефов колонны Марка Аврелия не позволяет согласиться с этими утверждениями. На колонне римские легионерские щиты отличаются достаточно большим разнообразием.

По мнению отдельных историков, изменения в римской тактике ведения боя в конце II – начале III в. н. э. привели к тому, что овальными щитами и копьями стали вооружаться последние ряды центурий, и лишь первые ряды боевого порядка имели на вооружении пилумы и большие щиты (прямоугольные skutумы) [Банников 2009, с. 273–274]. Однако если обратиться к сцене LXXVIII⁸ колонны Марка Аврелия, то можно увидеть, что прямоугольные полуцилиндрические skutумы и плоские овальные щиты изображены поочередно и без определенной четкой привязки. Воинов, облаченных в сегментированные доспехи, запечатлено восемь человек. Они изображены группой, состоящей из четырех шеренг, в каждой шеренге по два легионера. В первой шеренге можно увидеть оба типа щитов, во втором ряду ситуация аналогичная, в третьем у легионеров два плоских овальных щита, а в последнем, четвертом, снова прослеживается два типа щитов. Все легионеры в сцене вооружены копьями. Такое распределение щитов между воинами не может быть до конца объяснено ни функциями воинов, ни тактикой ведения сражения. Следовательно, представляется возможным проинтерпретировать рельефы сцены LXXVIII как вероятное доказательство ситуативного использования разных типов щитов в рамках одного строя или формации.

Также, предположительно, в рассматриваемый период легионерами в боестолкновениях могли использоваться прямоугольные полуцилиндрические skutумы в сочетании с копьями. Подтверждением этому могут служить рельефы сцен XCIII⁹ и XCVII¹⁰. В первом случае римские легионеры, снаряженные подобными skutумами и копьями, обороняют обоз, построившись в одном из фрагментов в своеобразную фалангу или «стену щитов», а во втором – сражаются и отгоняют варварских всадников (рис. 2).

⁷ Ibid. Tafel 62A–B.

⁸ Ibid. Vol. 2. Tafel 88A–B.

⁹ Ibid. Vol. 2. Tafel 101A–B.

¹⁰ Ibid. Tafel 105A–B.

Рис. 2. Римский легионер, снаряженный копьем и прямоугольным полуцилиндрическим skutumom, противостоит варварскому всаднику. Рельеф колонны Марка Аврелия, сцена ХСVII (фрагмент).

Источник: *Petersen E., von, Domaszewski A., Calderini G. Die Marcus-Saule auf Piazza Colonnain Rom. Vol. 2. München, 1896. Tafel 105B*

В сцене СIII¹¹ более десятка изображенных римских легионеров вооружены копьями и прикрываются прямоугольными skutumami (изображены воины с таким вооружением в самых разных рядах). Эта сцена особо примечательна тем, что, согласно концепции М. Тэйлора [Taylor 2014/2015, p. 113, fig. 10], она может являться редким изображением полного построения римских легионеров, наступающих в боевом порядке в полевом сражении. Согласно позиции Тэйлора, расположение трех солдат в первом ряду намекает на то, что они построены в шахматном порядке. Подтверждением этому может служить то, что один из воинов в левом нижнем углу явно стоит между двумя солдатами позади него. Таким образом, его локоть расположен в свободном пространстве между их щитами. Известно, что и в период принципата когорты, как и прежде манипулы в республиканское время, выстраивались в шахматном порядке [Голыженков 2000, с. 33]. Таким образом, если интерпретация сцены СIII верна, то колонна Марка Аврелия становится наглядной и уникальной иллюстрацией римского боевого построения.

¹¹ Ibid. Tafel 111A–B.

В целом можно с уверенностью заключить, что прямоугольными полуцилиндрическими skutumami римские легионеры снаряжены в сценах IX¹², LIV¹³, LXXVIII¹⁴, XCIII¹⁵, XCVII¹⁶, CIII¹⁷. Сюжетная составляющая данных этих сцен разная. В сцене IX происходит обращение императора к своим солдатам (*adlocutio*), и один из многочисленных воинов облачен в сегментированный доспех, вооружен копьем и прямоугольным skutumом. Композиционно эта сцена напоминает *adlocutio* с колонны Траяна [Beckmann 2011, р. 102], но важно отметить, что внешний вид римских воинов и их вооружение на рельефах двух колонн отличаются. В сцене LIV две группы римских воинов штурмуют вражескую крепость. Чтобы защитить себя от различных метаемых предметов, римляне идут на стены, построившись в «черепашу» (*testudo*). Как считают современные историки, эта сцена тоже была вдохновлена очень похожей сценой с колонны Траяна, но также не является ее прямой копией [Beckmann 2011, р. 102]. Сцена LXXVIII изображает римскую армию на марше [Beckmann 2011, р. 160]. В колонне римских войск восемь римских воинов облачены в сегментированные доспехи, трое из них держат прямоугольные skutумы. Примечательно, что другие четыре фигуры в сцене, облаченные в сегментированные доспехи, носят плоские овальные щиты, которые на колонне Траяна были характерной чертой частей вспомогательных войск [Bishop 2020, р. 28], а не легионеров.

Несмотря на это, плоские овальные щиты на колонне Марка Аврелия неоднократно встречаются в руках римских легионеров и в разных по сюжету сценах, таких как: форсирование рек (III¹⁸, XXXIV¹⁹), марши и подготовка к ним (XXXII²⁰, XLIV²¹, LXV²², LXVII²³), битвы (XV²⁴,

¹² Ibid. Vol. 1. Tafel 16A–B.

¹³ Ibid. Tafel 62A–B.

¹⁴ Ibid. Vol. 2. Tafel 88A–B.

¹⁵ Ibid. Tafel 101A–B, 102A.

¹⁶ Ibid. Tafel 105A–B.

¹⁷ Ibid. Tafel 111A–B.

¹⁸ Ibid. Vol. 1. Tafel 9A–B, 10A, 11A–B.

¹⁹ Ibid. Vol. 1. Tafel 41A. Начальная часть сцены, вероятно, подлинная (видны следы повреждений), где как раз изображены в лодках в том числе легионеры с рассматриваемыми щитами.

²⁰ Ibid. Tafel 39B.

²¹ Ibid. Tafel 51A–B.

²² Ibid. Vol. 2. Tafel 75A.

²³ Ibid. Vol. 2. Tafel 76A–B.

²⁴ Ibid. Vol. 1. Tafel 21A.

XIX²⁵, XXXIX²⁶), церемонии (IV²⁷, XXX²⁸), несение гарнизонной службы в крепости (CIX²⁹) и караульной службы в лагере (XXXIX³⁰), а также в сцене «чуда дождя» (XVI)³¹. Таким образом, и в этих сценах пролеживается разница в репрезентации римского вооружения между колоннами Траяна и Марка Аврелия.

В историографии существует мнение, что в конце II – начале III в. н. э. на вооружении легионеров было два типа щитов [Банников 2009, с. 273]. Распространенность плоских овальных щитов подтверждается, помимо рельефов колонны Марка Аврелия, изображениями с арки Септимия Севера в Риме (203–205 гг. н. э.), на которых запечатлены как изогнутые прямоугольные щиты [Bishop 2020, p. 19], так и небольшие овальные [Банников 2009, с. 273].

Еще в качестве примеров параллельного использования плоских овальных щитов и прямоугольных полуцилиндрических скутумов во времена Марка Аврелия можно привести надгробные памятники римских солдат последней трети II в. н. э. В частности крайне примечательной является стелла Элия Септимия, опциона I Вспомогательного легиона, которая хранится в собрании Венгерского национального музея (инвентарный № MNM 10.1951.102) [Nagy 2007, o. 106]. Опцион погиб во время похода на племя варисков примерно в 173 г. (как раз в самый разгар Маркоманнских войн). На своем надгробном памятнике он облачен в анатомическую кирасу (что роднит это изображение с некоторыми рельефами колонны Марка Аврелия), вооружен длинным мечом-спатой и большим плоским овальным щитом. Примечательно, что другой римский воин (вероятно, его сослуживец-легионер) на надгробии также снаряжен подобным щитом.

Другим примером может являться надгробие римского воина по имени Арес из собрания Британского музея (музейный № 1973, 0422.1). Создан памятник в Египте, скорее всего в Никополе, который располагался вблизи Александрии. Датируется стелла позднеантониновским временем [Waebens 2012, pp. 322, 324, fig. 1], т. е. периодом до 193 г. Предположительно, Арес мог являться легионером II Неустрашимого Траянова легиона. На это, в частности, указывает изображенный небольшой меч-гладиус и изогнутый прямоугольный щит-скутум [Waebens 2012, pp. 326–327].

²⁵ Ibid. Tafel 26B.

²⁶ Ibid. Tafel 46A.

²⁷ Ibid. Tafel 11B.

²⁸ Ibid. Tafel 38B.

²⁹ Ibid. Vol. 2. Tafel 118A–B.

³⁰ Ibid. Vol. 1. Tafel 45B.

³¹ Ibid. Tafel 22 A.

В целом различные изобразительные памятники, как памятники римского триумфального искусства, так и утилитарные легионерские надгробия, созданные в течение примерно 30 лет (173–205 гг.), демонстрируют единовременное сосуществование овальных плоских щитов и прямоугольных полуцилиндрических skutumov в легионерской среде.

Иконография овальных изогнутых skutumov и трапецевидных/гексагональных щитов

На колонне Марка Аврелия также есть несколько сцен, щиты на которых можно проинтерпретировать как изображения овальных изогнутых skutumov. В частности, подобную форму щита можно встретить в сценах III³², XXXIX³³, LXXXII³⁴. Важно подчеркнуть, что эти сцены не являются парадными.

В сцене LXXXII, вероятно, римляне занимаются возведением укреплений или установкой лагеря. Так, у одного из римских воинов вполне отчетливо прослеживаются как овальная изогнутая форма щита, так и овальный умбон (рис. 3). Единственным отличием, по сравнению с республиканскими образцами, является отсутствие длинного вертикального ребра. Тем не менее стоит отметить, что оно не прослеживается и на некоторых изображениях овальных изогнутых skutumov времен Октавиана Августа. В качестве примера можно привести надгробную стеллу Гая Фирмидия Руфа, воина VI преторианской когорты [Kerrie 2003, p. 37, figure 4]. На ней изображены предметы римского вооружения, включая подобный skutum. Не исключено, что скульпторы в обоих случаях по какой-то причине решили проигнорировать данную деталь щита. Однако примечательно, что подобное ребро отсутствует и на других памятниках, изображающих преторианцев I в. н. э. В качестве наглядного примера можно привести довольно известное изображение преторианцев с изогнутыми овальными skutumami из собрания Лувра (музейный № Ma 1079.1). Этот рельеф, возможно, был частью арки императора Клавдия, возведенной, предположительно, в 51 г. н. э. [Rankov 1994, p. 20]. В связи с вышесказанным стоит предположить, что конструкция овальных изогнутых skutumov в эпоху принципата могла претерпеть некоторые изменения и лишилась характерного для подобных щитов республиканских времен длинного вертикального ребра, что может свидетельствовать о развитии и эволюции skutuma подобной формы уже в период принципата.

³² Ibid. Tafel 11A.

³³ Ibid. Tafel. 46A–B.

³⁴ Ibid. Vol. 2. Tafel 93A–B.

Рис. 3. Римский воин с изогнутым овальным скутумом и копьем. Представлены разные ракурсы. Рельеф колонны Марка Аврелия, сцена LXXXII (фрагмент).

Источник: *Petersen E., von, Domaszewski A., Calderini G. Die Marcus-Saule auf Piazza Colonna in Rom. Vol. 2. München, 1896. Tafel 93A–B*

Существует предположение, что рельеф сцены LXXXII колонны Марка Аврелия был скопирован с некоего более раннего изображения [Beckmann 2011, р. 162]. Этим можно объяснить появление столь «архаичного» для последней трети II в. щита. Однако в батальной XXXIX сцене у одного из римских легионеров, который наступает на варварского всадника, щит похожей формы, что и у солдат из сцены LXXXII. Впрочем, можно предположить, что и сцена XXXIX скопирована с некоего более раннего рельефа, но здесь стоит отметить, что данная сцена композиционно перекликается со сценой XXIII³⁵ [Beckmann 2011, р. 174–175], что выдает в ней скорее специально разработанный для колонны Марка Аврелия сюжет. К тому же в сцене XXXIX у других легионеров изображены и овальные плоские щиты, а их использование легионерами подтверждается некоторыми другими изобразительными источниками последней трети II – начала III в., часть из которых была рассмотрена ранее.

³⁵ Ibid. Vol. 1. Tafel 31A–B, 32A.

Было бы странным решением со стороны творцов колонны Марка Аврелия изобразить церемониальное или «устаревшее» снаряжение в батальной сцене наравне с реально используемым в войсках. Хотя не исключено, что в этих сценах мы имеем дело с преторианцами. Так, овальный изогнутый skutum из сцены III [Д'Амато 2012, с. 98, илл. 59] отчасти похож по форме на овальные skutумы преторианцев, запечатленные на рельефе из палаццо Канчеллерия конца I в. [Rankov 1994, pp. 46–47]. Однако не исключено, что они могут являться и обычными, рядовыми легионерами, поскольку начиная с рубежа I–II вв. и преторианцы, и легионеры, согласно изобразительным источникам, снаряжались одинаковыми щитами [Rankov 1994, p. 21]. К тому же в целом римские воины в рассматриваемых сценах колонны Марка Аврелия изображены практически идентично легионерам из других эпизодов. Учитывая вышесказанное, для интерпретации римских воинов с овальными изогнутыми skutумами из сцен III, XXXIX, LXXXII в качестве преторианцев пока, на мой взгляд, недостаточно свидетельств.

Таким образом, на рельефах колонны Марка Аврелия изображения овальных изогнутых skutумов присутствуют в батальных и походных контекстах. Это не позволяет рассматривать щиты подобной формы исключительно как парадное или церемониальное вооружение. Возможно, щиты этого типа активно использовались и на передовой войн последней трети II в. Если предположение верно, то это значительно расширяет хронологический диапазон применения таких skutумов как части боевого снаряжения.

Следует отметить, что в сцене LXVII³⁶, помимо плоских овальных, можно встретить еще один вариант щитов, а именно щиты трапецевидной формы. Д'Амато интерпретирует их как переходный вариант между прямоугольными и овальными образцами [Д'Амато 2012, с. 131]. В свою очередь, А.В. Банников интерпретирует эти щиты как гексагональные [Банников 2015, с. 83–84, рис. 4]. Несмотря на то что щиты подобной формы использовались солдатами вспомогательных войск [Bishop, Coulston 2009, p. 91], прецеденты использования их легионерами также встречались еще во второй половине I в. [D'Amato 2017, p. 21]. Вне зависимости от интерпретации, рельеф сцены LXVII демонстрирует не только использование римскими легионерами последней трети II в. еще одного типа щита (гексагонального или трапецевидного), но и еще один пример использования разных по форме щитов в рамках одного строя.

³⁶ Ibid. Vol. 2. Tafel 76A–B.

Заключение

В целом анализируя рельефы колонны Марка Аврелия, можно обнаружить, что легионерские щиты на этом памятнике отличаются большим разнообразием, чем на колонне Траяна. В этой связи можно предположить, что на вооружении римских легионов третьей в. было четыре типа щитов (прямоугольные полуцилиндрические skutумы, овальные изогнутые skutумы, плоские овальные щиты, щиты трапециевидной или гексагональной формы), а не два (прямоугольные полуцилиндрические skutумы, плоские овальные щиты), как считается отдельными историками [Банников 2009, с. 273; Банников 2015, с. 83, примеч. 32]. Щиты разной формы могли использоваться одновременно в рамках одного подразделения, но без какой-либо жесткой привязки к рядам построения. Также, сравнивая колонну Марка Аврелия с другими изобразительными памятниками последней трети II в. – начала III в. н. э., можно обнаружить совпадения в вопросе репрезентации некоторых элементов римского военного снаряжения.

Таким образом, несмотря на всю критику изображений римских воинов и их вооружения на колонне Марка Аврелия, ее рельефы являются довольно ценным и местами вполне репрезентативным источником по римской военной тактике и вооружению третьей в. Обращение к этим данным позволяет скорректировать некоторые устоявшиеся представления об эволюции римского вооружения и развитии военного дела эпохи принципата в целом. В частности, представляется возможным подвергнуть сомнению существование относительного единообразия римской армии, которое якобы существовало в первые два века Империи [Банников 2009, с. 277], поскольку даже на таком «парадном» памятнике, как колонна Марка Аврелия, у римских легионеров проследить полную унификацию вооружения не представляется возможным.

Литература

- Голыженков 2000 – Голыженков И.А. Армия императорского Рима: I–II вв. н. э. М.: АСТ, 2000. 48 с.
- Банников 2009 – Банников А.В. К вопросу об изменениях в римской военной тактике и вооружении в эпоху Поздней Империи // Античный мир и археология. 2009. № 13. С. 271–289.
- Банников 2015 – Банников А.В. Причины и характер изменений в римском вооружении (I–III вв. н. э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 3 (49). С. 77–90.

- Дороненко 2020 – *Дороненко И.А.* Преторианская гвардия на полях сражений II в. н. э. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых: сборник материалов Международной молодежной школы-конференции (12–14 октября 2020 г.). Новосибирск: НГУ, 2020. С. 130–138.
- Д’Амато 2012 – *Д’Амато Р.* Воин Рима: Эволюция вооружения и доспехов 112 г. до н. э. – 192 г. н. э. М.: Эксмо, 2012. 344 с.
- Ермолова 2022 – *Ермолова И.Е.* Варвары на колоннах Траяна и Марка Аврелия // Будущее нашего прошлого-7: историческая память и коммеморативные практики: Материалы международной научной конференции, 26–27 ноября 2021 г. М.: РГГУ, 2022. С. 303–308.
- Коннолли 2001 – *Коннолли П.* Греция и Рим: Энциклопедия военной истории. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 320 с.
- Махлаюк, Негин 2009 – *Махлаюк А.В., Негин А.Е.* Римские легионы в бою. М.: Яуза, Эксмо. 2009. 512 с.
- Andreae 1977 – *Andreae B.* The art of Rome. N.Y.: Henry N. Abrams, 1977. 655 p.
- Beckmann 2011 – *Beckmann M.* The column of Marcus Aurelius. The genesis & meaning of a Roman Imperial monument. Chapel Hill: The University of North Carolina Press, 2011. 264 p.
- Bishop 2022 – *Bishop M.C.* Roman plate armour. Oxford: Osprey Publishing, 2022. 64 p.
- Bishop 2020 – *Bishop M.C.* Roman shields. Oxford: Osprey Publishing, 2020. 64 p.
- Bishop, Coulston 2009 – *Bishop M.C., Coulston J.C.N.* Roman military equipment from the Punic wars to the fall of Rome. 2nd ed. Oxford: Oxbow Books, 2009. 332 p.
- D’Amato 2017 – *D’Amato R.* Roman Army units in the Eastern provinces (1). 31 BC – AD 195. Oxford: Osprey Publishing, 2017. 48 p.
- Cowan 2003 – *Cowan R.* Roman legionary 58 BC – AD 69. Oxford: Osprey Publishing, 2003. 64 p.
- Keppie 2003 – *Keppie L.* Having been a soldier. The commemoration of military service on funerary monuments of the Early Roman Empire // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 2003. Vol. 81. P. 31–53.
- Nagy 2007 – *Nagy M.* A Magyar Nemzeti Múzeum régészeti kiállításának vezetője. Lapidárium. A Magyar Nemzeti Múzeum római kőtára. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 2007. 181 o.
- Rankov 1994 – *Rankov B.* The Praetorian guard. L.: Osprey Publishing, 1994. 65 p.
- Taylor 2014/2015 – *Taylor M.J.* Visual evidence for Roman infantry tactics // Memoirs of the American Academy in Rome. 2014/2015. Vol. 59/60. P. 103–118.
- Waebens 2012 – *Waebens S.* Ares. Brother, commander, deity or son? A new interpretation of the Ares Tombstone // Chronique d’Egypte. 2012. Vol. 174. No. 87. P. 322–339.

References

- Andreae, B. (1977), *The art of Rome*, Henry N. Abrams, New York, USA.
- Bannikov, A.V. (2009), "On the issue of the changes in Roman military tactics and weaponry in the era of the Later Empire", *The Ancient World and Archeology*, no. 13, pp. 271–289.
- Bannikov, A.V. (2015), "Reasons for and character of the changes in Roman weaponry (1st – 3^d AD)", *Problems of History, Philology, Culture*, vol. 49, no. 3, pp. 77–90.
- Beckmann, M. (2011), *The column of Marcus Aurelius. The genesis & meaning of a Roman Imperial monument*, The University of North Carolina Press, Chapel Hill, USA.
- Bishop, M.C. (2022), *Roman plate armour*, Osprey Publishing, Oxford, UK.
- Bishop, M.C. (2020), *Roman shields*, Osprey Publishing, Oxford, UK.
- Bishop, M.C. and Coulston, J.C.N. (2009), *Roman military equipment from the Punic wars to the fall of Rome*. 2nd ed., Oxbow Books, Oxford, UK.
- Connolly, P. (2001), *Gretsiya i Rim: Entsiklopediya voennoi istorii* [Greece and Rome at war. Encyclopaedia of military history], EKSMO-Press, Moscow, Russia.
- Cowan, R. (2003), *Roman legionary 58 BC–AD 69*, Osprey Publishing, Oxford, UK.
- D'Amato, R. (2012). *Voin Rima: Evolyutsiya vooruzheniya i dospekhov, 112 g. do n. e. – 192 g. n. e.* [Soldier of Rome. Evolution of weaponry and armor, 112 BC–AD 192], EKSMO, Moscow, Russia.
- D'Amato, R. (2017), *Roman Army units in the Eastern provinces (1). 31 BC – AD 195*, Osprey Publishing, Oxford, UK.
- Doronenko, I.A. (2020), "Praetorian guard on the battlefields of the 2nd AD", in *Aktual'nye problemy istoricheskikh issledovanij: vzglyad molodykh uchenykh: sbornik materialov Mezhdunarodnoi molodezhnoi shkoly-konferentsii* [Current issues of historical research. The view of young scientists. Proceedings of the International Youth School-Conference, October 12–14, 2020], Novosibirsk, Russia, pp. 130–138.
- Ermolova, I.E. (2022), "Barbarians on the columns of Trajan and Marcus Aurelius", in *Budushchee nashego proshlogo-7: istoricheskaya pamyat' i kommemorativnye praktiki: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [The future of our past-7. Historical memory and commemorative practices. Proceedings of the International Scientific Conference, November 26–27, 2021], RGGU, Moscow, Russia, pp. 303–308.
- Golyzhenkov, I.A. (2000), *Armija imperatorskogo Rima. I–II vv. n. e.* [Army of Imperial Rome. 1st – 2nd AD], AST, Moscow, Russia.
- Keppie, L. (2003), "Having been a soldier. The commemoration of military service on funerary monuments of the Early Roman Empire", *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, vol. 81, pp. 31–53.
- Makhlayuk, A.V. and Negin, A.E. (2009), *Rimskie legiony v boyu* [Roman legions in combat], Yauza, EKSMO, Moscow, Russia.
- Nagy, M. (2007), *A Magyar Nemzeti Múzeum régészeti kiállításának vezetője. Lapidárium. A Magyar Nemzeti Múzeum római kőtára*, Magyar Nemzeti Múzeum, Budapest, Hungary.

Rankov, B. (1994), *The Praetorian guard*, Osprey Publishing, London, UK.

Taylor, M.J. (2014/2015), “Visual evidence for Roman infantry tactics”, *Memoirs of the American Academy in Rome*, vol. 59/60, pp. 103–118.

Waebens, S. (2012), “Ares. Brother, commander, deity or son? A new interpretation of the Ares tombstone”, *Chronique d’Egypte*, vol. 174, no. 87, pp. 322–339.

Информация об авторе

Egor A. Bazhenov, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; egor-bazhenov@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0000-8461-4808

Information about the author

Egor A. Bazhenov, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; egor-bazhenov@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0000-8461-4808

Религиозный вопрос
в связи с народным образованием
как элемент системы
административного управления
в Киргизской Внутренней орде
во второй половине XIX в.

Евгений А. Гунаев

*Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Россия,
gunaeva@yandex.ru*

Аннотация. В настоящей статье рассматривается религиозный вопрос во взаимосвязи с проблемой народного образования в Киргизской Внутренней орде во второй половине XIX в. Неизбежное внедрение русских школ, олицетворявших гражданскую модель образования, привело к конкуренции исламского и гражданского образования. Исламское образование в Казахской степи изначально основывалось на деятельности татарских мулл. На примере документа комиссии Ф.К. Гирса 1873 г. и сведений, отраженных в публикациях дореволюционных исследователей А.Е. Алекторова и А.Н. Харузина о школьном образовании и религиозной жизни во Внутренней орде, показано, что с течением времени татарское влияние было признано имперскими властями нежелательным и противоречащим целям развития гражданственности у казахов, единения с русским этносом, построения единой гражданской нации. В этой связи стали выдвигаться проекты определенных ограничительных мер в отношении «татарского образования», а также протекционизм в торговой сфере. Вместе с тем, как представляется, в историческом развитии Внутренней Киргизской орды видны две противоречивые тенденции: с одной стороны, начало распространения европейского образования со строительством школ с преподаванием на русском языке, а с другой – усиленное внедрение ислама в повседневную жизнь казахов Джангер-ханом. Сфера образования нуждалась в постоянной заботе со стороны государства и местных властей в целях проведения эффективной аккультурационной политики среди кочевых инородцев. Одна из мер виделась в увеличении правительственных школ на русском языке с включением в программу изучения родного казахского языка и магометанского учения.

Ключевые слова: Российская империя; Киргизская Внутренняя орда; казахи; религиозный вопрос; народное образование; административное управление

Статья поступила в редакцию 15 января 2024 г.;

принята к публикации 20 мая 2024 г.

Для цитирования: Гуняев Е.А. Религиозный вопрос в связи с народным образованием как элемент системы административного управления в Киргизской Внутренней орде во второй половине XIX в. // История и архивы. 2024. Т. 6. № 3. С. 62–80. DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-3-62-80

The issue of religion
in connection with public education
as an element of the administrative management system
in the Kyrgyz Inner Horde
in the second half of the 19th century

Evgenii A. Gunaev

*Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
Elista, Russian Federation, gunaevea@yandex.ru*

Abstract. This article examines the issue of religion in relation to the issue of public education in the Kyrgyz Inner Horde in the second half of the 19th century. The inevitable introduction of Russian schools, which embodied the civic model of education, led to a competition between Islamic and civic education. Islamic education in the Kazakh steppe was initially based on the activities of Tatar mullahs. By the example of the document from the F.K. Girs's Commission of 1873 and the information reflected in the publications by pre-revolutionary researchers A.E. Alektorov and A.N. Kharusina on school education and religious life in the Inner Horde, it is shown that, over time, the Tatar influence was recognized by the imperial authorities as undesirable and contrary to the goals of developing the civic-mindedness among the Kazakhs, to the unity with the Russian ethnic group and to the building of a united civil nation. In that regard, the projects of certain restrictive measures against the "Tatar education", as well as protectionism in the trade sphere, began to be put forward. At the same time, two contradictory trends seem to be visible in the historical development of the Kyrgyz Inner Horde: on the one hand, it was the initiation of European education resulting in the construction of the schools with Russian language teaching, and, on the other hand, there was an increased introduction of Islam into the daily life of Kazakhs by Dzhangher Khan. The field of education

needed constant care from the state and local authorities in order to carry out an effective acculturation policy among the nomadic aliens. One of the measures was seen in the increase of government schools practicing teaching in Russian with the inclusion in the curriculum of the native Kazakh language and the Mohammedan teachings.

Keywords: Russian Empire, Kyrgyz Inner Horde, Kazakhs, issue of religion, public education, administrative management

The article was submitted 15.01. 2024;

accepted for publication 20.05.2024.

For citation: Gunaev, E.A. (2024), "The issue of religion in connection with public education as an element of the administrative management system in the Kyrgyz Inner Horde in the second half of the 19th century", *History and Archives*, vol. 6, no. 3, pp. 62–80, DOI: ?10.28995/2658-6541-2024-6-3-62-80

Введение

Во второй половине XIX в. с ликвидацией института ханской власти в Киргизской Внутренней орде и передачей управления ею в ведение Временного Совета все чаще ставился вопрос о реформировании устройства Орды с целью постепенного приближения к уровню управления в обычных российских губерниях. В ряду насущных вопросов, требующих своего решения, рассматривался религиозный вопрос, который был связан с вопросом народного просвещения, образования. Он сводился к тому, что поначалу российские власти, как центральные, так и губернского уровня, поощряли в определенной степени развитие ислама в казахской Степи, затем политика в корне изменилась, и ислам, религиозное обучение ему в школах Орды уже виделись своего рода угрозой российскому влиянию. Особая роль в приобщении казахов исламу отводилась татарским муллам, в этой связи во второй половине XIX в. российские власти негативно стали оценивать влияние татар на казахов в религиозной сфере.

Цель статьи – рассмотреть отдельные аспекты политики властей в отношении религиозного вопроса в Киргизской Внутренней орде во второй половине XIX в., а именно связь религии со школьным обучением, образованием. В задачи исследования входят следующие проблемы:

- причины актуализации религиозного вопроса во Внутренней орде в связи с образованием во второй половине XIX в.;
- предлагавшиеся решения указанной проблемы с точки зрения российских властей.

В дореволюционной историографии школьное образование в Киргизской Внутренней орде исследовалось А.Е. Алекторовым¹, А.А. Воскресенским², А.Н. Харузиным³. В советский период к названной теме обращались Б. Аспандияров [Аспандияров 2007], С.З. Зиманов [Зиманов 1982], Т.Т. Тажибаев [Тажибаев 1962]. В современной российской историографии проблемы народного образования и конфессиональной политики властей исследовались в работах С.А. Алешиной и С.И. Ковальской [Алешина, Ковальская 2018], Д.В. Васильева [Васильев 2018], П.К. Дашковского и А.С. Жанбасиновой [Дашковский, Жанбасинова 2020], Ю.А. Лысенко [Лысенко 2010], С.В. Любичанковского [Любичанковский 2023], З.А. Махмутова [Махмутов 2017], Р.Р. Нуреева [Нуреев 2006], А.В. Ремнёва [Ремнёв 2006], Е.А. Тарабановской [Тарабановская 2015], Г.А. Ташпекова [Ташпеков 2020]. Среди казахстанских авторов отметим работы Т.З. Рысбекова [Рысбеков 2014], а также коллективные работы исследователей [Мухатова и др. 2022; Шотанова и др. 2020]. Из зарубежных исследователей к вопросу о татарских муллах среди казахов и киргизов обращался А. Франк [Франк 1993].

В большинстве вышеперечисленных работ рассматривается собственно развитие школьного образования во Внутренней орде или же образовательная и конфессиональная политика в целом в Казахской степи. В настоящей работе автором исследуются отдельные аспекты указанной проблемы, а именно актуализация религиозного вопроса в сфере образования во Внутренней орде и видение ее решения с точки зрения российских властей.

В качестве источников анализируются документ комиссии МВД под руководством Ф.К. Гирса относительно реформирования устройства Внутренней орды на 1873 г.⁴, а также опубликованные труды А.Е. Алекторова и А.Н. Харузина.

Д.В. Васильев, рассматривая обсуждение и реализацию замыслов российского правительства в отношении управления Внутренней ордой, отмечает, что различные взгляды, проекты

¹ Алекторов А.Е. Очерки Внутренней Киргизской Орды (Окончание) // Известия Оренбургского Отдела Императорского Русского Географического Общества / Географическое общество (Оренбургское). Вып. 3. Оренбург: Типо-Лит. Губернского правления, 1894. 71 с.

² Воскресенский А. Школьный альбом Букеевской Орды // Букеевской Орде 200 лет. Кн. 3. Алма-Ата: Олке, 2001. С. 164–202.

³ Харузин А. Киргизы Букеевской орды (антрополого-этнологический очерк). М.: Тип. А.А. Левенсон, 1889. 255 с.

⁴ Государственный архив Оренбургской области. Ф. 6. Оп. 17. Д. 208а. Л. 1–42 об.

по управлению Внутренней ордой, исходившие от оренбургских генерал-губернаторов, подтолкнули к созданию особой комиссии при МВД для изучения будущего административного переустройства Внутренней орды. 16 марта 1873 г. создание комиссии было одобрено императором. Комиссия работала под председательством члена Совета министров внутренних дел, тайного советника Федора Карловича Гирса (1824–1891) [Васильев 2018: 594]. Комиссия Ф.К. Гирса 19 ноября 1873 г. представила в Министерство внутренних дел результаты работы, оформленной «в виде пяти журналов, каждый из которых был посвящен рассмотрению одной из ключевых административных проблем и проекта штата ордынского управления» [Васильев 2018, с. 595]. В данной работе рассматривается часть документа комиссии Ф.К. Гирса на 1873 г. – «Народное образование в связи с религией»⁵.

А.Е. Алекторов (1861–1918 гг., по другим данным 1919 г.) – российский востоковед, историк, этнограф, педагог, являлся третьим инспектором народных училищ во Внутренней Киргизской орде с 6 октября 1886 г. по 1 августа 1894 г.⁶

А.Н. Харузин (1864–1932 гг.) – российский этнограф, в 1887 г., будучи студентом, был направлен во Внутреннюю Киргизскую орду для изучения этнографии и антропологии населяющих ее казахов. «После двух поездок молодой ученый опубликовал семь статей и двухтомную монографию “Киргизы Букеевской орды” (Вып. 1–2. М., 1889, 1891), которая была удостоена большой золотой медали Императорского Русского географического общества (ИРГО)» [Керимова 2006, с. 112].

Народное образование в связи с религией

В названном разделе материалов комиссии Ф.К. Гирса отмечалось, что религиозный вопрос во Внутренней орде постоянно обращал на себя внимание как главного начальства края, так и местного управления. При этом комиссия указала на то, что религиозный фанатизм во Внутренней орде принял громадные размеры, «благодаря татарской пропаганде, успевшей захватить в свои руки и народное образование, и духовное настроение самого населения», хотя с первого взгляда Внутренняя орда, окруженная со всех сторон русскими губерниями, «могла бы, кажется менее, чем зауральские степи, подчиниться столь вредному даже и в политическом отношении влиянию»⁷. Комиссия

⁵ Там же. Л. 24–28 об.

⁶ Воскресенский А. Указ. соч. С. 196.

⁷ Там же. Л. 24.

указала на главные причины, послужившие основанием к такому выводу:

- 1) российские власти слишком лояльно относились к деятельности мусульманского духовенства во Внутренней орде, не противодействовали, но, напротив, как бы признавали своим долгом назначать ахуну и всему причту содержание от казны и поддерживать в Ханской ставке мечеть, имевшую некоторым образом историческое значение среди местного казахского населения. Кроме того, комиссии стало известно, что казахи посылали молодых людей в город Стерлитамак к Стерлибашевскому имаму для изучения обрядов мусульманства, откуда выходя, они поступали в указные муллы. «Муллы эти не только не оправдали доверия Правительства, а напротив того, сделались главными проводниками религиозного фанатизма среди народа, который по своему происхождению ничего не имеет общего с татарами»⁸;
- 2) у казахов Внутренней орды до перехода их из-за Урала ислам еще не был развит в такой степени, как во второй половине XIX в., когда его проводниками сделались татарские муллы, подчиненные Оренбургскому магометанскому духовному собранию, во главе которого стоял особый муфтий, игравший роль верховного попечителя всех местных мусульман;
- 3) бывшие главные начальники края, не принимая никаких особых мер против магометанства, не обращали должного внимания на противодействие татарским муллам посредством правильно устроенных школ с русским направлением; в деле народного образования они ориентировались на религиозное образование, как это было видно из переписки, производившейся во Временном Совете об учреждении народных школ в степи;
- 4) ставка при Рын-Песках стала местопребыванием по большей части не русских купцов, как бы следовало желать, а татарских, которые наравне с русскими пользовались беспопышным правом торговли и, таким образом, захватив в свои руки всю торговлю, выживали русских из единственного населенного пункта Орды⁹.

Указав, таким образом, на главные причины проявления мусульманского фанатизма во Внутренней орде, Комиссия считала долгом обратить внимание Правительства и на те меры, которые должны были быть приняты безотлагательно, «во избежание полнейшего торжества исламизма в Орде».

⁸ Там же. Л. 25.

⁹ Там же. Л. 25–26.

Меры эти виделись следующими:

- 1) упразднение должности указных мулл. На каждую волость должно приходиться двое мулл непременно из казахов с утверждения местного начальства;
- 2) муллы должны подчиняться непосредственно Министерству внутренних дел и начальнику губернии. Содержание им от казны прекращалось, а обществам предоставлялось право содержать их за свой счет с неперменным при том условием знания русского языка;
- 3) возведение мечетей во Внутренней орде позволять не иначе как с разрешения местного губернатора;
- 4) Министерство народного просвещения должно избрать наконец определенную систему преподавания в правительственных школах Внутренней орды по соглашению с местным начальством в целях сближения казахов с русскими. Открытие новых школ при мечетях если не совсем запрещалось законом, то, по крайней мере, должно было допускаемо с большой осторожностью. Учителя же этих школ должны быть только русские и казахи, «но, во всяком случае, не иначе, как с разрешения начальства»¹⁰.

По мнению комиссии, с присоединением Внутренней орды к Астраханской губернии, заведывание средствами, предназначенными для распространения образования между казахами Внутренней орды, в частности 10 стипендиями при Оренбургской гимназии, предлагалось перевести в г. Астрахань, как будущий центр гражданского управления этою ордою. Подобная мера представлялась тем более необходимой, поскольку воспитание казахов Внутренней орды в одном учебном заведении с зауральскими казахами, для которых в той же гимназии было открыто 20 стипендий, лишь поддерживало между ними дух сближения. Тогда как прямые государственные интересы России требовали, согласно выводам комиссии, «возможно большего разъединения их», для чего и предлагались комиссией ряд соответствующих мер как в административном, так и в других отношениях¹¹.

Существовавшие в то время во Внутренней орде школы при мечетях предлагалось подчинить надзору уездных начальников, которым вменить в обязанность, в случае замены ушедших по каким-либо причинам мулл, как в назначении их, так и в направлении школ руководствоваться вышеизложенными соображениями¹²;

¹⁰ Там же. Л. 26–27.

¹¹ Там же. Л. 27–27 об.

¹² Там же. Л. 27 об.

- 5) центральные для уездного управления местности должны пользоваться правами городских поселений, к которым, по представлению местного начальства, могло быть применяемо и городское положение. Льготами, предоставленными торговцам во Внутренней орде на праве ярмарок, согласно комиссии должны пользоваться исключительно русские. Мусульманам же это право не должно было предоставляться¹³;
- 6) на будущее время предлагалось вменить местному начальству в обязанность не допускать устройства во Внутренней орде населенных пунктов исключительно из мусульман, дозволяя последним лишь право временной торговли¹⁴.

В документе указывалось, что почти все указанные меры, одобренные Главным начальником Оренбургского края, уже вводились в Зауральской степи на основании проекта Временного положения¹⁵.

Исследователи А.Е. Алекторов и А. Харузин о религиозном вопросе в связи с образованием

Религиозную жизнь казахов Внутренней орды и школьное просвещение в ней исследовал А.Е. Алекторов. Он отмечал: «До вступления в управление ордой хана Джангира Букеева киргизы, за исключением весьма немногих султанов и ходжей, не имели почти никаких религиозных убеждений и были очень плохими магометанами (по суннитскому толку). Находя выгоды свои в обращении киргизов к магометанству, последний хан Букеевской орды весь высший класс успел напитать враждебной христианству и просвещению невежественной мусульманской гордостью и для распространения того же зла в простом народе набрал и образовал из татар целую армию мулл. Он первый построил в Ставке красивую мечеть с высоким минаретом. Чтобы служить примером народу, хан не оставлял ни одного намаза (молитвы) и пять раз в день посещал с султанами мечеть, в которой во время поста Рамазана и ночевал. Особенно торжественно устраивалось празднование Курбан-Байрама»¹⁶.

Как отмечал А.Е. Алекторов, ревизуя в 1861 г. школу в Ханской ставке, статский советник Плотников нашел ее в запущении и упадке, дети обучались только чтению и письму на русском и татарском

¹³ Там же. Л. 28.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 28–28 об.

¹⁶ Алекторов А.Е. Указ. соч. С. 6.

языках и магометанскому закону. Умственное и нравственное воспитание ордынского юношества совершалось под исключительным влиянием мулл. Результатом этой ревизии было отделение с 1864 г. обучения магометанскому закону от казахского языка, исключение из программы чтения и письма на арабском и персидском языках. Между тем мусульманские школы, утверждал А.Е. Алекторов, появлялись как грибы. Сознвая необходимость изъять образование казахов из рук туземного духовенства или, по крайней мере, уменьшить это влияние, председатель Временного совета полковник Герн в 1861 г. возбудил вопрос об учреждении школ при участковых управлениях. Впредь до учреждения постоянных школьных ставок предполагалось устроить при каждом правителе небольшое училище, где обучались бы дети русскому и киргизскому языкам и арифметике¹⁷.

Согласно А.Е. Алекторову, в Киргизской Внутренней орде потребность местного населения в начальном образовании год от года увеличивалась. Он полагал, что пройдет определенное время, и казахи, видя хорошее содержание детей своих, постоянную заботу о них, «должны будут искренне полюбить русскую школу, которая не только сообщает знание грамоты и вообще элементарные сведения, но и обучает киргизский народ государственному языку, знакомит его с порядком и устройством русской жизни и, таким образом, является связующим звеном (которого кроме школы негде найти) между киргизами и русским государством»¹⁸.

В 1890 г. А.Е. Алекторов в газете «Оренбургский листок» утверждал, что «киргизы Внутренней Букеевской орды стоят еще на очень низкой степени умственного развития. Смотри на их природные дарования, нельзя, однако же, допустить мысли, чтобы просвещение со своими благими последствиями не могло коснуться этого народа и внести, с течением времени, в сферу моральной и материальной его жизни условные кочевому быту улучшения и привести его, где это можно, к земледелию»¹⁹. Далее он отмечал: «Жалко, что в орде очень быстро распространяется “татарская грамота”. Везде, где только находятся муллы, держат они школы, в которые собираются обыкновенно от 25 до 50 и больше мальчиков; дети, нередко и взрослые, учатся здесь читать и писать по-татарски, а вместе с этим распространяется между ними мусульманский фанатизм, от вредного влияния которого орду, во что бы то ни стало, следует освободить»²⁰.

¹⁷ Там же. С. 16–17.

¹⁸ Там же. С. 22.

¹⁹ К истории развития школьного дела в киргизской Букеевской орде // Оренбургский листок. 1890. 2 дек. № 49. С. 2.

²⁰ Там же. С. 3.

В указанной статье А.Е. Алекторов приводит сведения из работы Н. Леванова «Киргизские школы в Букеевской орде» 1883 г.²¹ Школы, которые готовили мулл, носили два названия – мектебе и медресе. Те и другие летом располагались в кибитках мулл, а зимой – в мазанках-землянках. Преподавание в таких школах, как отмечал Н. Леванов, «не идет далее поверхностного ознакомления учащихся с чтением и письмом по-татарски да зазубривания некоторых текстов Корана, – зазубривания, конечно, бестолкового, без понимания смыслов текстов, ибо последние, как написанные на арабском языке, темны даже и для преподавателей, как незнакомых с языком арабов. Помимо сказанных жалких сведений, мектебе в лице своих мулл давали детям пространнейшие и подробнейшие понятия об учении пророка, заманивая их прелестями рая и устрашая той ужасной карой ада, которая ожидает отступников веры и великих грешников. Таким образом, учащийся после пятилетнего пребывания своего в мектебе выходит из него если не совсем ярым приверженцем учения пророка, но все же бывает достаточно наэлектризован прелестями Корана, для того, чтобы упорно держаться тех, иногда до крайности диких и бесшабашных, обычаев, которые освящены веками и идут из рода в род, от поколения к поколению, благодаря насадителям своим муллам, для которых очень важно все то, что патриархально и – главное – что служит на пользу их кармана»²².

Из этого А.Е. Алекторов делал вывод, что «лучшим, почти единственным и вполне надежным средством к пресечению распространяемого между киргизами зла в муллинских школах может быть распространение школ Министерства народного просвещения»²³. Он отмечает особую роль хана Джангера в распространении просвещения в Букеевской орде: «Мы привыкли смотреть на последнего хана Внутренней орды – Джангера Букеева, как на личность, исключительно заботившуюся о набивке своего кармана без разбора средств и источников, но есть чем и добрым помянуть хана Джангера. Рядом с мусульманством он положил начало истинному просвещению; какими бы соображениями при этом он ни руководствовался – все равно; главное, что им было положено начало просвещению»²⁴. А.Е. Алекторов приводит факты просветительской деятельности хана Джангера. Так, началом существования

²¹ Леванов Н. Киргизские школы в Букеевской орде // Народная школа: Педагогический журнал. 1883. № 9.

²² К истории развития школьного дела в киргизской Букеевской орде // Оренбургский листок. 1890. 2 дек. № 49. С. 3.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

школ в Букеевской орде с преподаванием русского языка следует считать 1841 г., когда была основана в Ханской Ставке Джангером школа. Целью основания этой школы было подготовить детей казахов в Неплюевский кадетский корпус.

А.Е. Алекторов цитирует письмо Джангер-хана Чуке Нуралиеву 10 апреля 1841 г.: «Известно вам, что в нынешние времена необходимо иметь познания не только в чтении и письме, но и в разных науках, без чего нельзя хорошенько выучиться закону правоверному, пророком Божиим нам данному; ни в особенности без познания русской грамоты быть хорошими должностным чиновником в орде, а именно родоправителем или депутатом. Вам известно, что без таковых познаний скорее можно быть обманутым нехорошими людьми; незнание русской грамоты замедляет течение как судебных, общественных, так и частных ваших исков в обидах. Хотя великий Государь Всероссийский, по несказанной благодати своей, и допускает, что поныне должности сии занимают люди и безграмотные, но, это делая по великой добродетели своей и попечению об нас, вместе с тем открыл киргизам, как простым, так и знатым, доступ к образованию в оренбургском Неплюевском корпусе и в других учебных заведениях в Петербурге и награждает учившихся чинами и разными отличиями, через что не только они, но и дети их могут быть счастливы и причислены к почтенному и благородному сословию дворян русских, пользующихся многими преимуществами и богатством. Я объявляю вам о сем единственно по любви к народу, Богом и Государем мне вверенному, и опасаясь худых последствий. Сколько убежден я в истине этого, служит доказательством то, что и любимого сына своего, наследника ханского достоинства, султана Сахиб-Гирея, несмотря ни на его молодость, ни на слезы высокостепенной матери его, ни на смерть брата его, ни на значительные денежные издержки, я отдал в обучение в пажеский корпус Его Императорского Величества, где будет он находиться, доколе узнает все науки, для доброго управления нужные.

По всеподданнейшему прошению нашему, Государь Император, кроме Неплюевского училища, разрешил принятие детей ваших в институты лесной, корпуса путей сообщения и в училище гражданских инженеров, но для поступления в оные необходимо предварительно учиться чтению, письму и другим некоторым наукам. В настоящем году я полагаю открыть при Ставке моей училище, и все желающие отдать детей своих в обучение за умеренную плату могут обращаться ко мне с просьбами»²⁵.

²⁵ К истории развития школьного дела в киргизской Букеевской орде // Оренбургский листок. 1890. 9 дек. № 50. С. 2.

А.Е. Алекторов отмечал, что как в этом письме, так и во многих других своих бумагах Джангер неоднократно убедительно говорит о пользе науки для казахов, «говорит так, как впоследствии не говорили даже русские чиновники, стоявшие во главе управления ордынцами; им, казалось, не было равно никакого дела до того, будут просвещенными или нет букеевские киргизы»²⁶.

Так, например, Джангер писал каждому из родоправителей Внутренней Киргизской орды: «Я уверен, что вы употребите надлежащие старания к вразумлению друзей ваших и всех, кого следует, что если ныне науки приносят столь великую пользу, то внукам нашим и хорошо жить без них нельзя, что безграмотных и незнающих по-русски вовсе не будут определять в родоначальники и другие должности, что нам весьма полезно и выгодно иметь лекарей из киргизов, что всякое старание и всякая издержка денежная принесет во сто раз более плода, если она будет употреблена на обучение, нежели на всякое другое доброе дело, что неблагоприятно жалеть небольших на сие денежных издержек, ибо лучше употребить деньги нельзя, как на то, что приобрести знание святого закона Божьего и Его правды и через честную службу Государю и народу получить от великого Государя чины, богатство и благородное дворянское достоинство, а это могут дать одни только науки»²⁷.

Согласно А.Е. Алекторову, тем самым было положено начало просвещению в Букеевской орде, и народ был очень доволен тем, что хан открыл училище при своей Ставке и взял его под свое непосредственное наблюдение, о чем свидетельствовала записка есаула Карагула-Ходжи-Бабаджанова²⁸.

В заключение А.Е. Алекторов утверждал, что потребность местного населения в начальном образовании год от году увеличивалась и что, хотя каждый год часть прошений о принятии казахских детей в существующие школы не могла быть удовлетворена за неимением свободных вакансий, это красноречивее всего свидетельствовало о далеко не враждебном отношении местного населения к учрежденным школам с учителями из русских и почти с исключительным преподаванием на русском языке²⁹.

Исследователь А.Н. Харузин считал, что школьный вопрос в Букеевской степи был поставлен крайне плохо. Сама Ханская Ставка, центр управления орды, не имела даже маленькой библиотеки для служащих русских чиновников и представляла «верх

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ К истории развития школьного дела в киргизской Букеевской орде // Оренбургский листок. 1890. 16 дек. № 51. С. 3.

отсутствия всякого просвещения»³⁰. Что же касалось народных казахских школ, то, как отмечал А.Н. Харузин, один взгляд на них, на эти полуразвалившиеся здания с покосившимися окнами и пробитыми стеклами показывал, что школьный вопрос был далеко не в блестящем положении³¹.

Во Внутренней орде довольно давно существовали русско-казахские школы с обязательным преподаванием на русском языке. В каждой школе работал русский учитель. Школы находились под прямым наблюдением «Инспектора народных киргизских школ», жившего в Ханской Ставке, а также в непосредственном ведении Министерства народного просвещения. Всего школ в Букеевской орде было восемь, 182 ученика. На каждую школу при населении в 236 937 чел. обоего пола приходилось не менее 34 419 чел.; или, как утверждал А.Н. Харузин, если принять, что 12% населения дети возраста учащихся (28 432), то получалось, на каждую школу должна была приходиться группа детей в 4061; таким образом, школьное образование получало всего только 0,5% всех детей, «невозможный минимум»³². Положение школьного вопроса в Букеевской орде осложнялось еще и тем, что, помимо русско-казахских школ, имелись школы татарско-киргизские, так называемые «медресе» и «мехтебе», пользовавшиеся большим успехом. Их в степи было известно 74, руководили ими обычно татарские муллы; на каждую такую школу в среднем приходилось 27 учащихся или примерно до 2000 воспитанников, что составляло 7% всего детского населения степи, т. е. в 13 раз больше, чем в русских школах³³.

В татарских школах преподавали детям татарскую грамоту и магометанскую религию. Как считал А.Н. Харузин, «нет никакого сомнения, что такие рассадники татарской, враждебной для русских культуры, кроме вреда, нам ничего не приносят. Воспитывать киргизов на традициях магометанства и создавать, и усиливать таким образом татарскую национальность не может входить в цели нашего государства»³⁴. А.Н. Харузин одобрял проект Временного совета по управлению Внутренней ордой 1888 г., в котором предлагалось увеличение количества русско-казахских школ, учреждение городских и уездных училищ, ремесленных школ и упразднение школ с татарской грамотностью. Как полагал А.Н. Харузин, во-первых, этим была бы достигнута большая образованность среди казахов, распространилось бы влияние русских вместе с распространением

³⁰ Харузин А. Указ. соч. С. 158–159.

³¹ Там же. С. 159.

³² Там же.

³³ Там же. С. 160.

³⁴ Там же.

русского языка, была бы дана возможность казахам не останавливаться на начальном образовании и идти дальше: в городское и уездное училище. Наиболее желательным, по мнению А.Н. Харузина, виделся проект учреждения ремесленных училищ в степи³⁵.

В отношении упразднения школ с татарской грамотностью А.Н. Харузин ссылается на следующий вывод, полученный в результате своего рода опроса: «Киргизы посмотрят на закрытие татарских школ снисходительно, так как строгость обращения с детьми (при преподавании) со стороны мулл и частных лиц, ведущих обучение в татарских школах, заставляет киргизов тяготиться ими; с другой стороны, мягкое, гуманное обращение русских учителей, этих подчас невидных и скромных тружеников, поражает киргизов и располагает к русскому преподаванию. Неоднократно приходилось слышать благодарность со стороны киргизов учителям и правительству, учредившему даровые школы, так много дающие киргизу»³⁶.

В Букеевской орде к тому времени татарские муллы уже не были единственными просветителями ислама. Казахи сами впитали уже настолько ислам, что среди них появились собственные муллы, хотя встречались муллы и из татар. А.Н. Харузин отмечает тот факт, что прошло немногим 50 лет, как в Букеевской степи в Ханской Ставке была построена первая мечеть, «в которую Джангиру приходилось киргизов нередко загонять плетью, а теперь этот же киргиз не только строит мечети сам, не только охотно посещает их, но выступает уже муллою, проповедником и ревнителем ислама...»³⁷.

Из этого А.Н. Харузин делал вывод: «Как вредно и с какой силой и быстротой сказалось влияние татар на киргизов и насколько важно приостановить это влияние в киргизских степях»³⁸.

Вместе с тем в литературе встречаются и иные трактовки роли русских и мусульманских школ среди казахов Внутренней орды. Так, астраханский губернатор Е.О. Янковский 15 октября 1882 г. писал попечителю Оренбургского учебного округа, что привлекать киргизов к каким-либо денежным сборам по содержанию школ не представлялось возможным ввиду их обеднения и состоявшего на них долга от неуплаты ими податных недоимок и денежных ссуд. Поэтому, поддерживая мнение председателя Временного совета по управлению Внутренней Киргизской ордой, он считал возможным проводить переустройство ордынских школ только за счет казны. Он высказался также против сокращения школ путем их объединения, так как казахское население не сможет посылать своих детей

³⁵ Там же. С. 158–164.

³⁶ Там же. С. 161.

³⁷ Там же. С. 164.

³⁸ Там же.

в дальние школы. Также он привел возражения против перевода казахских школ в русские села и обучения казахских детей совместно с русскими. По его мнению, «ни один киргиз не согласится развивать умственную деятельность своего ребенка в ущерб религиозной» [Тажибаев 1962, с. 122]. Е.О. Янковский считал, что причиной, побуждавшей казахов отдавать своих детей в правительственные школы, являлся «материальный расчет», так как дети находились на попечении в трудные для казахов зимние месяцы. И если лишить их этого, закрыть им некоторые школы, то казахи предпочтут учить своих детей не в русских школах, а у себя дома в мусульманских. Он утверждал, что «русская школа, игнорируя изучение не только татарского, но и даже родного киргизского языка, теряет в глазах киргизов свое значение» [Тажибаев 1962, с. 123]. Чтобы усилить русское влияние на казахское население, О.Е. Янковский считал необходимым увеличить число русских школ, включить в их программу изучение казахского языка и магометанского вероучения. Кроме того, он рекомендовал при школах создавать огороды, знакомить детей с обработкой животноводческих продуктов и земледелием. Он рекомендовал также засеивать силами учащихся несколько десятин земли, что, по его мнению, было крайне необходимо ввиду большого стремления казахов к земледелию. Поэтому при введении практических занятий по сельскому хозяйству «правительственные школы имели бы громадное значение в глазах кочевников, и при улучшении их экономического состояния они могли бы принять содержание школ на свои средства» [Тажибаев 1962, с. 123].

Заключение

Одним из важных элементов административной системы управления кочевыми инородцами Российской империи являлся религиозный вопрос, тесно связанный со школьным образованием. Неизбежное внедрение русских школ, олицетворявших гражданскую модель образования, приводило к конкуренции с традиционным образованием, преподаваемым в религиозных учреждениях татарскими муллами. Как отмечается в историографии, на первых этапах инкорпорации Казахской степи в Российское государство власти поощряли развитие ислама, предвидя в строительстве стационарных религиозных объектов (мечетей) путь приобщения кочевников к оседлости. Затем с течением времени, когда религиозная образованность казахов возросла настолько, что появились муллы из казахов, татарское влияние было признано имперскими властями нежелательным и противоречащим целям развития гражданственности у казахов, единения с русским этносом, построения

единой гражданской нации. В этой связи стали выдвигаться проекты определенных ограничительных мер, направленных на образовательную сферу и торговый протекционизм. Эти меры виделись в усилении административного надзора, увеличении числа русско-казахских школ, запрета школ с татарским образованием, ограничении торговли и поселения татарских купцов во Внутренней орде.

Вместе с тем, как представляется, в историческом развитии Внутренней Киргизской орды видны две противоречивые тенденции: с одной стороны, начало распространения европейского образования со строительством школ с преподаванием на русском языке и с русскими учителями, а с другой усиленное внедрение ислама в повседневную жизнь казахов Джангер-ханом. Однако со смертью Джангер-хана школы во Внутренней орде постепенно приходят в запустение, что требовало принятия неотложных правительственных мер. Это показывает, что указанная сфера нуждалась в постоянной заботе со стороны государства и местных властей в целях проведения эффективной аккультурационной политики среди кочевых инородцев. Одна из мер виделась в увеличении правительственных школ на русском языке с включением в программу изучения родного казахского языка и магометанского учения.

Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Acknowledgment

The study was carried out under the government subsidy, project no. 122022700134-6 “The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups”.

Литература

- Алешина, Ковальская 2018 – *Алешина С.А., Ковальская С.И.* Деятельность оренбургских губернских властей по просвещению «инородцев» во второй половине XIX века // Новый исторический вестник. 2018. № 4 (58). С. 6–18. DOI: 10.24411/2072-9286-2018-00030
- Аспандияров 2007 – *Аспандияров Б.* Образование Букеевской Орды и ее ликвидация. Алматы: Казах энциклопедиясы, 2007. 400 с.
- Васильев 2018 – *Васильев Д.В.* Бремя империи: Административная политика России в Центральной Азии: Вторая половина XIX в. М.: Политическая энциклопедия, 2018. 638 с.

- Дашковский, Жанбасинова 2020 – *Дашковский П.К., Жанбасинова А.С.* Мусульманская религиозность казахов в условиях реализации имперской политики России // Былые годы. 2020. № 1 (55). С. 57–66. DOI: 10.13187/bg.2020.1.57
- Зиманов 1982 – *Зиманов С.З.* Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата: Наука, 1982. 171 с.
- Керимова 2006 – *Керимова М.М.* Научное наследие этнографов Харузиных // Вестник архивиста. 2006. № 1. С. 109–123.
- Лысенко 2010 – *Лысенко Ю.А.* «Татарский вопрос» в конфессиональной политике Российской империи в Казахстане (конец XVIII – начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4–3 (68). С. 146–152.
- Любичанковский 2023 – *Любичанковский С.В.* Имперская политика аккумуляции юго-восточного фронта самодержавной России и система «инородческого» образования Оренбургского края в условиях ускоренной пореформенной модернизации. Оренбург: Издательско-полиграфический комплекс «Университет», 2023. 260 с.
- Махмутов 2017 – *Махмутов З.А.* Духовная и образовательная деятельность татар в казахской Степи в контексте внутренней политики Российской империи (вторая половина XVIII – начало XX в.) // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 1 (18). С. 113–117.
- Мухатова и др. 2022 – *Мухатова О.Х., Кабульдинов З.Е., Каипбаева А.Т., Козыбаева М.М.* Дореволюционная историография системы народного просвещения казахов в XIX – начале XX в. // Былые годы. 2022. № 1 (17). С. 145–156. DOI: 10.13187/bg.2022.1.145
- Нуреев 2006 – *Нуреев Р.Р.* Национальные школы Нижнего Поволжья в последней трети XIX – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2006. 26 с.
- Ремнёв 2006 – *Ремнёв А.В.* Татары в казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. № 4. С. 5–32.
- Рысбеков 2014 – *Рысбеков Т.З.* Место и роль духовенства в Букеевской Орде // Вестник Академии знаний. 2014. № 2 (9). С. 20–25.
- Тажибаев 1962 – *Тажибаев Т.Т.* Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX в. Алма-Ата: Казгосполитиздат, 1962. 508 с.
- Тарабановская 2015 – *Тарабановская Е.А.* Просветительская деятельность инспекторов народных училищ в Букеевской орде в XIX в. // Научное обозрение: Педагогические науки. 2015. № 3. С. 116–116.
- Ташпеков 2020 – *Ташпеков Г.А.* Просветительская деятельность хана Джангира во Внутренней (Букеевской) орде // Образование в современном мире: Сб. науч. статей / под ред. Ю.Г. Голуба. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2020. Вып. 15. С. 346–341.
- Франк 1993 – *Франк А.* Татарские муллы среди казахов и киргизов в XVIII–XIX вв. // Культура, искусство татарского народа: истоки, традиции, взаимосвязи: [Сб. статей] / АН Татарстана, Ин-т языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова; [Редкол.: Г.Ф. Валеева-Сулейманова (отв. ред.) и др.]. Казань: ИЯЛИ, 1993. С. 124–131.

Шотанова и др. 2020 – Шотанова Г., Ужкенов Е., Ермакбаев А. Материалы Петровского общества о развитии народного образования в Букеевской орде // Электронный научный журнал «Edu.e-history.Kz», 2020. № 3. С. 276–290. URL: <https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/390> (дата обращения 11.03.2024).

References

- Aleshina, S.A. and Koval'skaya, S.I. (2018), "The efforts of the Orenburg provincial authorities to establish basic education among indigenous peoples in the second half of the 19th century", *The New Historical Bulletin*, vol. 58, no. 4, pp. 6–18.
- Aspandiyarov, B. (2007), *Obrazovanie Bukееvskoi Ordy i ee likvidatsiya* [Bukeyev Horde. Its emergence and abolition], Qazaq Entsiklopediyasy, Almaty, Kazakhstan.
- Dashkovskii, P.K. and Zhanbasinova, A.S. (2020), "The Muslim religiosity of the Kazakhs in the context of the Imperial policy of Russia", *Bylye Gody*, vol. 55, no. 1, pp. 57–66.
- Frank, A. (1993), "Tatar mullahs among Kazakhs and Kirghiz in the 18th – 19th centuries", in: Valeeva-Suleimanova, G.F., ed., *Kul'tura, iskusstvo tatarskogo naroda: istoki, traditsii, vzaimosvyazi: [Sbornik statei]* [Culture, art of the Tatar people. Origins, traditions, interrelations. Collected articles], Academy of Sciences of Tatarstan, Kazan, Russia, pp. 124–131.
- Kerimova, M.M. (2006), "Scientific heritage of the Kharuzins, the ethnographers", *Herald of an Archivist*, no. 1. pp. 109–123.
- Lysenko, Yu.A. (2010), "'Tatar issue' in the confessional policy of the Russian Empire in Kazakhstan (the end of the 18th – the early 20th centuries)", *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 68, no. 4–3, pp. 146–152.
- Lyubichankovskii, S.V. (2023), *Imperskaya politika akkul'turatsii yugo-vostochnogo frontira samoderzhavnoi Rossii i sistema «inorodcheskogo» obrazovaniya Orenburgskogo kraia v usloviyakh uskorennoi poreformennoi modernizatsii* [The imperial policy of acculturation of the southeastern frontier of autocratic Russia and the system of "foreign" education of the Orenburg region in the context of accelerated post-reform modernization], Izdatel'sko-poligraficheskii kompleks «Universitet», Orenburg, Russia.
- Makhmutov, Z.A. (2017), "The spiritual and educational activities of the Tatars in the Kazakh steppe in the context of the Russian empire's internal policy (the second half of the 18th – the beginning of the 20th century)", *Samarskii nauchnyi vestnik*, vol. 6, no. 1 (18), pp. 113–117.
- Mukhatova, O.Kh., Kabul'dinov, Z.E., Kaipbaeva, A.T. and Kozybaeva, M.M. (2022), "Pre-Revolutionary historiography on the public education system for the Kazakhs in the 19th – beginning of the 20th centuries", *Bylye Gody*, vol. 17, no. 1, pp. 145–156.
- Nureev, R.R. (2006), *Natsional'nye shkoly Nizhnego Povolzh'ya v poslednei tretni XIX – nachale XX v.* [National schools of the Lower Volga region in the last third of the 19th – early 20th centuries], Abstract of Ph.D. dissertation (History), Kazan, Russia.

- Remnev, A.V. (2006), “Tatars in the Kazakh steppe. Companions and rivals of the Russian Empire”, *Acta Eurasica*, no. 4, pp. 5–32.
- Rysbekov, T.Z. (2014), “The place and role of the clergy in the Bukeev Horde”, *Vestnik Akademii nauk*, vol. 9, no. 2, pp. 20–25.
- Tarabanovskaya, E.A. (2015), “Educational activities of public schools’ inspectors in Bukeev Horde in the 19th century”, *Nauchnoe obozrenie: Pedagogicheskoe nauki*, no. 3, pp. 116–116.
- Tazhibayev, T.T. (1962), *Prosveshchenie i shkoly Kazakhstana vo vtoroi polovine XIX v.* [Education and schools of Kazakhstan in the second half of the 19th century], Kazgospolitizdat, Alma-Ata, USSR.
- Tashpekova, G.A. (2020), “Educational activity of Khan Dzhangir in the Inner (Bukeev) Horde”, in Golub, Yu.G., ed., *Obrazovanie v sovremennoy mire: Sbornik nauchnykh statei* [Education in the modern world: Collected scientific articles], iss. 15, Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, Saratov, Russia, pp. 346–341.
- Shotanova, G., Uzhkenov, E. and Ermekbayev, A. (2020), “Materials of the Petrovskii society on the development of public education in Bukeev Horde”, *Electronic Scientific Journal “Edu.e-history.Kz”*, vol. 3, 276–290, available at: <https://edu.e-history.kz/index.php/history/article/view/390> (Accessed 11 March 2024).
- Vasiliev, D.V. (2018), *Bremya imperii: Administrativnaya politika Rossii v Tsentral'noi Azii: Vtoraya polovina XIX v.* [The Imperial burden: Russia's administrative policy in Central Asia, mid-to-late nineteenth century], Politicheskaya entsiklopediya, Moscow, Russia.
- Zimanov, S.Z. (1982), *Rossiya i Bukeevskoe khanstvo* [Russia and the Bukeev Khanate], Nauka, Alma-Ata, USSR.

Информация об авторе

Евгений А. Гунаев, кандидат юридических наук, Калмыцкий научный центр РАН, Элиста, Россия; 358000, Россия, Республика Калмыкия, Элиста, ул. им. И.К. Илишкина, д. 8; gunaevea@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-7173-4170

Information about the author

Eugenii A. Gunayev, Cand. of Sci. (Law), Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences; 8, Ilshkin St, Elista, Republic of Kalmykia, Russia, 358000; gunaevea@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-7173-4170

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

УДК 930:39

DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-3-81-94

Новые взгляды на происхождение племени катаган: историографический аспект

Икромжон И. Умаров

*Термезский государственный университет,
Термез, Республика Узбекистан, samik_9090@mail.ru*

Аннотация. Народы Средней Азии на протяжении всей своей многовековой истории переживали сложные этнокультурные процессы. Такая ситуация наблюдается во всех тюркских племенах, в том числе и в катаганах, входящих в состав узбекского народа. Анализируя исторические источники, этнографические, археологические, топонимические, лингвистические, антропологические материалы и полевые данные, можно увидеть, что катаганы были одним из древнейших узбекских племен. Катаганы и входившие в их состав роды долгое время жили на обширных территориях от берегов Амударьи до Байкала. Именно поэтому в исторических источниках они упоминаются как монгольское, казахское, киргизское или узбекское племя. На самом деле племя катаган формировалось на протяжении многих веков благодаря близким связям тюркских племен, проживающих в Южной Сибири, Монголии, Средней Азии и Восточном Туркестане. А это указывает на то, что история катаганов тесно связана с историей других тюркских народов. В свое время учеными мира высказывались разные мнения о происхождении рода катаган. В разные исторические периоды предки катаганов назывались саттагидами, бхаттаварьянами, итагаканами, хатакинами, хутталанами и халаджами. Когда образовался племенной союз катаганов, в него вошли многие племена Бухарского ханства. Местные тюркские племена, жившие в бассейнах Амударьи и Сырдарьи, сыграли важную роль в формировании узбекских катаганов. По традиции у кочевых народов тюркское население называлось по имени народа, к которому принадлежали их беки. В данной статье представлены сведения о происхождении, расположении и родовых делениях катаганов.

© Умаров И.И., 2024

Ключевые слова: катаганы, хатакины, эфталиты, монголы-нируны, Амударья, Сурхандарья, Кухитанг, Средняя Азия, Байкал

Статья поступила в редакцию 24 декабря 2023;

принята к публикации 29 апреля 2024

Для цитирования: Умаров И.И. Новые взгляды на происхождение племени катаган: историографический аспект // История и архивы. 2024. Т. 6. № 3. С. 81–94. DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-3-81-94

New views on the origin of the Katagan tribe. A historiographical aspect

Ikromjon I. Umarov

*Termez State University, Termez, Republic of Uzbekistan,
samik_9090@mail.ru*

Abstract. The peoples of Central Asia experienced complex ethnocultural processes throughout their centuries-old history. Such a situation is observed in all Turkic tribes including the Katagans, who make up a part of the the Uzbek people. Analyzing historical sources, ethnographic, archeological, toponymic, linguistic, anthropological materials and field data, one can see that the Katagans were one of the most ancient Uzbek tribes. For a long time, the Katagans and their clans lived in the vast areas from the banks of the Amudarya River to Lake Baykal. That is why in historical sources they are recorded as Mongolian, Kazakh, Kyrgyz or Uzbek tribes. In fact, the Katagan tribe was formed over the course of many centuries due to the mingling of Turkic tribes living in Southern Siberia, Mongolia, Central Asia and Eastern Turkestan. And it indicates that the history of the Katagans is closely connected with the history of other Turkic peoples. At one time, world scientists expressed diverging views regarding the origin of the Kataghan genus. In different historical periods, the Katagan ancestors were called Sattagids, Bhattavaryans, Itagakans, Khatakins, Khuttalans and Khalajs. When the tribal union of the Katagans was formed, many tribes of the Bukhara Khanate joined it. The local Turkic tribes living in the Amudarya and Syrdarya basins played an important role in the formation of Uzbek Katagans. According to the tradition among the nomadic peoples, the Turkic population was called by the name of the people to which their ancestors belonged. The article provides information on the origin, location, and classification of Katagans.

Keywords: Katagans, Khatakins, Hephthalites, Mongol-Niruns, Amudarya, Surkhandarya, Kohitang, Central Asia, Baikal

The article was submitted for publication 24.12.2023

accepted for publication 29.04.2024.

For citation: Umarov, I.I. (2024), "New views on the origin of the Katagan tribe. A historiographical aspect", *History and Archives*, vol. 6, no. 3, pp. 81–94, DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-3-81-94

Введение

Сведения о племени катаган встречается во многих исторических источниках. В свое время высказывались разные мнения о его происхождении и формировании. Несмотря на это, данный вопрос до сих пор не нашел своего решения и требует тщательного изучения формирования племени катаган на основе исторических источников, созданных в разные периоды.

Первые сведения о катаганах встречаются в XIII в. Среди произведений, созданных в этот период, важным источником считается «Монголой нюуса тобшо», написанный в 1240 г. по приказу великого монгольского правителя Укая. Важность произведения состоит в том, что в нем освещается происхождение многих тюркских племен, в том числе и катаганов.

Еще одним важным источником в изучении истории катаганов является труд Рашидиддина «Джоме ат-таварих». Значимость работы состоит в том, что в нем отдельно описывается происхождение тюрко-монгольских племен, проживавших в Средней Азии, Иране, Восточном Туркестане и Монголии в XIII–XIV вв. Именно Рашидиддин впервые среди восточных историков показал, что большинство племен, пришедших с Чингисханом, состояли из тюркских родов.

Труд Рашидиддина оказал огромное влияние на исторические произведения, созданные в последующие столетия. Ряд восточных историков – Мирза Улугбек, Хафиз Таниш аль-Бухари, Абулгази, Мухаммад Юсуф Мунши и другие использовали этот труд при написании истории тюркских народов.

В изучении истории катаганов следует отметить заслуги Б.Х. Кармишевой. Она принимала участие в нескольких полевых экспедициях, в результате которых был собран богатый этнографический материал по южным районам Узбекистана и Таджикистана. Б.Х. Кармишева показала, что катаганы сформировались в верхнем бассейне Амударьи и были тесно связаны с киргизскими катаганами.

В наше время проблема происхождения катаганов получила новое развитие. Ряд исследователей приводят сведения о происхождении и хозяйственной жизни катаганов. Среди них можно указать труды А. Буриева, С. Турсунова, А. Каюмова и А. Курбанова.

Результаты исследований

Катаганы – многочисленное узбекское племя, проживающее в основном в Ташкентской, Самаркандской, Бухарской, Кашкадарьинской, Сурхандарьинской и Хорезмской областях Узбекистана. За пределами Узбекистана представители этого рода проживают в Хатлонской области Таджикистана и на севере Афганистана. Кроме того, катаганы выявлены среди киргизов Киргизии и Восточного Туркестана (КНР), среди ногайцев, проживающих на Северном Кавказе (Российская Федерация)¹.

В исторических источниках высказываются разные мнения о происхождении катаганов. Согласно легенде, записанной Н. Аристовым, у основателя казахских орд Абулхаира было трое сыновей: Бойчур (основатель Большой Орды), Джончур (основатель Средней Орды) и Карачур (основатель Малой Орды). От Бойчура остался Джуманбой, от него Кайкибой и от него Тобей. У Тобей было четыре сына: Майки, Когам, Куюдур и Мекроил. У Майки также было четыре сына по имени Бахтияр, Кангли, Киркджуз и Мингджуз. Бахтияр усыновил Катагана, неизвестного рода, от которого произошли роды Чаничлы и Кангли².

По преданию, приведенному А. Борнсом, в прошлом калмыки составляли одно племя с узбекскими катаганами. Позже они разделились на две части. Тех, кто переселился, называли катаганами («кетганлар», т. е. «ушедшие»), а тех, кто остался там, называли калмыками («қолганлар», то есть «оставшиеся»)³. Аналогичное повествование приводит и О.А. Сухарева [Сухарева 1966, с. 135].

По утверждению В.В. Решетова, поскольку названия узбекских и кыргызских катаганов совпадают, была попытка сблизить их. Дело в том, что слово «катаган» означает «объединенный», «сильный» и подобные им значения и могло появиться независимо друг от друга, чтобы обозначить объединение нескольких родов или племен в тюркских племенах⁴.

Н.А. Аристов, основываясь на сведениях Рашидиддина, под термином «катаган» подразумевал монголо-нирунский род хатакин, который происходит от Букуна Катаки⁵. Согласно Г.Э. Грумм-Гржимайло, катагины изначально были истинным монгольским

¹ Баскаков Н.А. Ногайский язык и его диалекты. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. С. 138–140.

² Аристов Н.А. Об Афганистане и его населении // Живая старина. 1898. Вып. 3, 4. С. 394–395.

³ Борнс А. Путешествие в Бухару. Ч. 3. М., 1849. С. 396.

⁴ Решетов В.В. Узбекский язык. Ч. 1. Ташкент, 1959. С. 31–32.

⁵ Аристов Н.А. Указ. соч. С. 405.

племенем. Те, которые ушли на запад, вошли в состав узбекского народа. Хатагины – это и есть узбекское племя катаган [Грумм-Гржимайло 1926, с. 532].

Следует отметить, что в «Сокровенном сказании монголов» указывается, что род «хатаги» распространился от Бугу Хатаги, старшего сына легендарного Алан Гоа [Козин 1941, с. 84]. У Рашидидина этот род называется «катакин»⁶.

Исходя из вышеизложенного следует, что ранними историческими названиями катаганов были «хатаги», «хатагин», «хатакин», позднее «катакин» и «катаган». Но в исторических источниках термин «хатакин» упоминается ранее XIII в. По сведениям Абу Рейхана Бируни, первым индийским царем в Кабуле был тибетский турок по имени Бархатакин. Он основал в Кабуле индийскую династию шахия. Из потомков Бархатакина правили 60 царей. Одним из них является Каник (среднеиндийский Канишка), в честь которого назван Вихара Каникчайтья (буддийский храм Каника) в Пурушаваре (Пешовар). Последним представителем династии Бархатакинов был Лагатурман. В IX веке он был свергнут своим визирем Калларом, принадлежавшим к индийской касте брахманов. Таким образом, тюркская династия в Кабул-Гандхаре прекратилась, и вместо нее была основана династия брахманов. После Каллара на царском троне восседали брахманы Саманта, Камалу, Бхима, Джаяпала, Анандапала, Трилочанала. Последний был убит в 412 г. хиджры (1021–1022 гг. н. э.)⁷.

Принимая во внимание, что династия тюркских царей Кабула длилась от Бархатакина до Лагатурмана около 60 поколений, а династия брахманов от Каллара до Трилочаналы – 7 поколений, можно считать, что Бархатакин правил страной в конце IX в. или в первой четверти VIII в.

Имя Бархатакин образовано от слов бар-хатакин. Слово «бар» свойственно для тюркских и монгольских языков. Сравните: слово «бар» в бурятском языке – «тигр»; имеющий богатырскую силу⁸, «барлос» – полководец, предводитель. «Хатакин» – этноним. Имя «Бархатакин» означает «предводитель, богатырь хатакинов».

Имеются и другие сведения о происхождении племени хатакинов. В частности, в труде Геродота «История» упоминаются племена саттагидов, дадигов и апариев, жившие в седьмой сатрапии

⁶ Рашид ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. М.; Л., 1952. С. 15.

⁷ Бируни. Индия: Избранные произведения. Т. 2. Ташкент, 1963. С. 359–361.

⁸ Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1973. С. 85.

Ахеменидского Ирана (сегодняшний юг и восток Афганистана)⁹. Английский ученый Г.В. Белью в своей интересной работе, изданной в Лондоне в 1891 г., описывает названия народов и племен, зафиксированные древнегреческими историками – Геродотом, Страбоном, Плинием, Птолемеем и другими. Г.В. Белью отмечает, что саттагиды, дадики и апарийи – это нынешние хаттаки, доди и афридийцы¹⁰.

Согласно Бируни, территория между Тибетом и Кабулом считалась землей тюрков. Племя бхаттаварян говорило на тюркском языке. Его царя звали Бхатта. Этот народ имел города Гилгит, Асвира, Шилтис¹¹.

Афзалхан Хаттак (1687–1748) в своем труде «Тарихи Мурасса» излагает, что племя хаттак принадлежит карлонийскому улусу. От возникновения Карлонийского улуса до XVIII столетия прошло 20 веков [Усмонов 1986, с. 45–46].

Большая часть племени хаттак, проживающих в Афганистане, входят в состав пуштунского племени гильзай. Племя гильзаев называют «гилзай», «гилджи», «хилджи», а их происхождение связано с тюркским племенем халадж¹². По данным Ш. Камолиддина, в X в. потомками эфталитов (ал-хай-тал) считались тюркские племена Тохаристана – халаджи и канджины. В средние века в Чаганиане был город под названием Орду Халач [Камолиддин 2006, с. 99].

Здесь возникает вопрос: если халаджи являются потомками эфталитов, то насколько хаттаки связаны с эфталитами? Чтобы ответить на этот вопрос, следует обратиться к историческим источникам.

В исторических источниках эфталиты называются по-разному. В частности, в армянских и византийских источниках – «итагакан»¹³, «эфталит»¹⁴, «тетал»¹⁵, «абдел»¹⁶, «эфталиты» и «белые гунны»¹⁷,

⁹ Геродот. История в девяти книгах: В 2 т. / пер. с греч. Ф.Г. Мищенко. М., 1886–1888. Т. 2. С. 91.

¹⁰ *Bellew H.W.* An inquiry into the ethnography of Afghanistan. Prepared and presented to the 9th International Congress of Orientalists (London, September, 1891). L., 1891. P. 107.

¹¹ Бируни. Указ. соч. С. 196–203.

¹² Аристов Н.А. Указ. соч. С. 276.

¹³ Варданет Егише. История / русский пер. Г. Шаншиева. Тифлис, 1853. С. 29.

¹⁴ Мовсес Каланкатуаци. История страны Алуанк: В 3 кн. / перевод с древнеарм. Ш.В. Смбабяна. Ереван, 1984. Кн. 1. С. XVI.

¹⁵ Себеос. История императора Иракла / пер. с арм. К. Патканьяна. СПб., 1862. С. 11, 31.

¹⁶ Феофилакт Симокатта. История. М., 1957. С. 160.

¹⁷ Прокорий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами: Тайная история. М.: Наука, 1993. С. 10–13.

в тибетских документах – «хебдол», по-арабски – «хайтал»¹⁸, по-китайски – «йеда» и «идань»¹⁹, в «Тарихномаи Хирот» – «хаятлэ» [Гумилев 1959, с. 136].

На основании имеющихся в настоящее время научных и исторических источников мнения, высказанные о происхождении эфталитов, можно разделить на следующие группы:

Согласно первому мнению, они вместе с кушанами происходят от одного рода. В частности, согласно китайской летописи «Бэйши», «владелец дома Йеда происходит из одного рода вместе с Большим Юэчжи». В «Суйшу» также указывается, что дом Идань является ветвью Большого Юэчжи²⁰. Армянский историк Егише Вардапет называет правителя провинции Итагакан (Интагакан) кушанским царем²¹. Византийский историк Себеос также сообщает, что Пероз был убит в битве с кушанами²².

Приведенные выше сведения показывают, что эфталиты имели определенные родственные отношения с кушанами. Но, исходя из исторических источников, их нельзя считать именно кушанами, так как в «Армянской географии» VII в. имя эфталитов упоминается наряду с тухарами, то есть с кушанами²³. В китайской хронике «Бэйши» наряду с народом «йеда» отмечаются имена больших и малых юэчжей. К тому же язык эфталитов совершенно отличается от жужанского, гаогуйского и тюркского языков²⁴. А это вызывает определенные трудности в определении этнического происхождения эфталитов.

Согласно второму мнению, они были древними жителями бассейнов Амударьи и Сырдарьи. А.Н. Бернштам указывает, что происхождение эфталитов произошло в двух областях: первая – в среднем и нижнем бассейне Сырдарьи, а вторая – в верхнем бассейне Амударьи [Бернштам 1951, с. 197]. Л.Н. Гумилев делает вывод, что ранней родиной эфталитов были западные склоны Памира [Гумилев 1967, с. 97]. С.П. Толстов утверждает, что они пришли с Приаралья [Толстов 1962, с. 244].

¹⁸ *Ахмад ибн Йахйа ибн Джабир ал-Балазури*. Завоевание Хорасана (Извлечение из сочинения «Футух ал-булдан»). Душанбе, 1987. С. 11.

¹⁹ *Бичурин Н.Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. 2-е изд. Т. 2. М.; Л., 1950. С. 268, 286.

²⁰ Там же. С. 286.

²¹ *Вардапет Егише*. Указ. соч. С. 29–30.

²² *Себеос*. Указ. соч. С. 26.

²³ Армянская география VII века по Р. Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому). СПб., 1877. С. 79.

²⁴ *Бичурин Н.Я.* Указ. соч. С. 264–269.

Хотя в «Бейши» йеда упоминается как кочевой народ, но отмечается, что их правитель живет в городе Бадиян, и в городе много буддийских храмов²⁵. Нумизматические данные показывают, что монеты, отчеканенные в Тохаристоне в конце IV в. – первой половине V в., принадлежат эфталитам. Титулы на монетах, несомненно, бактрийские [Пугаченкова, Ртвеладзе 1990, с. 129–130].

По данным китайским летописей, умерших богатых эфталитов хоронили в каменных склепах²⁶. Изучая гробницы, мавзолеи и другие факты, Б.А.Литвинский пришел к выводу, что предгорные племена Ферганы также сыграли важную роль в формировании эфталитов [Гафуров 1989, с. 263].

Существуют также разные мнения об этнической принадлежности эфталитов. Одна группа ученых считает, что эфталиты произошли от гуннов, а потому относятся к древним тюрко-монгольским народам, другие же связывают их с иранскими народами.

Для выяснения этого вопроса следует обратиться к историческим источникам.

Ахмад аль-Балазури пишет, что во время похода арабов на Кухистан против них выступили хайталцы. Они были тюркского происхождения, а другие исследователи говорят, что на самом деле они произошли от народа Персии. Кроме того, Балазури сообщает, что когда арабский полководец Муса ибн Абдуллах ибн Хазим ас-Сулами захватил Термез (в 689 г.), против него выступили хайталцы и тюрки из числа жителей Термеза²⁷.

В китайских источниках отмечается сходство обычаев эфталитов с обычаями тюрков²⁸. Корейский путешественник Хой Чао, побывавший в Тохаристане в 726 г., отмечает, что половина населения страны составляют ху, а другая половина – тюрки [Гафуров 1989, с. 288]. По Л.Н. Гумилеву, племенное название эфталитов было «хуа». Это имя сохранилось в название Хутталян [Гумилев 1959, с. 134].

В согдийских документах, найденных на горе Муг, Хутталян упоминается как *Ywttrstan* (Хуттурстан или Хуттулстан). Это название является заимствованным словом и восходит к древнему топонимическому слою до согдийцев [Смирнова 1961, с. 223]. Географ XIV в. Абдурашид аль-Бакуви сообщает о стране хутталлахов. По его словам, хутталлы произошли от тюрков и были самыми сильными среди всех тюркских племен²⁹.

²⁵ Там же. С. 264–269.

²⁶ Там же. С. 269.

²⁷ *Ахмад ибн Йахйя ибн Джабир ал-Балазури*. Указ. соч. С. 11–12, 27.

²⁸ *Бичурин Н.Я.* Указ. соч. С. 268.

²⁹ *Ал-Бакуви абд ар-Рашид*. *Китаб талхис ал-асар ва аджаиб ал-малик ал-каххар* [Сокращение книги о «памятниках» и чудеса царя

Если обратить внимание на имена эфталитов, то можно увидеть, что среди них есть тюркские имена, такие как Тураман, Михиракул, Акшунвар, Кунха (т. е. Кунхон).

Итак, на основании имеющихся источников можно сказать, что ранним местом формирования эфталитов была в основном Бактрия-Тохаристан и прилегающие к нему земли, преимущественно горные районы. Важную роль в формировании эфталитов сыграли древние сако-массагетские и кушанские племена, а также другие коренные жители Бактрии. Эфталиты на самом деле были тюркским народом. Поскольку государство, образованное эфталитами, включало в себя очень большие территории, в их состав входили и иранские народы. Поэтому их иногда считали тюркским, а иногда иранским народом.

Как было отмечено выше, эфталиты упоминаются в истории под многими именами. Поэтому каждый народ называл их по закону своего языка. Настоящее название эфталитов было «хатакин». Название хатакин (хатагин) состоит из компонентов хата+гин+кин. Древнейшей формой тюркского суффикса кин-гин является компонент ку(н). Аффикс -н обозначает множественное число, совокупность, а kün на древнетюркском языке означает «народ»³⁰. После усиления племени начиная с VI в. слово кин/гин в этнониме было опущено, вместо него был добавлен тюркский аффикс множественного числа -ар (например: кангар, тохар, татар, солар, игдар и др.). После этого оно стало называться хатт+ар, т. е. «союз племен хаттов». Под влиянием арабского и персидского языков суффикс -ар был заменен на -ал, и получилось название хуттал (хаттал), которое в арабских источниках встречается как «хайтал» и по-персидски «хетал». Византийские греки позаимствовали у персов название «хетал» и произносили как «тетал». Средневековый Хутталян возник в Северной Бактрии-Тохаристан. Суффикс -ен в топониме использовался в древности для обозначения мест, связанных с названием рода или племени (например: Чагониен, Токчиен и др.). Топоним Хутталян означает «страна хаттов». Позже Хутталян стали называть Хатлоном (Хутталян > Хаталон > Хатлон).

Этноним «итагакан», упоминаемый в армянских источниках IV в., соответствует имени хатакин/хатагин (хатагин > атагин > атаган > итаган > итагакан). В основе «хатакин» и «хаттал» лежит слово «хатт». Оба имеют один и тот же корень, древнее название «хатакин». Названия «саттагид», отмеченное Геродотом,

могучего] / изд. текста, пер., предисл., примеч. и прил. З.М. Буниятова. М., 1971. С. 104.

³⁰ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности: Тексты и исследования. М.; Л., 1951. С. 397.

и «бхаттаварян», упоминаемое Бируни, являются фонетическими вариантами названия «хатакин».

В китайских хрониках отмечается, что жужане, жившие на юго-востоке современного Алтая, имели родственные связи с эфталитами³¹. По нашему мнению, представители эфталитов переселились в районы Восточного Туркестана, Алтая и Монголии в VI в. и основали там монголо-нирунский род хатагин. Во время походов Чингисхана на запад монгольские хатагины слились с другими тюркскими народами. К XVI веку в Средней Азии вместо древнего имени «хатагин» утвердилось название «катаган» (qatag'on). Земля, на которой они жили, называлась Катаган (Хатакин > Хатакан > Хатагон > Катагон > Катаган).

По данным Рашидиддина, из-за того, что хатагины восстали против Чингисхана, несмотря на то, что они жили в большом количестве во всех улусах, кроме Укуджи Бахадира, современника Чингисхана, никто из них не проявил себя при чингизидах³².

Исторические источники XIV–XVI вв. не содержат никаких сведений о хатагинах, оставшихся в Монголии. Поскольку хатагины очень упорно воевали против Чингисхана, монгольские правители старались не использовать их в государственных делах. Из-за чрезмерной жестокости монгольских ханов хатагины, жившие в Халхе (Монголия), в XVII в. вместе с другими монгольскими родами переселились в Забайкалье³³.

Сведения о хатагинах встречаются в летописи Дамби-Жолцана Ломбоциренова на старомонгольском письме, изданной в 1832 г. Согласно летописи, в 40-х годах XVII в., во время восстания Бошогтохана против монгольского правителя Саинхана, брата Тулуган Цорхоной и Баасаежи Цорхоной хатагины, услышав о мире и спокойствии в стране русского царя, вместе с детьми перешли границу и поселились на Тункинских землях на северном берегу Байкала с разрешения правительства. Там скончался глава рода хатагин Тулуган Цорхоной. В 1830 г. хатагины переселились на западные берега Байкала. В 1765 г. роды хатагин и узон получили Золотое Знамя правительства [Умаров, Рахмонов, Худойбердиев 2014, с. 59].

Тем не менее тюркские катаганы не могут быть напрямую связаны с монгольскими хатагинами. Если глубоко проанализировать

³¹ Бичурин Н.Я. Указ. соч. С. 269.

³² Рашид ад-дин. Указ. соч. С. 178.

³³ Разумов И., Сосновский И. Население – значение рода у инородцев и ламаизм // Материалы, собранные Комиссией для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области. Т. 6. СПб., 1898. С. 3.

историю, то становится ясно, что влияние племен, выступавших против Чингисхана, не было заметно в политической жизни Туркестана в XIII–XVIII в. Наоборот, катаганы – это племя, сыгравшее важную роль в истории узбекских ханств в XVII–XIX вв.

То, что катаганы были автохтонным населением бассейнов Амударьи и Сырдарьи, подтверждают исторические источники. В частности, в «Истории Рашиди» отмечается, что 5 января 1375 г. во время похода на Могулистан Амир Темур поселился в Рабати Катагон, на южном берегу Амударьи³⁴.

В изученных нами источниках не упоминается название катаганов среди племен, завоевавших Мовароуннахр вместе с Мухаммедом Шейбаниханом (1451–1510). Только с середины XVI в. в исторических источниках начинают встречаться сведения о службе некоторых катаганских беков у шейбанидов³⁵. Среди 92 узбекских родов, упомянутых в произведении муллы Сайфиддина Ахсиканди, жившего в Фергане в XVI в., под названием «Маджмуа ат-Таварих» («Свод историй»), катаганы не встречаются. Правда, сам мулла Ахсиканди отмечает, что при составлении этого списка он опирался на не дошедший до нас источник. Это указывает на то, что данный источник мог быть составлен до XVI в. или даже раньше [Султанов 1977, с. 165–168].

Отсутствие катаганов в списке 92 узбекских родов, созданного в XVI в., свидетельствует о том, что в этот период они были оседлым народом, поскольку в списке указаны только роды «элатия», то есть кочевые узбекские племена. По сути, катаганы были потомками местных эфталитов, то есть хатакинов.

В XVI в. катаганы одновременно основали крупный племенной союз в среднем бассейне Сырдарьи и верхнем течении Амударьи. В начале XVII в. сырдарьинские катаганы составили основную силу ташкентского правителя Турсунхана. По данным В.П. Юдина, в конце XVI в. большая часть катаганов перебралась в Кашгар под предводительством Султангази. Здесь его потомки занимали крупные государственные посты и играли важную роль в политической жизни страны. Те, кто остался с Турсун-ханом, были полностью истреблены казахским ханом Эшим-ханом³⁶. Именно поэтому в формировании узбекских катаганов приняли участие местные

³⁴ *Мирза Мухаммад Хайдар*. Тарихи Рашиди [Тарих-и Рашиди]. Тошкент: Фан, 1996. С. 65.

³⁵ *Хофиз Таниш ал-Бухорий*. Абдулланом. 1-китоб. [Абдулланом. Кн. 1]. Тошкент, 1999. С. 97.

³⁶ *Ибрагимов С.К., Мингулов Н.Н., Пищулина К.А., Юдин В.П.* Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII вв. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 326.

племена, жившие в бассейне Амударьи. В их состав вошли многие роды, проживавшие в Бухарском ханстве. По традиции кочевников, население называлось по имени племени, к которому относились их беки.

Заключение

Итак, изучая исторические источники, можно прийти к выводу, что катаганы с древнейших времен жили в Средней Азии, Сибири и Монголии. Исторические источники показывают, что их родиной была древняя Бактрия-Тохаристан и прилегающие к ней земли. Катаганы – один из древнейших слоев узбекского народа, такой же, как карлуки, кипчаки, канглы. Они были постоянными участниками социальной, экономической, культурной и политической жизни, имевшей место в истории нации.

Литература

- Бернштам 1951 – *Бернштам А.Н.* Очерк истории гуннов. Л., 1951. 255 с.
- Гафуров 1989 – *Гафуров Б.Г.* Таджики. Т. 1. Душанбе: Ирфон, 1989. 371 с.
- Грумм-Гржимайло 1926 – *Грумм-Гржимайло Г.Е.* Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. Л., 1926. 906 с.
- Гумилев 1959 – *Гумилев Л.Н.* Эфталиты и их соседи в IV в. // Вестник древней истории. 1959. № 1. С. 129–140.
- Гумилев 1967 – *Гумилев Л.Н.* Эфталиты-горцы или степняки // Вестник древней истории. 1967. № 3. С. 91–98.
- Камолиддин 2006 – *Камолиддин Ш.С.* Древнетюркская топонимия Средней Азии. Ташкент, 2006. 192 с.
- Козин 1941 – *Козин С.А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием «Mongol un niᠷuᠰa tobèᠭ an. Юань чао би ши»: Монгольский обыденный сборник. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. наук, 1941. 620 с.
- Пугаченкова, Ртвеладзе 1990 – *Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В.* Северная Бактрия – Тохаристан: Очерки истории и культуры (древность и средневековье). Ташкент: Фан, 1990. 220 с.
- Смирнова 1961 – *Смирнова О.И.* Карта верховьев Зеравшана первой четверти VIII в. // Страны и народы Востока. Вып. 2: География, этнография, история. М., 1961. С. 220–230.
- Султанов 1977 – *Султанов Т.И.* Опыт анализа традиционных списков 92 «племен илатийа» // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.: Наука, 1977. С. 165–176.
- Сухарева 1966 – *Сухарева О.А.* Бухара XIX – начала XX в. М.: Наука, 1966. 328 с.

- Толстов 1962 – Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. 324 с.
- Умаров, Рахмонов, Худойбердиев 2014 – Умаров И., Рахмонов Х., Худойбердиев Э. Сурхон воҳасида этник тарих ва этномаданий жараёнлар (хатакилар уруғи мисолида) [Этноистория и этнокультурные процессы на территории оазиса Сурхандарёи (на примере племени катаганов)]. Тошкент: Алишер Навоий номидаги Ўзбекистон Миллий кутубхонаси, 2014. 292 с.
- Усмонов 1986 – Усмонов О. Курашларда тобланган шеърят [Поэзия, закаленная в борьбе]. Тошкент, 1986. 102 с.

References

- Bernshtam, A.N. (1951), *Ocherk istorii gunnov* [Essay on the history of the Huns], Leningrad, USSR.
- Gafurov, B. (1989), *Tadzhiki* [Tajiks], vol 1, Irfon, Dushanbe, Tadzhikistan, USSR.
- Grumm-Grzhimajlo, G.E. (1926), *Zapadnaya Mongoliya i Uryanhaiskii krai. Tom 2: Istoricheskii ocherk etikh stran v svyazi s istoriei Srednei Azii* [Western Mongolia and Uriankhai region, vol. 2: Historical outline of those countries in connection with the history of Central Asia], Leningrad, USSR.
- Gumilev, L.N. (1959), “Hephthalites and their neighbors in the 4th century”, *Vestnik drevnei istorii*, no. 1, pp. 129–140.
- Gumilev, L.N. (1967), “Hephthalites – mountaineers or steppe dwellers”, *Vestnik drevnei istorii*, no. 3, pp. 91–98.
- Kamoliddin, Sh. S. (2006), *Drevnetyurkskaya toponimiya Srednei Azii* [Ancient Turkic toponymy of Central Asia], Tashkent, Uzbekistan.
- Kozin, S. A. (1941), *Sokrovennoe skazanie: Mongolskaya khronika 1240 g. pod nazvaniem «Mongol un niruča toběj an. Yuan chao bi shi»: Mongolskii obydennyi sbornik* [Secret legend. Mongolian chronicle of 1240 called “Mongol un niruča toběj an. Yuan chao bi shi”. Mongolian everyday collection], vol. 1, Moscow, Leningrad, USSR.
- Pugachenkova, G.A. and Rtveladze, E.V. (1990), *Severnaya Baktriya – Tokharistan: Ocherki istorii i kul'tury (drevnost' i srednevekov'e)* [Northern Bactria – Tokharistan. Essays on history and culture (antiquity and the Middle Ages)], Fan, Tashkent, USSR.
- Smirnova, O.I. (1961), “Map of the upper reaches of Zeravshan in the first quarter of the 8th century”, in *Strany i narody Vostoka* [Countries and peoples of the East], iss. 2, Moscow, USSR, pp. 220–230.
- Sultanov, T.I. (1977), “Experience in analyzing traditional lists of 92 ‘Ilatiya tribes’”, in *Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekov'e (istoriya i kul'tura)* [Central Asia in ancient and Medieval times (history and culture)], Nauka, Moscow, USSR, pp. 165–176.
- Sukhareva, O.A. (1966), *Buhara XIX – nachala XX v.* [Bukhara of the 19th – early 20th centuries], Nauka, Moscow, USSR.
- Tolstov, S.P. (1962), *Po drevnim delтам Окса i Yaksarta* [Along the ancient deltas of the Oxus and the Jaxartes], Moscow, USSR.

- Umarov, I., Rahmonov, H. and Xudoyberdiyev E. (2014), *Surxon vohasida etnik tarix va etnomadaniy jarayonlar (xatakilar urug'i misolida)* [Ethnic history and ethnocultural processes in the Surkhandarya oasis (on the example of the Katagan tribe)], Alisher Navoiy nomidagi O'zbekiston Milliy kutubxonasi, Tashkent, Uzbekistan.
- Usmonov, O. (1986), *Kurashlarda toblangan she'riyat* [Poetry forged in struggle], Tashkent, USSR.

Информация об авторе

Икромжон И. Умаров, доктор философии по историческим наукам (Ph.D.), Термезский государственный университет, Термез, Республика Узбекистан; Республика Узбекистан, Термез, улица “Баркамол авлод”, д. 43; *samik_9090@mail.ru*
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-7936-4557>

Information about the author

Ikromjon I. Umarov, Doctor of Philosophy (Ph.D.) in History, Termez State University, Termez, Republic of Uzbekistan; 43, Barkamol Avlod St., Termez, Republic of Uzbekistan, *samik_9090@mail.ru*
ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0001-7936-4557>

Советский
художественный кинематограф 1960-х гг.
как источник по изучению истории
индустриального строительства

Илья В. Неупокоев

*Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН,
Москва, Россия, neupokoev@ihst.ru*

Роман А. Фандо

*Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН,
Москва, Россия, fando@ihst.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены в качестве исторических источников советские художественные фильмы 1960-х гг. – «Пока жив человек» (1963 г.), «На завтрашней улице» (1965 г.). Изучены некоторые аспекты создания кинопроизведений, что позволяет воспринимать художественные фильмы как полноценные исторические источники по изучению не только истории кино, но и истории науки и техники. Для реконструкции плана и реального процесса киносъемки были использованы документы фонда № 2944 Российского государственного архива литературы и искусства (фонд Государственного комитета Совета Министров СССР по кинематографии {Госкино СССР}, 1963–1992). Материалы фонда помогли наглядно показать, как Госкино СССР инициировал и контролировал процесс создания художественных фильмов. Наиболее информативными в этом плане оказались отложившиеся в фонде производственные отчеты и переписка с руководством киностудий и художественных советов. Методологической опорой для проведения исследования послужила концепция кинофотофонодокументальных источников, разработанная В.М. Магидовым. Согласно данной концепции, художественное кино рассматривается нами как кинофотофонодокумент, который визуальным воплощением, содержанием кадра и особенностями монтажа заключает на экране предметы техники, объекты промышленного производства и атрибуты индустриального развития. Посредством переноса визуальных символов в поле исторического исследования появляется необходимость интерпретации режиссерских решений и оценки подлинности изображаемых событий.

Ключевые слова: исторический источник, кинофотофонодокумент, советский кинематограф, Госкино СССР, индустриализация, хрущевская оттепель

Статья поступила в редакцию 2 февраля 2024 г.;
принята к публикации 20 мая 2024 г.

Для цитирования: Неупокоев И.В., Фандо Р.А. Советский художественный кинематограф 1960-х гг. как источник по изучению истории индустриального строительства // История и архивы. 2024. Т. 6. № 3. С. 95–107. DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-3-95-107

Soviet feature films of the 1960s as a source for studying the history of industrial construction

Ilya V. Neupokoev

*S.I. Vavilov Institute for the History of Natural History and Technology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, neupokoev@ihst.ru*

Roman A. Fando

*S.I. Vavilov Institute for the History of Natural History and Technology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, fando@ihst.ru*

Abstract. The article considers as historical sources Soviet feature films of the 1960s – “As Long as Man Lives” (1963), “On Tomorrow’s Street” (1965). It deals with some aspects of the filmmaking, thereby treating feature films as full-fledged historical source for studying not only the history of cinema, but also the history of science and technology. To reconstruct the plan and the actual process of filming, the authors used the documents of fund No. 2944 from the Russian State Archives of Literature and Art (fund of the State Committee of the USSR Council of Ministers for Cinematography {Goskino SSSR} of the period from 1963 to 1992. The archival materials helped to vividly show how the USSR Goskino initiated and controlled the process of creating feature films. The most informative in that respect were the production reports and the correspondence with the management of film studios and art councils, etc. Methodologically, the article is based on the concept of the cinema-photo-phono-documents elaborated by V.M. Magidov. According to the above concept, Soviet feature films are considered to be an integral part of the cinema-photo-phono-document identity, in which the cinema, through visualization, content of the film frame and the montage specifics brings to the screen items of machinery, objects of industrial production and attributes

of industrial development. By transferring the visual symbols into the field of historical research, there appears the need to interpret the director's decisions and assess the authenticity of the depicted events.

Keywords: historical source, cinema-photo-phono-documents, Soviet cinematography, State Committee of the USSR Council of Ministers for Cinematography (Goskino SSSR), industrialization, Khrushchev Thaw

The article was submitted 2.02.2024;

accepted for publication 20.05.2024.

For citation: Neupokoev, I.V. and Fando, R.A. (2024), "Soviet feature films of the 1960s as a source for studying the history of industrial construction", *History and Archives*, vol. 6, no. 3, pp. 95–107, DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-3-95-107

Введение

В настоящее время в исторической науке наблюдается расширение эпистемологического пространства и вовлечение в исследовательский процесс новых источников информации. Использование новых методологических подходов и методов исследования, переосмысление позитивистских концепций, повсеместная цифровизация обусловили изменение отношения к письменному источнику как к безграничному информационному ресурсу. Объект истории вышел далеко за рамки текста. Несмотря на доминирование текстовых документов в практике современной исторической науки, в последнее время возросло влияние на ее исследовательские стратегии визуальных и аудиовизуальных источников информации: произведений изобразительного искусства, фотографий, документальных и художественных фильмов [Kantha 2013; Rosenstone 2013; Van Gorp, Rommes 2014; Головнев 2022; Долгова 2020; Мазур 2022; Фандо 2022; Журавлева 2023; Казючиц 2023]. Однако эти разновидности источников не всегда могут помочь в дешифровке визуальной информации, так как они содержат авторский замысел, затрудняющий ответ на поставленные учеными вопросы. Впрочем, превалирование такой позиции не останавливает заинтересованных исследователей в рассмотрении кинематографа как исторического источника, позволяющего углубиться в проблематику и понять особенности режиссерских интерпретаций эпох и событий.

Одной из характерных черт советского послевоенного времени оказался стремительный производственный подъем: восстанавливались и возвращались из эвакуации заводы, возводились электростанции, внедрялись новые технологии промышленного производства. Строительство заводов, электростанций, транспортных магистралей в значительной степени изменило ландшафт городских

территорий [Гонина 2023]. О масштабах индустриального развития говорят дошедшие до нас исторические источники: административные приказы, статистические данные, воспоминания очевидцев – руководителей предприятий, строителей, инженеров, технологов, и, наконец, сами сооружения, многие из которых функционируют в настоящее время. Эпоха масштабного строительства периода хрущевской оттепели запечатлена в обширном корпусе документов и технических памятников. В тени внимания историков остается менее очевидный исторический источник – художественное кино. Будучи самым востребованным массовым искусством того времени, кино, как и периодическая печать, позволяло оперативно реагировать на актуальную информацию и формировать у зрителя представления о тех или иных событиях, в силу чего интерес к кино в современной исторической науке остается весомым.

В своем исследовании авторы опираются на разработанную В.М. Магидовым методологию работы с кинофотофонодокументами (КФФД). Данная группа источников позволяет реконструировать характерные черты прошлого, когда развитие технических средств позволяло фиксировать важные события в реальном времени. В.М. Магидов, оценивая информационные возможности КФФД, писал: «КФФД, как и письменные источники, политически направлены и отражают общественные политические воззрения и способы интерпретации событий. У таких источников имеется встроенная “билатеральность”, т. е. способность сочетать в себе объективную отражаемую действительность и субъективную деятельность автора. Они призваны документально отображать происходящие события, явления или факты и, используя ингерентно присущие им возможности искусства, эстетически воздействовать на зрителя или слушателя» [Магидов 2005, с. 219]. В таком виде запечатление на экране мест действия представляется как процесс создания исторического источника, который визуальным образом свидетельствует об окружающей обстановке.

В.М. Магидов отмечал, что в документальном кино историческое явление фиксируется именно в момент его совершения, когда дата и место съемки совпадают с самим событием. Благодаря этой особенности КФФД у исследователей появляется возможность восстановить колорит эпохи, увидеть архитектурный облик городов, природные особенности местности, одежду и жесты людей [Магидов 2005]. Реконструкция исторических атрибутов на материалах художественного кино происходит иначе. Действие, запечатленное в кинокартине, может инсценировать реально произошедшее событие, однако постановочный характер отображаемого явления сам по себе является вымыслом, искажением, так как, в отличие от документального, художественное кино не фиксирует

правдиво изображаемый феномен, а лишь передает его иносказательно, «со слов сценариста или режиссера». Таким образом, автор произведения становится «мостом» между историческим событием и восприятием исследователя, последний принимает художественную версию как подлинную. Такое осмысление роднит актуальное художественное кино с источниками устной истории, в которых исследователь полагается на очевидца, однако очевидец имеет полное право выдавать свои варианты фактов. Устная история не дает объективного понимания прошлого, но позволяет уловить образ мышления и мотивы поведения очевидца тех или иных событий. Возможно провести параллель между художественным кино и устной историей. В связи с этим для исследователей игрового кино большой интерес должны представлять не только визуальные образы или сюжетные перипетии, но и сценарные и режиссерские задумки.

Отечественные историки Л.Н. Мазур и О.В. Горбачев объясняют кино как результат творческого осмысления исторической реальности в форме идей и образов, с учетом скрытых смыслов, требующих расшифровки [Мазур, Горбачев 2022]. Таким образом, нарочито вымышленные конструкции режиссера, даже имеющие совсем ирреалистичный характер, могут стать предметом глубокого исторического анализа, так как содержат в себе намек на реальные факты и могут быть метафоричны именно в отношении общественных структур. В таком случае кино как исторический источник неисчерпаемо, так как необъятна его художественная мысль и, самое главное, объект художественного воплощения или интерпретации. В этой парадигме государство или рынок как внешние факторы напрямую влияют на процесс создания сюжета фильма и отдельных его сцен.

В статье мы попытались выявить запечатленные в художественных фильмах атрибуты советского индустриального строительства 1960-х гг., оценить реальность их изображения, а также понять авторские замыслы создателей кинокартин при изображении техники и промышленных сооружений. Для реализации поставленных задач мы взяли в качестве объектов анализа два фильма советского художественного кинематографа, которые были сняты в первой половине 1960-х гг. и показывали повседневную жизнь технических специалистов крупных промышленных предприятий. Для исследуемых нами кинокартин характерно детальное отображение техники: к работе над созданием фильма «Пока жив человек» привлекались консультанты по электронике и автоматике, а съемки фильма «На завтрашней улице» проводились на Плявиньской ГЭС (Латвийская ССР) также с участием технических консультантов. Понятно, что для глубокого анализа проблемы требуется более репрезентативная

выборка фильмов, тем не менее рассмотренные в статье кинокартины позволяют определить пути изучения отражения реальности индустриального наследия в современных для того времени художественных фильмах.

*Изображение научно-технических реалий
в фильме «Пока жив человек»*

В картине «Пока жив человек» (1963 г.) режиссера Г.Л. Аронова показана работа научной группы электромеханического завода над созданием высокочастотного генератора. В Государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) отложились документы, проливающие свет на процесс производства этого фильма. В создании кинокартины кроме профессиональных актеров (В.П. Заманский, Н.Н. Ургант, О.Н. Забара, Б.А. Фрейндлих, В.К. Чекмарев, Ю.С. Родинов и др.) также были задействованы в качестве массовки цеховые работники. За счет замены актеров рабочими на натурных съемках был сэкономлен 241 руб., о чем свидетельствуют бухгалтерские документы¹.

Информацию о снятой технике можно получить из «Отчета по съемкам операторами цеха комбинированных съемок». На изображение инженера Игоря (актер Ю.С. Родионов) на фоне мелькающего осциллографа пошло 144 кадра, на съемку растущей кривой осциллографа – 156 кадров². При съемке объекта «Улица Ленинграда» были задействованы транспортные средства – автотранспорт, мотоциклы, велосипеды, при съемке локации «Двор больницы» – поливочная машина, фургончик для молока, машина скорой помощи.

К работе над созданием фильма привлекались в качестве внештатных сотрудников по договорам консультанты по электронике, автоматике, экономике и управлению предприятием. В зависимости от объема и сложности работ оплата специалистов отличалась. Консультант по экономике и управлению из надлежащих ему 200 руб. получил всю сумму, в то время как консультант по электронике из запланированных по смете 200 руб. получил только 50 руб.³ Консультант по автоматике также недополучил 50 руб. из оговоренных ранее 150 руб.⁴ Возможно, такая экономия бюджета была

¹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2944. Оп. 4. Д. 101. Л. 7.

² Там же. Л. 22.

³ Там же.

⁴ Там же.

связана с переосмыслением режиссером значимости изображаемых объектов и, соответственно, потребности в определенных экспертах, это также отразилось на распределении метража киноленты по различным интерьерам съемки. Оказалось, что при окончательном монтаже фильма был урезан его метраж в целях сокращения ряда эпизодов, не несущих сюжетного развития⁵. Были вырезаны кадры, изображающие цех опытного завода, в связи с чем метраж уменьшился на 13,2 м, лабораторию – на 5,6 м, коридор заводоуправления – на 0,5 м, приемную главного инженера – на 33,5 м, его кабинет – 96,9 м⁶. Таким образом, на экране меньше демонстрировалось не только заводских помещений, но и электромеханических приборов, действие которых требовало детального описания.

По разделу «Демонтаж и монтаж техники на заводе» экономия составила 2581 руб. вследствие того, что: 1) для съемок объектов «Цех завода I», «Цех завода II», «Лаборатория» использовались интерьеры действующего завода, поэтому для киносъемок не потребовалось производить дополнительный монтаж и демонтаж техники⁷. Детали для электронной установки, предусмотренной для съемок, были предоставлены заводом «Светлана»⁸ бесплатно с последующим возвратом. Оплата электромонтажникам производилась лишь за работу по сборке деталей приборов⁹. Таким образом, вышеперечисленные финансовые сводки позволяют установить основные этапы делопроизводственного процесса съемок научной техники и заводов и определить важное место, которое они занимали в художественном фильме. Отметим, что в фильме демонстрация заводского производства была максимально приближена к реальным процессам, о чем свидетельствуют сценарный план, монтажные листы, технические и бухгалтерские отчеты киносъемки.

Электростанции как символы светской индустриализации

В центре сюжета фильма «На завтрашней улице» (1965) режиссера Ф.И. Филиппова строительство Гидроэлектростанции. Сценарист И.П. Куприянов хотел показать в картине сибирскую стройку, но съемки шли на Плявиньской ГЭС, расположенной

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 4.

⁷ Там же. Л. 28.

⁸ Завод **СВЕТ**овых **ЛА**мп **НА**каливания, который по первым буквам своего названия в дальнейшем стали именовать «Светлана».

⁹ Там же.

на территории Латвийской ССР. С таким изменением сценария И.П. Куприянов согласился, отметив приближенность изображаемых в фильме событий к реалиям подобного строительства: «Масштабы стройки сняты с натуры. Оператор Черных¹⁰, один из талантливых операторов Мосфильма, он везде все облазил до того, как снимать»¹¹.

Календарно-постановочный план эпизодов и объектов съемок выглядел следующим образом: стройка ГЭС (8–16 августа 1964 г.); дороги (17–21 августа 1964 г.); берег реки (22–26 августа 1964 г.); детский городок (27–28 августа 1964 г.); озеро (29–31 августа 1964 г.); полустанок (1–3 августа 1964 г.); катастрофа (4–10 августа 1964 г.); поселок (11 августа 1964 г.); просека высоковольтной линии (12–16 августа 1964 г.); аэродром в Тушино (23–25 октября 1964 г.); строительное управление (2–4 ноября 1964 г.); кабина самосвала (6–8 ноября 1964 г.); партком (11–17 ноября 1964 г.); кабинет секретаря обкома (18–22 ноября 1964 г.); кабина портового крана (23–25 ноября 1964 г.); диспетчерская аэродрома (30 ноября 1964 г.); Горки Ленинские (8 декабря 1964 г.)¹².

В пояснительной записке к технико-экономическим характеристикам производства картины сказано, что период подготовки съемки длился 3 месяца (со 2 апреля по 3 июля 1964 г.)¹³. На подготовительном этапе были проведены следующие работы: а) составлен постановочный сценарий на 408 кадров (2700 м пленки), содержащий в себе режиссерскую разработку мизансцен, техническое описание кадров, перечень необходимого постановочного инвентаря, состав действующих лиц и массовки; б) подготовлены эскизы декораций, костюмов, чертежи и сметы; в) подобраны и утверждены актеры на основные роли; г) составлена музыкальная экспликация; д) разработаны монтажные листы фильма; е) составлен и утвержден генеральный календарный план картины; ж) изготовлены костюмы и реквизит.

Натурная съемка разделялась на две части: одна часть фильма должна была сниматься на Плявиньской ГЭС, а вторая часть – на Киевской ГЭС – для эпизода «Затопление котлована»¹⁴. В связи с этим в календарном плане съемок был предусмотрен масштабный переезд. Однако поездку в Киев отменили из-за непредвиденных обстоятельств: актриса Люсьена Ивановна Овчинникова должна

¹⁰ Черных Игорь Анатольевич (1932–1920) – оператор советского кино.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 2944. Оп. 2. Д. 44. Л. 30.

¹² Там же. Оп. 4. Д. 570. Л. 11.

¹³ Там же. Д. 571. Л. 6.

¹⁴ Там же. Л. 8.

была в это время отправиться на гастроли в ГДР с Театром им. Маяковского, поэтому в короткие сроки начали снимать все сцены с ее участием, сократив при этом часть запланированных натурных съемок¹⁵. Метраж различных натурных съемок фильма «На завтрашней улице» приведен в табл. 1, составленной по архивным документам РГАЛИ¹⁶.

Таблица 1
Выполнение объема работ по сценарию фильма
«На завтрашней улице»

Натура	Метров по сценарию	Метров, вошедших в картину
Улицы Москвы	88	77
Аэропорт Внуково	47	20
Берег реки	162	111
Дороги на стройке	82	58
Поселок коттеджей	20	20
Стройка ГЭС	329	296
Таежное озеро	66	60
Детский городок	47	42
Полустанок в тайге	48	43
Просека высоковольтной линии	61	58
Рабочий поселок	26	14
Железнодорожный переезд	83	75
Катастрофа	136	116
Новостройки рабочего поселка	28	23
Аэропорт травяной	16	13
Горки Ленинские	30	Перенесено в другой эпизод
Степь древнего Кургана	27	Часть перенесено в квартиру Толстопятова

¹⁵ Там же. Л. 9.
¹⁶ Там же. Л. 23.

При создании эпизодов «Улицы Москвы» и «Аэропорт Внуково» использовали искусственные макеты. Макетная съемка изображала лишь формальный и приблизительный план настоящих сооружений.

Отображение строительства гидроэлектростанции носило второстепенный фоновый характер. Однако зритель благодаря демонстрируемым на экране объектам индустриального производства погружался в атмосферу происходящих событий, улавливал тенденции бурного и масштабного строительства. Общая картина технического подъема отражалась на экране благодаря слаженной работе сценариста, режиссера, оператора. Таким образом, кадры и визуальные изображения художественного кино стали своего рода плацдармом для демонстрации тех результатов, к которым пришла советская индустриализация ко второй половине 1960-х гг.

Заключение

Технические и промышленные объекты, запечатленные в художественных фильмах, позволяют говорить о степени распространения на предприятиях технологических нововведений, рационализаторских предложений, масштабах и автоматизации производства. Определив кино как результат творческого осмысления исторической реальности, с учетом скрытой в аудиовизуальной информации интерпретации режиссера, требующей специальной дешифровки, возможно рассматривать художественные фильмы как исторические источники.

Создание художественного фильма с упором на демонстрацию предметов техники – атрибутов изображаемого времени – является трудоемким и важным процессом для восприятия зрителями реальности. Игровое кино отбирает самые значимые фрагменты времени, обобщает их и предоставляет зрителю для ознакомления. Отметим, что использование постановочных макетов вместо натуры во время съемок или утрирование и гиперболизация определенных фактов и событий имеет место быть как в художественном кино, так и в общих рамках классических КФФД. Тем не менее общая концепция осмысления игрового художественного кино как исторического источника относится к той же проблеме, которую поставили в свое время исследователи КФФД. Решение ее позволило в значительной степени повысить информационную значимость различных визуальных и аудиовизуальных источников, прокомментировать их и ввести в научный оборот. Рассмотренная в статье делопроизводственная документация по созданию

фильма позволила нам в некоторой степени реконструировать исторические реалии на таком же достоверном уровне, как любые другие источники, но на более достоверном уровне, чем сам фильм и кинокадр.

Литература

- Головнев 2022 – *Головнев И.А.* Кинематографические опыты В.К. Арсеньева (на материалах работ с «Совкино» 1928–1929 гг.) // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2022. Т. 36. С. 37–69.
- Гонина 2023 – *Гонина Н.В.* Роль горно-металлургического комбината в формировании городской среды Норильска в 1950–1970-е гг. // Вестник архивиста. 2023. № 2. С. 540–552.
- Долгова 2020 – *Долгова Е.А.* Научная повседневность профессора Лосева: шпионomanия в советском послевоенном игровом кинематографе // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2020. № 4 (56). С. 85–92.
- Журавлева 2023 – *Журавлева В.И.* Карибский кризис и ядерная угроза в советской и американской карикатуристике: две версии одной истории // Новый исторический вестник. 2023. № 2 (76). С. 76–99.
- Казючиц 2023 – *Казючиц М.Ф.* Формирование образа Ф. Кастро в кинодокументалистике США и СССР первой половины 1960-х годов // Новый исторический вестник. 2023. № 2 (76). С. 120–139.
- Магидов 2005 – *Магидов В.М.* Кинофотофонодокументы в контексте исторического знания. М.: РГГУ, 2005. 393 с.
- Мазур 2022 – *Мазур Л.Н.* Визуализация пространства провинциального города в советских художественных фильмах 1930–1980-х годов: между будущим и прошлым // Исторический курьер. 2022. № 5. С. 21–39.
- Мазур, Горбачев 2022 – *Мазур Л.Н., Горбачев О.В.* Советские фильмы о деревне: опыт исторической интерпретации художественного образа. М.: РОССПЭН, 2022. 350 с.
- Фандо 2022 – *Фандо Р.А.* Карикатуры на ученых: проблемы источниковедческого анализа // Вопросы истории естествознания и техники. 2022. Т. 43. № 3. С. 490–512.
- Kantha 2013 – *Kantha S.S.* Cartoon humour of Nobel prizes // Current Science. 2013. Vol. 105. No. 8. P. 1175–1177.
- Rosenstone 2013 – *Rosenstone R.A.* A companion to the historical film. L: John Wiley & Sons, 2013. 575 p.
- Van Gorp, Rommes 2014 – *Van Gorp, B., Rommes El.* Scientists in Belgian comics. Typology, chronology and origins // Journal of Graphic Novels & Comics. 2014. Iss. 2 (5). P. 154–169.

References

- Golovnev, I.A. (2022), "Cinematographic experiments of V.K. Arsenyev (on the materials of works with "Sovkino" 1928–1929)", *Trudy instituta istorii, arkheologii i etnografii DVO RAN* [Proceedings of the Institute of History, Archaeology and Ethnology FEB RAS], vol. 36, pp. 37–69.
- Gonina, N.V. (2023), "The role of the mining and metallurgical integrated works in the formation of the urban environment of Norilsk in 1950–1970s", *Herald of an Archivist*, no. 2, pp. 540–552.
- Dolgova, E.A. (2020), "Professor Losev's everyday life. Spy mania in the Soviet post-war cinema", *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya*, vol. 56, no. 4, pp. 85–92.
- Fando, R.A. (2022), "Cartoons on scientists. Issues of a source study analysis", *Studies in the History of Science and Technology*, vol. 43, no. 3, pp. 490–512.
- Kantha, S.S. (2013), "Cartoon humour of Nobel prizes", *Current Science*, vol. 105, no. 8, pp. 1175–1177.
- Kazyuchits, M.F. (2023), "Creating the image of Fidel Castro in the U.S. and Soviet documentary films in the first half of the 1960s", *The New Historical Bulletin*, vol. 76, no. 2, pp. 120–139.
- Magidov, V.M. (2005), *Kinofotofonodokumenty v kontekste istoricheskogo znaniya* [Cinema-photo-phono-documents in the context of historical knowledge], RGGU, Moscow, Russia.
- Mazur, L.N. (2022), "Visualisation of provincial city space in Soviet feature films of 1930–1980s. Between the future and the past", *Istoricheskii kur'er*, no. 5, pp. 21–39.
- Mazur, L.N. and Gorbachev, O.V. (2022), *Sovetskie fil'my o derevne: opyt istoricheskoi interpretatsii khudozhestvennogo obraza* [Soviet films about the village. Experience of a historical interpretation of the artistic image], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Rosenstone R.A. (2013), *A companion to the historical film*, John Wiley & Sons, London, UK.
- Van Gorp, B. and Rommes, El. (2014), "Scientists in Belgian comics. Typology, chronology and origins", *Journal of Graphic Novels & Comics*, vol. 5, iss. 2, pp. 154–169.
- Zhuravleva, V.I. (2023), "The Cuban crisis and nuclear threat in Soviet and American cartoons. Two versions of the same story", *The New Historical Bulletin*, vol. 76, no. 2, pp. 76–99.

Информация об авторах

Илья В. Неупокоев, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия; 125315, Россия, Москва, ул. Балтийская, д. 14; Neupokoev@ihst.ru

ORCID ID: 0009-0009-1569-474x

Роман А. Фандо, доктор исторических наук, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия; 125315, Россия, Москва, ул. Балтийская, д. 14; fando@ihst.ru

ORCID ID: 0000-0003-2180-4393

Information about the authors

Ilya V. Neupokoev, S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 14, Baltiiskaya St., Moscow, Russia, 125315; Neupokoev@ihst.ru

ORCID ID: 0009-0009-1569-474x

Roman A. Fando, Dr. of Sci. (History), S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 14, Baltiiskaya St., Moscow, Russia, 125315; fando@ihst.ru

ORCID ID: 0000-0003-2180-4393

УДК 930.253(470)

DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-3-108-120

Государственное хранилище ценностей РСФСР: обзор фонда в Российском государственном архиве экономики

Анастасия А. Князева

Гохран России, Москва, Россия, nastyua09029@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена обзору документов фонда Государственного хранилища ценностей РСФСР, который находится на хранении в Российском государственном архиве экономики. Фонд состоит из двух описей: «документальные материалы» и «личные дела работников» (509 дел за 1920–1924 гг.), включающих копии приказов Наркомата финансов РСФСР, приказы начальника Гохрана, протоколы заседаний комиссий по личному составу, сведения о ценностях, переписку с наркоматами и учреждениями, вырезки из газет и прочие документы. В статье анализируется сохранность и информационный потенциал архивных документов, степень их введения в научный оборот, история и полнота фонда. Особый интерес среди документов фонда представляют учетные документы: ведомости и сведения о ценностях, демонстрирующие объемы и состав поступающих в Гохран ценностей. Документы фонда дают возможность проследить изменение учетной документации Гохрана в начале 1920-х гг. А личные дела сотрудников позволяют изучить кадровый состав учреждения: происхождение, образование, опыт работы, партийность. Также в фонде отложились документы по истории Московской ссудной казны, имеются сведения о ценах на драгоценные металлы, о реализации ценностей Гохрана. Частично документы введены в научный оборот, документы требуют дополнительного исследования.

Ключевые слова: Гохран, Российский государственный архив экономики, архивный фонд, учет, приказы, ведомости, счета, отчеты, личные дела

Статья поступила в редакцию 15 декабря 2023 г.;
принята к публикации 19 апреля 2024 г.

Для цитирования: Князева А.А. Государственное хранилище ценностей РСФСР: обзор фонда в Российском государственном архиве экономики // История и архивы. 2024. Т. 6. № 3. С. 108–120. DOI: 10.28995/ 2658-6541-2024-6-3-108-120

The RSFSR State Repository of Valuables. Review of the fund in the Russian State Archives of Economics

Anastasia A. Knyazeva

Gokhran of Russia, Moscow, Russia, nastya09029@mail.ru

Abstract. The article is the review of the documents from the Fund of the RSFSR State Repository of Valuables which is stored in the Russian State Archives of Economics. The Fund consists of two inventories: the “documentary materials” and the “employees personal files” (509 files for the years 1920–1924), including the order copies of the RSFSR People’s Commissariat of Finance, the orders of the head of the Gokhran, the minutes of the personnel committees meetings, the information about the valuables, the correspondence with the People’s commissariats and institutions, the newspaper clippings and other documents. The article analyzes the keeping integrity and information potential of those archival documents, the degree of their introduction into scientific circulation, the history and completeness of the fund. Of particular interest among the fund’s documents are the registration records – the financial inventories and the valuables’ statements, demonstrating the volume and composition of the treasures received by the Gokhran. The fund documents make it possible to trace the change in the Gokhran’s registration records in the early 1920s. And the employees’ personal files allow studying the personnel composition of the institution: the origin, education, work experience, party membership. Also, the fund managed to keep the documents on the history of the Moscow loan treasury; there is some information on the prices of precious metals and the sale of the Gokhran valuables. The documents under discussion have partially been put into scientific circulation, and yet they require additional research.

Keywords: Gokhran, Russian State Archives of Economics, archival fund, registration, orders, inventories, accounts, reports, personal files

The article was submitted for publication 15. 12. 2023;
accepted for publication 29.04. 2024.

For citation: Knyazeva, A.A. (2024), “The RSFSR State Repository of Valuables. Review of the fund in the Russian State Archives of Economics”, *History and Archives*, vol. 6, no. 3, pp. 108–120, DOI: 10.28995/ 2658-6541-2024-6-3-108-120

Введение

Государственное хранилище ценностей (Гохран) РСФСР было создано постановлением СНК РСФСР «Об учреждении Государственного хранилища ценностей РСФСР» от 3 февраля 1920 г. «для централизации хранения и учета принадлежащих РСФСР ценностей, состоящих из золота, платины, серебра в слитках и изделий из них»¹. Изучение истории создания и деятельности Гохрана – учреждения, концентрирующего в своих кладовых большие объемы ценностей, в том числе имеющих большое историческое и культурное значение, требует обращения к архивным документам. В первую очередь необходимо изучать документы фонда учреждения. Однако, как мы увидим ниже, документы фонда Гохрана изучались фрагментарно, хотя они представляют большой научный интерес.

Гохран был создан при Центральном бюджетно-расчетном управлении (ЦБРУ) Наркомата финансов РСФСР. По приказу Наркомата финансов РСФСР от 10 мая 1922 г. Гохран вошел в состав Валютного управления Наркомата финансов в качестве отдела². А 1 октября 1922 г. произошло объединение двух учреждений: Гохрана и Государственного металлического фонда (Метфонд) в одно учреждение – Металлическо-алмазный фонд (Металфонд) Валютного управления Наркомата финансов РСФСР. Таким образом, 1920–1922 гг. – это период, когда Гохран был подведомственным учреждением при Наркомате финансов РСФСР. Документы, образованные Гохраном за этот период, сформировали отдельный архивный фонд, обзору документов которого посвящена статья. Документы, созданные в процессе деятельности Гохрана после 1 октября 1922 г., являются частью фондов других учреждений.

Архивный фонд Гохрана РСФСР (ф. 7632) ныне хранится в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ). В 1954 г. фонд сдан Центральным архивом Министерства финансов СССР в Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР). Сдано 2 описи, состоящие – первая из 16 дел и вторая из 492 дел (личные дела). В 1961 г. из состава ЦГАОР для вновь созданного Центрального государственного архива народного хозяйства (ЦГАНХ; ныне РГАЭ) выделены фонды по экономической истории советского периода [Хорхордина 2022, с. 468–469; Тутова 2001, с. 9–42; Тутова 2006, с. 229–240; Тутова 2015, с. 23]. Таким образом, фонд Гохрана оказался в ЦГАНХ. В 1967 г. в фонд Гохрана поступило еще одно дело в первую опись № 11а (Протоколы заседания

¹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 12777. Л. 1.

² РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 4. Д. 1015. Л. 37.

местной тарифно-расчетной комиссии за 1921 г.). В настоящее время фонд насчитывает 509 единиц хранения³.

В первой описи дела систематизированы по хронологическому принципу: 1920 г. (11 ед. хр.: материалы об организации Гохрана, приказы по Гохрану, главная книга, протоколы заседания смешанной комиссии личного состава и др.), 1921 г. (4 ед. хр.: протоколы заседания местной тарифно-расчетной комиссии, сведения об учете ценностей, книга учета ценностей, личные счета сотрудников), 1922 г. (2 ед. хр.: приказы, отчеты). Во второй описи личные дела сотрудников Гохрана систематизированы по фамилиям в алфавитном порядке.

В фонде Гохрана имеются документы организационно-распорядительного (копии приказов по Наркомату финансов РСФСР, приказы по Гохрану, приказы комиссара Гохрана, протоколы заседания смешанной комиссии личного состава при Гохране, протоколы заседания местной тарифно-расчетной комиссии), коммуникативного (переписка Гохрана с Наркоматом финансов РСФСР, ЦБРУ, Наркоматом иностранных дел РСФСР, Высшим советом народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР), учетно-отчетного (ведомости, отчеты о работе Гохрана, сведения об отсортированных ценностях, сведения о выбытии ценностей, главная книга, акты о принятии ценностей, описи на ценности), персонифицированного (личные карточки и счета сотрудников Гохрана, анкеты), регулятивно-специального (копии и проекты положения о Гохране и инструкции по операциям Гохрана) типов⁴.

Это малая часть документов по истории Гохрана в 1920–1922 гг., документы за этот период хранятся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного военного архива (РГВА), Центрального государственного архива г. Москвы (ЦГА г. Москвы) и других фондах РГАЭ. Изучение документов других архивов показало большое разнообразие учетных документов на ценности Гохрана, однако фонд Гохрана в РГАЭ сохранил некоторые из них: главная книга и книга учета детально отсортированного серебра, мельхиора, хрусталя и изделий. Это говорит о том, что другие документы были уничтожены после истечения сроков их хранения.

Тем не менее документы фонда Гохрана обладают информационным потенциалом, так как сообщают ценные обобщенные

³ Там же. Дело фонда Государственного хранилища ценностей (Гохран) Наркомата финансов СССР.

⁴ Козлов В.П. Источниковедение советской истории: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2022. С. 203–209.

сведения о движении ценностей в Гохране, их выбытии, видовом составе, сведения о личном составе и принципах комплектования штата Гохрана в первые годы его деятельности, об особенностях работы с некоторыми видами поступающих в Гохран предметов из недрагоценных металлов, об особенностях ведения учета ценностей, т. е. распределения их по счетам и др.

К документам фонда обращались исследователи Т.А. Тутова [Тутова 2001, с. 9–42; Тутова 2006, с. 229–240; Тутова 2015, с. 23] при изучении работы с ценностями в Гохране, авторы многотомного издания по истории Министерства финансов [История 2002, с. 292–293] при подготовке главы о деятельности Гохрана, исследователь М.Ю. Крапивин [Крапивин 2016, с. 11–33] при изучении деятельности комиссии по учету и сосредоточению ценностей, автор этой статьи [Князева 2022а, с. 104–115; Князева 2022б, с. 984–996] при изучении истории создания Гохрана и его личного состава в 1920-е гг.

Обзор документов фонда

Постановление СНК об учреждении Гохрана и приказ о назначении управляющим Гохрана бывшего директора Московской ссудной казны Е.Е. Левицкого представлены вырезками из газеты «Известия» (оп. 1, д. 1). В этом же деле представлена копия положения о Гохране, фиксирующая основную цель его деятельности, структуру, операции, особенности приема и хранения ценностей. Оригинал положения хранится в фонде Наркомата финансов СССР⁵.

О начале работ с ценностями в Гохране сообщает письмо заведующего ЦБРУ С.Е. Чуцкаева управляющему Гохрана от 25 марта 1920 г. с предложением начать сортировку ценностей комиссией по обезличиванию, сортировке и оценке ценностей при Гохране (д. 1, л. 7). Дело № 1 описи 1 фонда Гохрана сообщает, что первой задачей, поставленной перед Гохраном, стала работа с ценностями Московской и Петроградской ссудными казнами. Это подтверждает и письмо Е.Е. Левицкого заведующему отделом ликвидации Петроградской ссудной казны А.И. Пукареву от 8 апреля 1920 г. (д. 2, л. 2) с разъяснением условий выдачи и невыдачи залогов гражданам и сообщением о прекращении выдачи вкладов.

⁵ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 231. Л. 10 об.; Князева А.А. «Для централизации хранения и учета всех принадлежащих РСФСР ценностей...»: Документы, определившие деятельность Гохрана в 1920–1922 гг. // Исторический архив. 2022. № 3. С. 115–126.

В сентябре 1920 г. в Гохран комитетом цен при ВСНХ отправлены расценки на золото, серебро и платину, вводимые с 1 сентября на золотосплавочных лабораториях, аффинажных заводах и в Гохране (д. 2, л. 13), которые были переданы в бухгалтерию и отдел контроля Гохрана.

Документы фонда показывают, что существовала должность комиссара Гохрана, назначаемая наркомом финансов. 15 апреля 1920 г. комиссаром Гохрана назначен Е.С. Резник. Согласно мандату, выданному Наркоматом финансов, комиссару подчинялись все сотрудники Гохрана: «административный и технический персонал». В фонде хранятся 3 приказа № 1-3 Е.С. Резника за 1920 г. В приказе от 17 апреля он сообщает: «Впредь все исходящие отношения, документы и корреспонденцию, помимо управляющего, представлять мне для подписи». В приказе от 20 апреля предписывает «соблюдать рабочий режим, не опаздывать, обязательно расписываться ежедневно на листе при явке на службу, повысить интенсивность работы до максимума, усилить производительность труда, сознавая всю важность возложенных на вас задач» (д. 3, л. 2).

Особое внимание исследователей привлекают документы учетно-отчетного типа. Краткие отчеты о результатах работы Гохрана с указанием количества вскрытых посылок с ценностями и отсортированных ценностей составлялись сначала еженедельно, а затем раз в две недели, и сводились в общий отчет с показателями за год (д. 4, л. 1–12). Когда началось выбытие ценностей, начали составлять сводные ведомости приема, выдачи и остатка ценностей (д. 4, л. 13, 15; д. 6, л. 13–16). Большое количество различных видов сводных таблиц с количественными показателями подтверждают заинтересованность руководства страны работой Гохрана.

Отдельно в 1920 г. составлялась ведомость приема, выдачи и остатка на бриллианты, жемчуг и цветные камни (д. 4, л. 13). Высокий процент по выбытию принадлежал бриллиантам, по подсчетам автора этой статьи, примерно 56% от принятых бриллиантов (изумруды, рубины и сапфиры не реализовывали, выбытие жемчуга от поступления составляло примерно 10%), что говорит о том, что в первую очередь Наркоматом внешней торговли РСФСР была налажена реализация бриллиантов, что и привело к созданию отдельных ведомостей на драгоценные камни.

Общая ведомость на все виды ценностей Гохрана подтверждает вышеуказанный вывод о реализации бриллиантов. Также высокий процент по выбытию принадлежал, на основе этого документа, помимо бриллиантов, часам, но дальнейшее изучение архивных документов показало, что часы выдавались в различные ведомства с целью дарения сотрудникам за успехи в работе.

К концу 1920 г. увеличивается выбытие драгоценных камней всех видов до 100%, о чем говорит общий учет отсортированных ценностей Гохрана с 6 апреля по 31 декабря 1920 г. (д. 6, л. 18–21). Документ сообщает и о наименовании групп ценностей в Гохране: бриллианты, жемчуг, изумруды, рубины, сапфиры, разные цветные камни, золото лом, платина лом, серебро лом, изделия из золота, не подлежащие слому, изделия из платины, не подлежащие слому, часы золотые, часы платиновые, часы серебряные, часы металлические, золотые вещи смешанного и художественного характера, предметы религиозного культа, сусальное золото, вальцованное золото, золотые и серебряные слитки и самородки, платиновые самородки, золотые и серебряные монеты, золотые и серебряные монеты иностранные, платиновые монеты, золото в породе, изделия из мельхиора, процентные бумаги и др. За 1920 г. в Гохран поступило ценностей на 544 млн руб. (примерно 474,3 млн приходилось на драгоценные камни), выбыло ценностей на сумму 477 млн руб.

Более подробные сведения о выдаче ценностей сообщают такие документы, как сведения о выбытии ценностей из Гохрана за 1920 г. (д. 6, л. 24–28), с указанием получателя ценностей, по чьему распоряжению отпущено, наименования ценностей, количества и суммы. Самые крупные партии ценностей (бриллианты) выдавались представителям Наркомата внешней торговли, ЦК РКП(б), исполнительного комитета Коминтерна. В сведениях о выбытии ценностей из Гохрана за 1921 г. (д. 6, л. 22–23) передана аналогичная 1920 г. ситуация: выбыло ценностей примерно на сумму 331 млн руб. (из них бриллиантов, жемчуга, изумрудов на сумму 330 млн руб.), выдачи производились представителям Наркомата внешней торговли, исполнительного комитета Коминтерна.

Для 1922 года характерно составление бухгалтерией Гохрана более информативных отчетных ведомостей. Годовой отчет о выбытии ценностей включал в себя указание цели отпуска ценностей и учреждения-получателя (д. 16, л. 25–29): для технических и научных целей, для реализации, для награждения, для представления в суде, для музеев.

В фонде Гохрана хранятся протоколы заседания смешанной комиссии личного состава при Гохране за 1920 г., которая занималась рассмотрением вопросов о принятии сотрудников на работу в Гохран, об отпусках, об увольнении и др., в ее состав входили управляющий Гохрана и его заместители (д. 5). Интерес представляет протокол от 6 апреля 1920 г., на котором были распределены должности по Гохрану между служащими Московской ссудной казны. 45 человек из Московской ссудной казны стали сотрудниками Гохрана, а значит, уже были опытными и компетентными сотрудниками, что составляло примерно 35% от общего числа

работников Гохрана (д. 5, л. 2–3). В 1921 г. комиссия получила наименование «Местная тарифно-расчетная комиссия» (д. 11а). В ее состав входили 2 человека от администрации Гохрана и 2 человека от сотрудников Гохрана. На заседании комиссии было принято решение об увольнении сотрудников Гохрана с 1 августа 1921 г., арестованных по делу о хищениях ценностей в Гохране в 1921 г. Протоколом от 5 декабря 1921 г. было рассмотрено отношение Московского подотдела учета и распределения рабочей силы о командировании Н.А. Дмитриева на должность ювелира, именно он позднее был назначен экспертом Гохрана, а затем экспертом при Алмазном фонде СССР, и проработал в Гохране до 1955 г. (д. 11а, л. 41).

К особенностям документирования деятельности Гохрана относится то, что два структурных подразделения Гохрана ведало делопроизводством: канцелярия и бухгалтерия, последняя ведала всей документацией, связанной с приемом, учетом, выбытием ценностей. Бухгалтерия Гохрана вела общий журнал (ежедневно вносились все производимые операции с ценностями), главную книгу, а также журнал по учету переходящих ценностей, журнал переходящих ценностей предварительной разборки, книгу подробного учета золота, платины и бриллиантовых камней, книгу подробного учета серебра, книгу по отпуску ценностей⁶. Но в фонде Гохрана сохранились лишь главная книга и книга учета детально отсортированного серебра, мельхиора, хрусталя и изделий из них.

Главная книга составляет дело № 7. Книга содержит состояние счетов Гохрана: счет кассы, счет золота и платины в слитках и изделиях из них, бриллианты, цветные драгоценные камни и жемчуг, счет серебра в слитках и изделиях из него, счет расходов сметных, счет разных выдач, счет движимого имущества, счет недвижимого имущества. Но сам по себе документ мало информативен, представляет из себя таблицу с данными о дате поступления и количестве ценностей (д. 7).

Книга учета детально отсортированного серебра, мельхиора, хрусталя и изделий из них по количеству мест⁷ за сентябрь 1921 г. – февраль 1922 г. составляет дело № 13. В ней отмечены дата поступления ценностей, номера ящиков, их состав и количество. За этот период принято 2708 ящиков с ценностями (д. 13).

С наименованиями счетов Гохрана в 1920 г. мы познакомились выше, в 1922 г. учетная политика Гохрана изменилась и представляла собой хранение ценностей по следующим счетам: счет склада, счет грубой сортировки по золоту, счет грубой сортировки по серебру, счет отсортированных ценностей (по бриллиантам,

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 206. Л. 60.

⁷ Место – ценности, упакованные в одну внешнюю упаковку.

драгоценным камням и жемчугу, по золоту, по платине, по часам, по серебру, по хозяйственным вещам), счет ценностей, подлежащих реализации.

Ряд документов фонда отрывочно информируют об отдельных сюжетах деятельности Гохрана. В июле 1920 г. ревизор Московской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности (МЧК), представитель комиссара иностранных дел, комендант Англиканской церкви по Большому Чернышевскому переулку начали описывать имущество указанной церкви. Вскрыты железный черный ларец (со старинными карманными часами, серебряными медалями, хрустальными вазами, статуэтками, золотыми браслетами и цепочками, орденами), коробки с мелкими предметами роскоши, где находилось много серебряных изделий (графины, сахарницы, сухарницы и т. п.). Все было упаковано в 29 мест. 13 февраля 1922 г. эти ценности поступили в Гохран (д. 9). Письма в Гохран от Наркомата иностранных дел в 1922 г. по этому вопросу характеризуют ожидания от предстоящей Генуэзской конференции и взаимоотношения между Англией и Россией. «Обезличивание ценностей, принадлежавших английской колонии в Москве, в настоящее время, при частых запросах британской делегации относительно судьбы тех или других ценностей британских граждан, живших в Москве, поставило бы НКВД в чрезвычайно затруднительное положение», – сообщается в письме от 25 марта 1922 г. (д. 9, л. 11). Поэтому Наркомат иностранных дел рекомендовал Гохрану в ближайшее время не обезличивать британские ценности.

В фонде Гохрана сохранилось дело, освещающее процесс ликвидации частных банков. Дело № 10 касается бывшего Дмитриевского городского общественного банка. Дело содержит бланк расписки Московской ссудной казны, на котором напечатаны выдержки из положения о ссудных казнах от 10 июня 1914 г. о вкладах (д. 10, л. 18). Он фиксирует любопытные факты о приеме и хранении вкладов, состоящих из драгоценных вещей. Ценности поступали на хранение в прочных ящиках, их оценка определялась по соглашению ссудной казны и вкладчика. За хранение вклада вкладчик вносил плату, в случае если плата не вносилась, вклад поступал в собственность ссудной казны и выставлялся на продажу с аукциона или в магазине при ссудной казне. Вкладчик мог осмотреть находящиеся на хранении ценности, но при внесении особой платы в пользу ссудной казны.

В 1920 г. в Гохран поступили ценности расформированных воинских частей, которые находились на хранении в Тамбовском казначействе. В их состав входили посуда и убранство стола, награды 28-го Полоцкого полка, 15-го Украинского гусарского полка,

13-го Нарвского полка, 13-го уланского Владимирского полка (формирования Русской императорской армии) (д. 11).

Интерес представляют приказы начальника Гохрана Г.Д. Базилевича (занимал должность начальника с 10 мая 1922 г. по 14 марта 1923 г.) за август – сентябрь 1922 г. (д. 15). До Г.Д. Базилевича Гохран возглавляли 5 человек (Е.Е. Левицкий, Н.Н. Бегишев, А.М. Игнатьев, Н.А. Баша, Г.М. Аркус), которые являлись гражданскими служащими, а Г.Д. Базилевич был военным человеком, до работы в комиссии особоуполномоченного ВЦИК и СНК по учету и сосредоточению ценностей Республики занимал должность начальника снабжения Красной армии, что оказало влияние на управление Гохраном. Он начинает наводить порядок и дисциплину в работе вверенного ему учреждения. Неслучайно только приказы этого начальника Гохрана сохранились в архивном фонде Гохрана.

Его приказом от 1 августа 1922 г. информационный отдел при заместителе особоуполномоченного ВЦИК и СНК по учету и сосредоточению ценностей Республики⁸ вошел в состав Гохрана. Заведующим был назначен П.А. Касаткин, его заместителем – Р.К. Бальнъ. С.П. Киселев и В.М. Попова, работавшие в этом отделе, были приняты в Гохран должности контролера и машинистки соответственно (д. 15, л. 8). 9 августа 1922 г. вышел приказ Г.Д. Базилевича с объявлением благодарности сотрудникам Гохрана за работу в комиссии по учету и сосредоточению ценностей республики: «уполномоченному Ф.А. Вейсу – лично разбиравшему и обследовавшему каждый предмет; эксперту-ювелиру И.Г. Чинареву – несшему на себе всю работу и ответственность по ювелирной экспертизе; секретарю М.Г. Соболеву – организовавшему вывоз ценностей» (д. 15, л. 36).

Одним из итогов работы комиссии по учету и сосредоточению ценностей Республики стало образование коллекции под названием «Алмазный фонд». Алмазный фонд представляет собой предметы, имеющие большое государственное значение, это одна из крупнейших и богатейших сокровищниц мира, в которую входят шедевры русского ювелирного искусства XVIII–XIX вв. – императорские регалии, принимавшие участие в коронационных процессиях, орденские знаки, уникальные ювелирные украшения императорской семьи. В апреле 1922 г. эти ценности поступили в Гохран, на баланс Гохрана они были приняты на сумму 300 млн руб. (д. 16, л. 23).

Приказом Г.Д. Базилевича от 7 августа 1922 г. принимается ряд мер для более полной изоляции производственных отделов Гохрана от операционных: закрытие дверей на ключ, пропуск лиц

⁸ Заместителем особоуполномоченного Л.Д. Троцкого являлся Г.Д. Базилевич.

по особым разрешениям (д. 15, л. 26). 8 августа приказом начальника Гохрана создана комиссия для срочной оценки футляров, выделенных для продажи (д. 15, л. 28). Приказом от 15 августа вводятся взыскания сотрудникам за недобросовестное выполнение обязанностей (д. 15, л. 70).

К сентябрю 1922 г. приближалась к завершению работа комиссии по учету и сосредоточению ценностей республики. В связи с этим 18 сентября 1922 г. был издан приказ по Наркомату финансов, в котором было сказано, что необходимо приступить к постепенной ликвидации Гохрана: «Все хранящиеся в кладовых Гохрана ценности по ликвидации передать отделу Метфонда, который по мере объединения его аппарата с аппаратом Гохрана образует в составе Валютного управления отдел металлического фонда»⁹.

С 1 октября 1922 г. приказом Г.Д. Базилевича признано состоявшимся образование Металлическо-алмазного фонда Валютного управления Наркомата финансов РСФСР из Метфонда и Гохрана. Началось слияние в сжатые сроки канцелярий Метфонда и Гохрана, заводились общие журналы входящих и исходящих документов¹⁰. В связи с этим все сводные ведомости в фонде Гохрана за 1922 г. представлены до 1 октября, они составляют дело № 16.

Во второй описи фонда представлены личные дела сотрудников Гохрана, они раскрывают уровень профессиональной подготовки кадров, их подбор. Это имеет большое значение, так как сотрудники Гохрана (ювелиры, оценщики, нумизматы, эксперты, часовщики, антиквары) работали с ценностями, которые представляли собой не просто валютные ценности, а ценности, имеющие высокое историческое и художественное значение. Именно эти документы (анкеты, личные карточки, автобиографии, рекомендации, трудовые книжки, направления на работу в Гохран, послужные списки, мандаты и др.) говорят нам о том, что в Гохране работали мастера бывших крупных известных ювелирных фирм, фабрик и мастерских: К.Г. Фаберже, И.П. Хлебникова, Ф.А. Лорие и др. [Князева 2022б].

Заключение

Таким образом, документы фонда Гохрана представляют большой научный интерес. В фонде представлены количественные показатели работы Гохрана за 1920–1922 гг. (поступления и выбытия ценностей). Документация демонстрирует совершенствование ведения отчетных документов, системы учета ценностей, она

⁹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 39. Д. 296. Л. 9.

¹⁰ Там же. Оп. 40. Д. 1017. Л. 32.

наглядно показывает видовой состав ценностей Гохрана, особенности ведения политики государства, направленной на пополнение валютного фонда страны. Мы можем говорить о выборочной сохранности документов фонда, поскольку такие направления деятельности Гохрана, как прием ценностей от ликвидированных частных банков, Московской ссудной казны, прием конфискованных ценностей и др. отражен фрагментарно. Частично документы фонда уже введены в научный оборот, но еще требуют более глубокого изучения в связи с большим информационным потенциалом, ведь они показывают складывание системы учета ценностей, ее реформирование под влиянием состава поступающих ценностей и изменяющейся структуры Гохрана; источники поступления ценностей; опыт работы с драгоценным металлом и драгоценными камнями ювелиров Гохрана, бывших мастером крупнейших ювелирных фабрик и мастерских Российской империи.

Литература

- Князева 2022а – Князева А.А. История образования и деятельности Гохрана России // Министерство финансов 220 – Высокое напряжение: историко-документальный проект, приуроченный к 220-летию Министерства финансов России [материалы выставки]. СПб.: Славия, 2022. С. 104–115.
- Князева 2022б – Князева А.А. Кадровый состав экспертов и ювелиров советского Государственного хранилища ценностей (Гохрана) в 1920-е гг. // Вестник архивиста. 2022. № 4. С. 984–996.
- Тутова 2001 – Тутова Т.А. История поступления Соловецкого собрания в Оружейную палату // Сохраненные святыни Соловецкого монастыря: Каталог выставки. М.: Белый берег, 2001. С. 9–42.
- Тутова 2006 – Тутова Т.А. Оружейная палата и ее роль в сохранении сокровищниц Российского императорского дома во время Первой мировой войны и после революции // Российские императоры и Оружейная палата. М.: Федеральное государственное учреждение «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”», 2006. С. 229–240.
- Тутова 2015 – Тутова Т.А. Судьба дворцовых ценностей Российского императорского дома: Журналы работы Комиссии 1922 года в Московском Кремле: В 2 ч. Ч. 1. М.: Федеральное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский Кремль”», 2015. 314 с.
- История 2002 – История Министерства финансов России / гл. ред. А.Л. Кудрин. Т. 2: 1917–1932 гг. М.: ИНФРА-М, 2002. 509 с.
- Крапивин 2016 – Крапивин М.Ю. Главмузей и Комиссия Л.Д. Троцкого «по учету и сосредоточению ценностей» (ноябрь 1921 г. – октябрь 1922 г.) // Вопросы музеологии. 2016. № 1 (13). С. 11–33.
- Хорхордина 2022 – Хорхордина Т.И. История архивов и архивного дела в России. М.: Юрайт, 2022. 627 с.

References

- Knyazeva, A.A. (2022), "The history of the formation and the activities of the Gokhran of Russia", in *Ministerstvo finansov 220 – Vysokoe napryazhenie: istoriko-dokumental'nyi proekt, priurochennyy k 220-letiyu Ministerstva finansov Rossii <materialy vystavki>* [Ministry of Finance 220 – High Voltage. Historical and documentary project dedicated to the 220th anniversary of the Ministry of Finance of Russia. <Exhibition catalog>], Saint Petersburg, Russia, pp. 104–115.
- Knyazeva, A.A. (2022), "Staff composition of experts and jewelers of the Soviet State Repository of Valuables (Gokhran) in the 1920s", *Herald of an Archivist*, no. 4, pp. 984–996.
- Tutova, T.A. (2001), "History of the admission of the Solovetsky Treasures to the Armoury Chamber", in *Sokhranennyye svyatyini Solovetskogo monastyrja: katalog vystavki* [Preserved Shrines of the Solovetsky Monastery. Exhibition catalog], Moscow, Russia, pp. 9–42.
- Khorkhordina, T.I. (2022), *Istoriya arkhivov i arkhivnogo dela v Rossii* [History of archives and archives administration in Russia], Yurait, Moscow, Russia.
- Tutova, T.A. (2006), "The Armory Chamber and its role in preserving the treasures of the Russian Imperial House during the First World War and after the revolution", in *Rossiiskie imperatopy i Oruzheynaya Palata* [Russian emperors and the Armory Chamber], Moscow, Russia, pp. 229–240.
- Tutova, T.A. (2015), *Sud'ba dvortsovykh tsennostei Rossiiskogo imperatorskogo doma: Zhurnaly raboty Komissii 1922 goda v Moskovskom Kremlje* [The fate of the Palace treasures of the Russian Imperial House. The work papers of the 1922 Commission in the Moscow Kremlin], part 1, Federal'noe gosudarstvennoe uchrezhdenie "Gosudarstvennyi istoriko-kul'turnyi muzei zapovednik 'Moskovskii Kreml'" , Moscow, Russia.
- Krapivin, M.Yu. (2016), "Glavmusey (The governmental body for museums) and the L.D. Trotsky commission "on the registration and collection of valuables" (November 1921 – October 1922)", *Voprosy muzeologii*, vol. 13, no. 1, pp. 11–33.
- Kudrin A.L., ed. (2002), *Istoriya Ministerstva finansov Rossii. T. 2: 1917–1932* [History of the Ministry of Finances of Russia, vol. 2: 1917–1932], INFRA-M, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Анастасия А. Князева, Гохран России, Москва, Россия; 121170, Россия, Москва, ул. 1812 года, д. 14; nastya09029@mail.ru
ORCID ID: 0009-0002-3524-7620

Information about the author

Anastasia A. Knyazeva, Gokhran of Russia, Moscow, Russia; 6, 1812 Goda St., Moscow, 121170, Russia; nastya09029@mail.ru
ORCID ID: 0009-0002-3524-7620

Государственная забота
о демобилизованных военнослужащих
Вооруженных сил СССР в отражении документов
Государственного архива Астраханской области
(июль 1945–1946 гг.)

Сергей С. Белоусов

*Калмыцкий научный центр РАН,
Элиста, Россия, sbelousovelista@mail.ru*

Аннотация. В статье проанализированы документы по демобилизованным после окончания Великой Отечественной войны военнослужащим Вооруженных сил СССР, находящиеся в фондах Государственного архива Астраханской области. Документы содержат информацию о воинах, уволенных в июле 1945–1946 гг. в запас в Астраханскую область в порядке первой-третьей очередей, которые являлись самыми многочисленными среди шести волн демобилизованных. В них отложились сведения о мероприятиях партийных и государственных властей разного уровня, проведенных в отношении демобилизованных.

Документальные материалы отражают организацию властями приема и размещения прибывших воинов, оказание им помощи в трудоустройстве и в иной помощи. В них приводится динамика численности демобилизованных в 1944–1946 гг., показан их вклад в миграционный процесс и в обеспечение Астраханской области трудовыми ресурсами. По своей форме документы представляют переписку представителей органов партийной и государственной власти, протоколы заседаний, постановления, отчеты, статистические информации и справки, аналитические записки. Их анализ позволяет реконструировать возвращение и переход к мирной жизни демобилизованных военнослужащих.

Выявленные документы вводятся в научный оборот впервые и будут стимулировать дальнейшее исследование темы по бывшим участникам войны в Астраханской области. До настоящего времени данная проблема не исследовалась.

Ключевые слова: Астраханская область, демобилизация военнослужащих, Государственный архив Астраханской области, 1945–1946 гг., государственная политика

Статья поступила в редакцию 12 января 2024 г.;

принята к публикации 20 мая 2024 г.

Для цитирования: Белоусов С.С. Государственная забота о демобилизованных военнослужащих Вооруженных сил СССР в отражении документов Государственного архива Астраханской области (июль 1945–1946 гг.) // История и архивы. 2024. Т. 6. № 3. С. 121–135. DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-3-121-135

State concern for the demobilized servicemen of the USSR Armed Forces as reflected in the documents of the State Archives of the Astrakhan region (July 1945–1946)

Sergei C. Belousov

*Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Elista, Russia, sbelousovelista@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the documents on the servicemen of the USSR Armed Forces demobilized after the end of the Great Patriotic War, which are kept in the funds of the State Archives of the Astrakhan region. The documents contain the information about the soldiers discharged in July 1945–1946 to the reserve in the Astrakhan region in the first-third order, who were the most numerous among the six waves of the demobilized. The papers encompass the information about the activities of the authorities in the reception and accommodation of the arriving soldiers, the assistance in finding employment and other support. The records show the dynamics of the number of the demobilized in 1944–1946, reveal their contribution to the migration process and to the provision of the Astrakhan region with labour resources. As far as their form is concerned, the documents represent the correspondence between the party representatives and the state authorities, the meetings' minutes, resolutions, reports, and also the statistical information, certificates and analytical notes. Their analysis makes it possible to reconstruct the return and transition to peaceful life of the demobilized servicemen. The identified documents are being introduced into scientific circulation for the first time and will stimulate further research on the topic of the former war participants in the Astrakhan region. To date, that issue has never been investigated.

Keywords: Astrakhan region, demobilization of military personnel, State Archives of the Astrakhan region, 1945–1946, state policy

The article was submitted for publication 12.01.2024;

accepted for publication 20.05.2024.

For citation: Belousov, S.S. (2024), "State concern for the demobilized servicemen of the USSR Armed Forces as reflected in the documents of the State Archives of the Astrakhan region (July 1945–1946)", *History and Archives*, vol. 6, no. 3, pp. 121–135, DOI: 10.28995/ 2658-6541-2024-6-3-121-135

Введение

История перевода страны на мирные рельсы развития после окончания войны представляет научный и практический интерес, поскольку дает новые знания о прошлом страны и обогащает историческим опытом, который особенно востребован обществом после завершения военных действий. Данная проблема имеет различные стороны, и одной из них является устройство и адаптация к новым условиям жизни бывших участников войн и конфликтов.

В отечественной историографии изучение вопроса возвращения на родину и устройства жизни в новых условиях уволенных после войны в запас военнослужащих не нашло должного отражения. В советский период данная проблема затрагивалась в работах, посвященных преодолению последствий войны, но не изучалась в качестве самостоятельной темы. В постсоветский период в этом отношении наметился положительный сдвиг, а наиболее значительным событием в исторической науке стал выход монографии Е.С. Сениявской «1941–1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование», где рассмотрены проблемы влияния войны на бывших фронтовиков [Сениявская 1995]. Исследователь В.В. Градосельский посвятил свою статью проблемам осуществления демобилизации армии в 1945–1948 гг. и роли центральных органов военного управления в этом процессе [Градосельский 2002]. В первое двадцатилетие XXI столетия отдельные социальные группы демобилизованных и их положение в регионах изучали А.И. Ларионов [Ларионов 2013], Д.В. Шуняков [Шуняков 2020], Л.М. Генматуллина [Генматуллина 2020].

Что касается истории демобилизованных после окончания войны в Астраханскую область, то она исследователями специально не изучалась. Эта тема не нашла отражения ни в монографии одного из известных исследователей послевоенной истории области И.И. Панина [Панин 1998], ни в обобщающей работе коллектива астраханских историков по истории Астраханского края [История Астраханского края 2000], ни в трехтомной истории Калмыкии [История Калмыкии 2009], большая часть территории которой в 1946–1956 гг. входила в состав Астраханской области. В последние годы попытку дать обзор фондам бывшего астраханского партийного архива предприняли в совместной статье

Р.А. Коканова, О.А. Харченко, Е.Г. Шалацкая [Коканова, Харченко, Шалацкая 2001].

Знакомство с научной литературой, посвященной возвращению и устройству демобилизованных после завершения Великой Отечественной войны военнослужащих, показывает ее немногочисленность и недостаточную разработку указанной проблемы. По ней отсутствуют публикации обобщающего характера, равно как и по источниковедению. Необходимо продолжать работу по выявлению и систематизации документов по демобилизованным военнослужащим, с последующей их публикацией. Это позволит активизировать работу научного сообщества в указанном выше направлении.

Предлагаемая статья представляет обзор документов Государственного архива Астраханской области по приему и обустройству жизни демобилизованных воинов, уволенных в запас по первой, второй и третьей очереди. Речь идет о людях, прибывших в Астраханскую область в июле 1945–1946 гг., в рамках первых трех очередей, являвшихся, как известно, самыми ранними и наиболее многочисленными. Демобилизованные контингенты военнослужащих по четвертой, пятой и шестой очередям были гораздо малочисленнее, и материалы по ним в астраханском архиве не выявлены.

Территориальные рамки статьи охватывают Астраханскую область и большую часть территорий, включенных в ее состав после ликвидации в последних числах декабря 1943 г. Калмыцкой АССР.

Документы по приему и обустройству демобилизованных по области

После окончания Великой Отечественной войны в Красной армии служили более 11 365 000 чел. Такое количество военнослужащих в мирное время было не нужно, кроме того, стране не хватало трудовых ресурсов для восстановления в стране экономики. Началось сокращение численности армии и увольнение солдат и офицеров в запас. Демобилизация была постепенной, рассчитанной на два с половиной года. План предусматривал демобилизацию с июля 1945 по март 1948 г. шести очередей военнослужащих. Вначале подлежали увольнению 13 старших возрастов – люди, родившиеся в период с 1883 по 1905 г. Первый эшелон отправился из Берлина уже 10 июля 1945 г., а всего по первой очереди демобилизовали 1 671 923 чел., из них 292 784 жен.

Второй очереди, согласно Указу Президиума Верховного Совета Советского Союза от 29 сентября 1945 г., подлежали военнослужащие, родившиеся в 1906–1915 гг. По данной очереди демобилизовались 2 812 104 чел., в их числе 40 702 женщины. В марте

1946 г. уволились военные шести возрастов, родившиеся в период с 1916 по 1921 г. Их численность составила 1 382 052 чел. Четвертая, пятая и шестая очереди демобилизованных были малочисленнее. С октября 1946 г. по февраль 1947 г. ушли в запас рожденные в 1922 г. (302 073 чел.), в марте – июле 1947 г. демобилизовались рожденные в 1923–1925 гг. (673 073 чел.) В феврале – марте 1948 г. были уволены оставшиеся воины старших возрастов (68 115 чел.).

В Астраханской области для экономики и пополнения населения наибольшее значение имели многочисленные демобилизации первых трех очередей. Здесь недостаток в трудовых ресурсах ощущался особенно остро, поскольку он был вызван не только военными людскими потерями, но еще и депортацией калмыцкого населения улусов, вошедших в Астраханскую область в 1944 г. после ликвидации Калмыцкой АССР и перемещения калмыцкого народа в отдаленные регионы.

Вследствие недостатка трудоспособных людей ряд предприятий, колхозов и совхозов в 1944 г. не смогли выполнить государственные производственные планы. Организованные в указанном году массовые переселения из других субъектов не решили проблему, так как большинство переселенцев не получили от государства материальной помощи и вернулись на прежние места жительства. По официальным данным, в Астраханской области на 1 января 1945 г. недоставало во всех 17 сельских районах 10 110 чел. работников¹.

В Государственном архиве Астраханской области отложился ряд документов о приеме и первоначальном обустройстве уволенных в запас воинов Красной Армии первой очереди. К ней относились люди старших возрастов, подлежащие демобилизации в первую очередь. Встреча, размещение и обустройство этих людей лежали на плечах Советов народных депутатов трудящихся, действия которых проверяли и контролировали партийные организации. О ходе данного процесса свидетельствуют записки Уполномоченного контрольной партийной комиссии при Центральном комитете Всесоюзной коммунистической партии большевиков (КПК при ЦК ВКП(б)) по Астраханской области К.Александрова к секретарю Астраханского обкома ВКП(б) Ф.М. Муратову от 8 сентября 1945 г. и последнего к председателю Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву от 20 сентября 1945 г. Обе записки являются своего рода отчетами партийных властей о выполнении закона СССР от 23 июня 1945 г. «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии» в Астраханской

¹ Государственный архив Астраханской области (ГА АО). Ф. Р-2233. Оп. 1. Д. 114. Л. 20.

области. Они существуют в машинописном виде, помечены грифом «секретно», подписаны авторами.

В записке К. Александрова от 8 сентября 1945 г. говорится о количестве прибывших в область в июле – сентябре 1945 г., об организации их приема и обустройства, выявленных недостатках в действиях советских и партийных властей, вскрывшихся в ходе проверки К. Александрова 15 августа – 1 сентября во Владимирском и Каспийском районах. Из записки следует, что к 1 сентября 1945 г. в Астраханскую область прибыло демобилизованных из Красной Армии 3316 чел., из них: в г. Астрахань – 1639, в сельские районы – 1677. Из них было трудоустроено 1561 чел. Большое количество нетрудоустроенных объяснялось недавним прибытием демобилизованных (после 15 августа 1945 г.)². Уполномоченный КПК ВКП(б) по Астраханской области указал на недостатки в действиях властей Каспийского и Владимирского районов при приеме, трудоустройстве и в жилищно-бытовом обслуживании демобилизованных из Красной Армии. Они не знали количества ожидаемых в район демобилизованных, не установили потребностей семей демобилизованных и не организовали в районе работу по оказанию им и их семьям практической помощи³. В подтверждение указанного были приведены факты.

После проверки Контрольной партийной комиссии власти упомянутых районов наметили конкретные мероприятия по трудовому и бытовому устройству демобилизованных. В колхозах были организованы обследования бытовых условий семей демобилизованных и погибших воинов, созданы продовольственные и денежные фонды для оказания им помощи⁴.

В секретной записке от 20 сентября 1945 г. секретарь Астраханского обкома ВКП(б) Ф.М. Муратов проинформировал председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) А.А. Андреева о мерах, предпринятых астраханскими властями по устранению недостатков в работе властей с демобилизованными первой очереди. В ней говорилось, что к 15 сентября 1945 г. в область прибыли 5078 демобилизованных военнослужащих, в их числе 77 офицеров, 5001 солдат и 894 женщин. Среди них трудоустроены были немногим меньше половины – 2419 чел. Была указана причина, заключавшаяся в том, что 3474 чел. приехали после 13 августа 1945 г.⁵ 18 сентября бюро обкома ВКП(б) рассмотрело вопрос о трудоустройстве и бытовом обеспечении демобилизованных воинов, инвалидов

² Там же. Ф. П-325. Оп. 2. Д. 82. Л. 139.

³ Там же. Л. 140.

⁴ Там же. Л. 141.

⁵ Там же. Л. 136.

Великой Отечественной войны и семей погибших фронтовиков и сделало вывод об ослаблении работы в этом направлении. В связи с этим в документе указаны планируемые меры организационного характера и по усилению материальной помощи участникам войны и их семьям⁶.

Среди общих документов о демобилизованных воинах, прибывших в Астраханскую область, представляет интерес статистическая информация от 3 июля 1946 г. заведующего военным отделом Астраханского обкома ВКП(б) Н.И. Позднева к уполномоченному КПК при ЦК ВКП(б) по Астраханской области К. Александрову. Позднев подготовил ее на основе отчетных данных городских и районных партийных властей. Сохранилась машинописная копия, заверенная подписью автора записки. В ней изложены статистические данные о количестве прибывших и трудоустроенных, а также о партийном составе уволенных к 20 июля 1946 г. из рядов Советской армии воинов I–III очередей. К этой дате в Астраханской области находилось 26 785 демобилизованных, в том числе 2567 чел. уволенных в запас по третьей очереди. Из указанного числа были трудоустроены 24 006 чел.; из них 12 156 чел. в сельских районах. Коммунистов среди них было 6058 чел., комсомольцев – 951 чел.⁷

Документы по приему и обустройству демобилизованных по районам (Степновский район)

В материалах Государственного архива Астраханской области нашли отражение события по встрече и обустройству демобилизованных в отдельных районах области. По населенным пунктам Степновского района и его административному центру – городу Степному, входивших до 27 декабря 1943 г. в состав Калмыцкой АССР, отложились протоколы заседаний бюро ВКП(б) Степновского района и отчет секретаря Степновского райкома ВКП(б) М.П. Ткачева секретарю Астраханского обкома ВКП(б) Ф.Н. Муратову о политической работе среди демобилизованных третьей очереди.

Из протокола № 5 объединенного заседания бюро райкома Степновского ВКП(б), городского и районного исполкомов Советов депутатов трудящихся от 21 октября 1945 г. мы узнаем о работе советского и партийного руководства района по выполнению указаний вышестоящих властей по присвоению воинских званий демобилизованным сержантам и переводу их на новые, более высокого уровня должности. Данная работа осуществлялась на основе пред-

⁶ Там же. Л. 137–138.

⁷ Там же. Ф. П-563. Оп. 1. Д. 77. Л. 5.

писания Военного Совета Донского военного округа и директивы Астраханского областного военного комиссара от 1 октября 1945 г. «О проведении работ по переводу военнообязанных запаса на новые стандартные штатные должности в соответствии с перечнем № 1 и № 2 приказа НКО № 27 1945 г. и присвоении воинских званий сержантскому составу запаса». Объединенное заседание обязало военного комиссара района исполнить указанные распоряжения в срок с 21 по 25 октября в г. Степном и с 25 октября по 15 ноября 1945 г. в других населенных пунктах района⁸.

Другим вопросом на объединенном заседании были рассмотрены итоги встречи и обустройства первой очереди демобилизованных и одновременно намечены меры по организации приема уволенных в запас военнослужащих второй очереди. Были озвучены недостатки в работе по приему первой очереди бывших воинов. После приезда на железнодорожную станцию Дивное они вынуждены были по несколько дней ожидать прибытия из г. Степного автотранспорта, часть демобилизованных в течение трех месяцев не были устроены на работу. Это стало возможным вследствие равнодушного отношения к бывшим воинам некоторых руководителей. На объединенном заседании прозвучали фамилии руководителей ряда организаций и предприятий района (Автомобильной базы, Машинно-тракторной станции, Кирпичного завода, Строительной конторы и некоторых колхозов), не проявивших внимания к устройству демобилизованных. Прибывшим также не выделяли топлива⁹.

По итогам заседания было принято постановление по устранению прежних недостатков и приему ожидавшейся второй очереди демобилизованных. Руководителей предприятий, располагавших своим автомобильным транспортом, обязали давать указания шоферам, направлявшимся за грузами в Дивное, о том, чтобы они в обязательном порядке заезжали на автовокзал и забирали демобилизованных и только потом загружали свои машины грузом. Руководители города и района, военный комиссар должны были усилить учет демобилизованных и проводить с каждым из них беседы, конкретно предлагая места для работы.

При колхозах, совхозах, на предприятиях поручалось создать топливные и продуктовые фонды для демобилизованных. Руководителей за невыполнение постановления грозили привлечь к судебной и партийной ответственности. Культурно-просветительскому отделу вменялось в обязанность оборудовать Ленинскую комнату в военкомате и провести вечер встречи с возвратившимися

⁸ Там же. Ф. П-325. Оп. 2. Д. 115. Л. 45.

⁹ Там же.

воинами¹⁰. Протокол объединенного заседания от 21 октября 1945 г. хранится в виде копии, отпечатанной на машинке, подписан секретарем бюро райкома, председателями городского и сельского Степновского Совета депутатов трудящихся, заверен двумя печатями¹¹.

Очевидно, что меры, намеченные по устранению недостатков, допущенных руководителями в работе с вернувшимися из армии людьми, не исполнялись или выполнялись не в полном объеме. Об этом свидетельствуют материалы протокола № 35 заседания бюро Степновского райкома ВКП(б), состоявшегося 21 ноября 1945 г. В протоколе констатировалось, что работа по трудоустройству демобилизованных городского и районного комитетов ВКП(б) пущена «на самотек». Особенно неудовлетворительно обстояли дела в колхозах им. И.В. Сталина, «10 лет Октября», им. В.И. Ленина. Из числа прибывших работали лишь немногие.

Всего к 21 ноября 1945 г. в Степновский район прибыло из армии 385 чел. первой и второй очередей, из которых не были трудоустроены 179 чел., что составляло 46,6% от всех прибывших. Власти были озабочены неиспользованием людей профессий, которых особенно не хватало для хозяйства района. Таких среди них было: 41 шофер, 8 слесарей, 16 кузнецов, 18 трактористов, 8 механиков.

Оставляла желать лучшего транспортировка бывших воинов в г. Степной, не был открыт приемный пункт на ст. Дивное, политико-массовая работа военкомата так и не организована.

Постановление обязало председателей трех колхозов, где особенно неудовлетворительно обстояло дело с трудоустройством демобилизованных, принять меры по обеспечению их работой в течение ноября. Секретарям парторганизаций предписали усилить работу по недопущению ухода демобилизованных в другие предприятия¹². Заместителю председателя городского исполнительного комитета ВКП(б) и военному комиссару поручили выделить транспорт для перевозки людей из Дивного, а горисполкому и райкому выделить специальных сотрудников, ответственных за трудоустройство. В Дивном должен был открыться приемный пункт¹³.

Постановление бюро ВКП(б) от 21 ноября выявлено в виде копии, подписано секретарем бюро и заверено печатью¹⁴.

Более подробно описана деятельность местных властей в «Отчете о политической работе среди демобилизованных воинов 3-й очереди по Степновскому району» секретаря Степновского райкома

¹⁰ Там же. Л. 45 об.

¹¹ Там же. Л. 46.

¹² Там же. Д. 114. Л. 89.

¹³ Там же. Л. 89 об.

¹⁴ Там же. Л. 90.

ВКП(б) Ткачева, который 11 июля 1946 г. поступил к первому секретарю Астраханского обкома ВКП(б) Ф.Н. Муратову¹⁵.

Материалы отчета свидетельствуют о том, что встреча третьеочередников прошла организованнее, чем прием предшествующих двух очередей демобилизованных. К ней подготовились заранее. Перед началом 3-й очереди демобилизации, в частности 7 мая 1946 г., бюро Степновского районного комитета ВКП(б) на своем заседании обсудило данный вопрос и утвердило комиссии отдельно по городу и району. Каждый член комиссии получил конкретное задание по приему и трудоустройству демобилизованных, а также по оказанию им всевозможной материальной помощи. Особое внимание было уделено трудоустройству и политической работе. На бюро РК ВКП(б) был утвержден план политико-массовой работы среди демобилизованных во время их постановки на воинский учет в районном военном комиссариате, а также работы с ними на местах.

Далее в отчете излагаются мероприятия по встрече и трудоустройству уволенных из армии.

Демобилизованные 3-й очереди начали прибывать в Степновский район в июне 1946 г., в первые дни их приезжало по 2–3 человека в день, а примерно с 25 июня 1946 г. ежедневно – по 5–6 человек. К 11 июля того же года рядовых и сержантов среди них насчитывалось 83 чел., офицеров – 10 чел.

Степновская автобаза беспрепятственно и оперативно выделяла автомобили на станцию Дивное для перевозки демобилизованных в г. Степной, откуда их к месту жительства доставлял транспорт, направленный руководителями колхозов и совхозов.

При въезде в г. Степной со стороны г. Астрахани и ст. Дивное были установлены ворота с лозунгом «Добро пожаловать, дорогие воины». В райвоенкомате открыли Ленинскую комнату, в которой вывесили лозунги и разместили литературу, подшивку газет с материалами закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР. Комиссия по встрече воинов установила дежурство в Ленинской комнате, где проводились беседы с демобилизованными о трудоустройстве, о их нуждах и запросах.

Из 98 прибывших к 11 июля 1946 г. было трудоустроено 78 чел. Все офицеры получили должности руководителей¹⁶.

Материалы о встрече демобилизованных, их трудоустройстве, об участии в партийной и общественной работе освещались в районной газете «Ленинский путь» и радиокомитете. Для демобилизованных организовали подписку на центральные и местные газеты.

¹⁵ Там же. П-563. Оп. 1. Д. 77. Л. 26–26 об.

¹⁶ Там же. Л. 26.

Судя по материалам отчета, произошли положительные сдвиги в отношении властей к демобилизованным. Руководители учреждений, совхозов и колхозов начали оказывать разностороннюю помощь демобилизованным в обеспечении продуктами питания, в заготовке кормов и топлива, в ремонте квартир и в обустройстве скотов. Хлебным пайком демобилизованные обеспечивались, согласно установленного закона, из расчета рабочей нормы в течение одного месяца¹⁷. «Отчет о политической работе среди демобилизованных воинов 3-й очереди по Степновскому району» подготовлен секретарем Степновского райкома ВКП(б) Ткачевым, авторство его заверено подписью управляющего делами райкома. Отчет представляет машинописную копию¹⁸.

Общие итоги возвращения на родину бывших военнослужащих

В фонде Р-3380 Астраханского областного комитета государственной статистики Главного комитета статистики содержится «Объяснительная записка к итогам по разработке материалов механического движения населения в Астраханской области за 1945 год» уполномоченного Госплана СССР по Астраханской области Д.Л. Боова. В ней размещена информация по миграциям в Астраханскую область в 1944–1945 гг. и даны к последним пояснения. Для исследователя темы возвращения демобилизованных воинов в первую очередь представляют интерес сведения о количестве прибывших в Астраханскую область фронтовиков в июне – декабре 1945 г. и их влияние на миграционную обстановку.

В записке приводятся сведения о числе прибывших и выбывших мигрантов в 1944 и 1945 гг. и сравниваются миграционные показатели за два вышеуказанных года. Согласно им, в 1944 г. в область въехали на жительство 40 537 чел. в том числе 2899 чел. из армии, выехали 34 027 чел.¹⁹ Механический отток населения, таким образом, превысил его приток. В 1945 г. миграционная обстановка кардинально изменилась: приехали 44 150 чел., выехали 21 216 чел.²⁰ В сравнении это выглядело так: в 1945 г. число прибывших было на 8% больше, чем в 1944 г., а выбывших уменьшилось, по сравнению с 1944 г., на 37,7%.

¹⁷ Там же. Л. 26 об.

¹⁸ Там же. Л. 26–26 об.

¹⁹ Там же. Ф. Р-3380. Оп. 1. Д. 13. Л. 3.

²⁰ Там же. Л. 2.

Положительный прирост мигрантов в область 1945 г., по утверждению Боова, был достигнут исключительно благодаря массовому приезду демобилизованных воинов. В 1944 г. их прибыло в область 2899 чел., в 1945 г. – 11 024 чел.²¹ Рост численности прибывших в область мигрантов начался с августа 1945 г. и достиг наивысшего размаха в декабре этого года. Этот факт чиновник объяснял в основном начавшейся демобилизацией военнослужащих²². Резкое сокращение числа покинувших область произошло потому, что в 1945 г. многие эвакуированные в Астраханскую область вернулись в места прежнего проживания²³.

Сведения о численности прибывших в 1945 г. в Астраханскую область демобилизованных и их распределение по городской и сельской местностям содержатся в «Объяснительной записке к балансу труда по Астраханской области на 1946 год», подготовленной и отправленной 11 марта 1946 г. заместителем уполномоченного Госплана при СНК СССР по Астраханской области С.З. Абрамовичем на имя секретаря Астраханского обкома ВКП(б) И.И. Афонова.

Автор «Объяснительной записки» путем скрупулезного подсчета спрогнозировал численность трудовых ресурсов по области в 1946 г. По его подсчетам, в указанном году, с учетом разных факторов, в том числе ожидаемого прибытия в 1946 г. новых партий демобилизованных, в области все равно намечался недостаток в трудовых ресурсах. В записке приводятся сведения о прибывших в 1945 г. уволенных с армии в запас воинов в разрезе городской и сельской местностей. Цифры свидетельствуют о том, что в сельскую местность переехало на жительство больше демобилизованных фронтовиков, чем в городскую. В города и рабочие поселки Астраханской области прибыло 3906 чел.²⁴, в сельские населенные пункты – 5138 чел.²⁵

«Объяснительная записка к балансу труда по Астраханской области на 1946 год» представляет машинописную копию, датирована 11 марта 1946 г. и подписана автором.

Заключение

Отдельных единиц хранения и фондов, посвященных теме демобилизации и устройства военнослужащих вооруженных сил после

²¹ Там же. Л. 3.

²² Там же. Л. 4.

²³ Там же. Л. 3 об.

²⁴ Там же. Ф. Р-325. Оп. 2. Д. 78. Л. 70.

²⁵ Там же. Л. 69.

окончания Великой Отечественной войны, в Государственном архиве Астраханской области не имеется, документы по данному вопросу рассредоточены в основном по фондам, образователями которых являются партийные и государственные органы власти. По своей форме документы представляют переписку представителей органов партийной и государственной власти, протоколы заседаний, постановления, отчеты, статистические информации и справки, аналитические записки. В них содержатся сведения о численности демобилизованных, прибывших на жительство в Астраханскую область, о мероприятиях партийных и государственных властей разного уровня по организации их приема, размещения, трудоустройства и оказания материальной помощи.

На основе данной информации можно реконструировать в целом процесс организаторской деятельности местных властей по обустройству жизни бывших воинов. Возвращение с войны большого количества людей, находившихся в трудоспособном возрасте, снизило дефицит трудовых ресурсов, дало экономике дополнительное количество рабочих рук, положительно повлияло на миграционную обстановку, когда за счет массового прибытия демобилизованных механический приток населения превысил его отток из Астраханской области. В то же время в документах нашли отражение не все вопросы, связанные с демобилизованными военнослужащими. Например, в них отсутствует информация о проблемах психологической и иной адаптации участников Великой Отечественной войны к мирной жизни, об отношениях с местными властями и жителями и другим проблемам. Архивные материалы свидетельствуют о том, что в Астраханской области не было программы по интеграции бывших военных в местный социум и вообще приспособления к условиям мирного времени, оказанию им психологической помощи и восстановлению физического здоровья.

Благодарности

Исследование проведено в рамках государственной субсидии – проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Acknowledgement

The study was conducted within the framework of a state subsidy – the project «The South-Eastern belt of Russia: a study of the political and cultural history of social communities and groups» (state registration number: 122022700134-6).

Литература

- Генматуллина 2020 – *Генматуллина Л.М.* Адаптация демобилизованных воинов и проблемы их трудоустройства в БАССР // Общество, философия, история, культура. 2020. № 9 (77). С. 113–117.
- Градосельский 2002 – *Градосельский В.В.* От парада Победы к демобилизации Красной Армии // Военно-исторический журнал. 2002. № 5. С. 71–75.
- История Астраханского края 2000 – История Астраханского края / под ред. Н.М. Ушакова. Астрахань: Изд-во Астраханского государственного педагогического ун-та, 2000. 1122 с.
- История Калмыкии 2009 – История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3 т. / отв. ред. К.Н. Максимов, Н.Г. Очирова. Элиста: ГУ «Издательский дом Герел», 2009. Т. 2. 840 с.
- Коканова, Харченко, Шалацкая 2016 – *Коканова Р.А., Харченко О.А., Шалацкая Е.Г.* Архивные фонды Государственного архива современной документации Астраханской области // Вестник архивиста. 2016. № 3. С. 97–109.
- Ларионов 2013 – *Ларионов А.Э.* Проблемы реадaptации студентов-фронтовиков к учебному процессу после Великой Отечественной войны // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2013. № 1. С. 72–81.
- Панин 1998 – *Панин И.И.* История Астраханской области (1945–1970 гг.). Астрахань: ГП ИПК «Волга», 1998. 159 с.
- Сенявская 1995 – *Сенявская Е.С.* 1941–1945: Фронтовое поколение: Историко-психологическое исследование. М.: Ин-т российской истории РАН, 1995. 220 с.
- Шуняков 2020 – *Шуняков Д.В.* Послевоенная демобилизация офицерских кадров Вооруженных сил СССР и связанные с ней проблемы (1945–1948 гг.) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 2. С. 53–60.

References

- Genmatullina, L.M. (2020), "Adaptation of demobilized soldiers and the issues of their employment in the BASSR", *Society: philosophy, history, culture*, vol. 77, no. 9, pp. 113–117.
- Gradosel'skii, V.V. (2002), "From the Victory Parade to the demobilization of the Red Army", *Voenno-istoricheskii zhurnal*, no. 5, pp. 71–75.
- Kokanova, R.A., Harchenko, O.A. and Shalackaya, E.G. (2016), "Archival funds at the State Archives of Modern Documentation of the Astrakhan region", *Herald of an Archivist*, no. 3, pp. 97–109.
- Larionov, A.E. (2013), "Readaptation difficulties of students from the war veterans to the educational process after the Great Patriotic War", *Vestnik assotsiatsii vuzov turizma i servisa*, no. 1, pp. 72–81.
- Maksimov, K.N. and Ochirova, N.G., ed. (2009), *Istoriya Kalmykii s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [The history of Kalmykia from ancient times to the present day], vol. 2, GU "Izdatel'skii dom Gerel", Elista, Russia.

- Panin, I.I. (1998), *Istoriya Astrakhanskoi oblasti (1945–1970 gg.)* [History of the Astrakhan region (1945–1970)], GP IPK «Volga», Astrakhan, Russia.
- Senyavskaya, E.S. (1995), *1941–1945: Frontovoe pokolenie: Istoriko-psikhologicheskoe issledovanie* [1941–1945. The frontline generation. Historical and psychological research], Institut rossiiskoi istorii RAN, Moscow, Russia.
- Shunyakov, D.V. (2020), “Post-war demobilization of officers from the USSR Armed Forces and the related issues (1945–1948)”, *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, no. 2, pp. 53–60.
- Ushakov, N.M., ed. (2000), *Istoriya Astrakhanskogo kraia* [The history of the Astrakhan Region], Izdatel'stvo Astrakhanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, Astrakhan, Russia.

Информация об авторе

Сергей С. Белоусов, доктор исторических наук, доцент, Калмыцкий научный центр Российской академии наук, Элиста, Россия; Россия, 358000, Республика Калмыкия, Элиста, ул. им. И.К. Илишкина, д. 8; sbelousovelista@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-7614-3516

Information about the author

Sergei S. Belousov, Dr. of Sci. (History), associate professor, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russia; 8, I.K. Ilishkin St., Elista, Republic of Kalmykia, Russia, 358000; sbelousovelista@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0521-2710

УДК 929.52

DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-3-136-153

Семейная история великого царя: к выходу нового исследования

Евгений В. Пчелов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, dep_kvsid@rggu.ru*

Аннотация. В статье анализируется новая монография Н.Ю. Болотиной, А.Ю. Кононовой и М.О. Болотиной «Пётр I в кругу семьи. Исследование и документы» (М., 2023), опубликованная к юбилею Петра Великого. В книге впервые на основе огромного комплекса исторических источников, прежде всего архивных документов, реконструируется семейная история одного из самых замечательных правителей России. Подробнейшим образом рассказывается о всех важнейших событиях личной жизни царя, даются характерологические и психологические портреты членов его большой семьи, раскрываются особенности взаимоотношений Петра I с родственниками, прослеживаются внутрисемейные конфликты и их истоки. В книге даются ответы на множество конкретных вопросов биографий и генеалогии династии Романовых конца XVII – первой четверти XVIII в. Определены точные даты жизни персон, выявлены традиции имянаречения, рассказано о детстве в царской семье, об уровне образования и обстоятельствах жизни. Книга содержит также современную публикацию более 300 различных источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Важной частью является сводный перечень эпистолярного наследия семьи Петра I, в котором учтено почти полторы тысячи документов, включая неопубликованные письма. Книга, безусловно, встанет в ряд с крупнейшими научными монографическими исследованиями Петровской эпохи и вносит огромный вклад в изучение династической и семейной истории дома Романовых.

Ключевые слова: Пётр I, династия Романовых, генеалогия, биографика, семейная история

Статья поступила в редакцию 14 марта 2024 г.;
принята к публикации 20 мая 2024 г.

© Пчелов Е.В., 2024

Для цитирования: Пчелов Е.В. Семейная история великого царя: к выходу нового исследования // История и архивы. 2024. Т. 6. № 3. С. 136–153. DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-3-136-153

The family history of the great Tsar. On the publication of a new study

Evgenii V. Pchelov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation, dep_kvaid@rggu.ru*

Abstract. The article analyzes a new monograph by N.Yu. Bolotina, A.Yu. Kononova and M.O. Bolotina “Peter the Great in the family circle. Research and Documents” (Moscow, 2023), published for the anniversary of Peter the Great. For the first time, the book reconstructs the family history for one of the most remarkable rulers of Russia, relying on a huge complex of historical sources, primarily archival documents. In great detail, the research recounts all the most important events in the personal life of the tsar, draws up the characterological and psychological portraits of his family members reveals the peculiarities of Peter I’s relationship with the relatives, traces the internal family conflicts and their origins. The book provides the answers to many specific questions about the biographies and genealogy of the Romanov dynasty of the late 17th – first quarter of the 18th centuries. The study defines the exact dates of the persons’ lives, reveals the naming traditions, presents the story of childhood in the royal family, shows the level of education and describes the circumstances of life. The book also contains a current publication of more than 300 different sources, many of which are introduced into the scientific circulation for the first time. Another important part consists of the consolidated list of the epistolary heritage of the Peter I’s family; it contains almost one and a half thousand records, including unpublished letters. The book contributes immensely to the study of the dynastic and family history of the house of the Romanovs and will certainly rank among the largest scientific monographic studies of the Peter the Great era.

Keywords: Peter I, Romanov dynasty, genealogy, biography, family history

The article was submitted 14.03.2024;

accepted for publication 20.05.2024.

For citation: Pchelov, E.V. (2024), “The family history of the great Tsar. On the publication of a new study”, *History and Archives*, vol. 6, no. 3, pp. 136–153, DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-3-136-153

Введение

Династическая история монарших родов – тема важная, но в отечественной историографии разработанная достаточно слабо. Между тем для истории России она представляет большой интерес. В условиях самодержавной монархии семейное положение и семейные взаимоотношения государя со своими родственниками определяли множество важнейших аспектов государственной, политической, а зачастую и культурной жизни страны – от принципиально значимых в любой монархической системе вопросов престолонаследия до внешнеполитических векторов, связанных с теми или иными междинастическими браками и новыми родственными связями, возникавшими благодаря им. Не говоря уже о том, какое значение имеет исследование семейной истории для установления точных фактов генеалогии и биографики, для просопографии, если под ее объектом подразумевать некую семейную целостность, для реконструкции многих, казалось бы, мелких деталей исторической фактологии, без которых, тем не менее, наши представления о прошлом не могут быть ни полными, ни точными.

В центре внимания такого, недавно вышедшего, монументального исследования Н.Ю. Болотиной, А.Ю. Кононовой и М.О. Болотиной «Пётр I в кругу семьи: Исследование и документы» (М.: Фонд «Связь Эпох», Кучково поле: Музеон, 2023. 872 с.; 144 с. ил.) – семейная история одного из наиболее ярких и выдающихся российских государей – Петра Великого (1672–1725). Вообще эту историю отличает несколько принципиально важных для ее понимания моментов, отмечавшихся в историографии и ранее.

Особенности династической истории Романовых XVII – начала XVIII в.

Во-первых, определяемый чисто генеалогическими и даже генетическими [Голубовский 2011] причинами состав царственного рода Романовых в XVII–XVIII вв. – эта правящая династия по преимуществу состояла из женщин. Детность у Романовых в XVII в. была большой (у Михаила Фёдоровича – 10 детей, у Алексея Михайловича – 16 от двух браков), детская смертность также занимала существенный процент от количества рождений, хотя и уменьшалась со временем. Но главное, количество рождавшихся девочек было больше, чем количество мальчиков, а средняя продолжительность жизни мужчин была ниже, чем средняя продолжительность жизни женщин. Так, из царей Романовых XVII в. никто не достиг 50-летнего возраста. Продолжительность же жизни

царевен колеблется между 42 (царевна Наталья Алексеевна) и 70 (царевна Татьяна Михайловна) годами. Однако до 50 лет не дожили только две царевны – уже упоминавшаяся Наталья Алексеевна и Софья Алексеевна (прожила 46 лет), большинство же царевен перешагнули 50-летний рубеж. Физически женщины Романовского рода были, по-видимому, значительно крепче мужчин.

Грубо, но справедливо, вслед за одним из современников, такую ситуацию можно охарактеризовать как «бабье царство», а более интеллигентно назвать «царством женщин». Даже тогда, когда правили мужчины (с 1613 по 1725 г. и спорадически далее), они были окружены сонмом родственниц-женщин, которые, даже занимая в XVII в., казалось бы, более «приниженное» положение, не могли не влиять на своих царственных сородичей-мужчин, и если для эпохи так называемых дворцовых переворотов роль женщины в династической истории очевидна, то для предшествующего периода она изучена гораздо меньше. Не стал в этом отношении исключением и Пётр I. С началом своего правления в 1682 г., помимо малолетних сыновей и внука, в его родственном окружении было только двое мужчин: брат – царь Иван Алексеевич, умерший в 1696 г., и сын – царевич Алексей Петрович, погибший в 1718 г. Именно на последнего в полностью женском родственном окружении Пётр и возлагал до определенного времени свои надежды, столь обостренно им воспринимавшиеся. Кончина же любимого сына от Екатерины I Петра Петровича в 1719 г. и малолетство внука Петра Алексеевича в определенной степени послужили поводом для создания новой системы престолонаследия, воплощенной в Уставе о наследии престола 1722 г., который для стремительно угасавшей династии был подлинным спасением [Пчелов 1999]. В течение своего правления великий реформатор был окружен двумя тетками, семью сестрами, двумя невестками, тремя племянницами, не говоря уже о собственных женах и дочерях. Всем этим женским «контингентом» нужно было как-то управлять и как-то с ним справляться...

Во-вторых, на взаимоотношения внутри династии, безусловно, влияло наличие двух семей у отца Петра, царя Алексея Михайловича. От первого брака с царицей Марией Ильиничной (Милославской) у него родилось 13 детей, от второго, с царицей Натальей Кирилловной (Нарышкиной) еще трое, и даже если не все из них дожили до взрослого возраста, семья все равно оставалась очень большой. Противоречия и борьба между «партиями» условно Милославских и условно Нарышкиных во время стрелецких бунтов 1680-х гг. – общее место в наших представлениях об историческом процессе в то время. В самом деле, события 1682 г. ознаменовались столкновением интересов двух сравнительно молодых

и энергичных женщин – 25-летней царевны Софьи и 30-летней царицы Натальи Кирилловны. Но и позднее, после сокрушения Софьи, внутрисемейный конфликт не был изжит окончательно и его запоздалые импульсы можно усматривать и во взаимоотношениях императрицы Анны Иоанновны с Елизаветой Петровной, и в печальной участи так называемого Брауншвейгского семейства. Однако детали этих взаимоотношений между двумя царскими семьями не всегда ясны, а их тщательная реконструкция демонстрирует отсутствие очевидной однозначности. Это прекрасно показано в анализируемой книге – шаг за шагом авторы рассматривают разные аспекты отношений Петра и его младшей родной сестры Натальи со старшими сестрами, а также и с племянницами, в том числе с будущей императрицей Анной. Из всего огромного массива представленной в книге интереснейшей информации становится ясно, что сестры, хотя и не все, в целом все-таки не были в полной мере сторонницами Петра, а стояли, скорее, ситуативно на стороне своих опальных родственников (царевны Софьи, царицы Евдокии и царевича Алексея), в то время как племянницы (как, впрочем, и их мать) смогли найти общий язык как с самим царем, так и со второй его семьей – супругой Екатериной Алексеевной и даже с ее дочерьми.

В-третьих, в эпоху Петра и благодаря ему была прорвана абсолютная династическая изоляция Романовской семьи. Несмотря на определенные планы брачных союзов с иностранными правящими родами, ни один из них в XVII в. не осуществился (это касается не только Романовых, но и предшествующей царственной семьи Годуновых). Камнем преткновения, как известно, был вопрос вероисповедания. Прорыв произошел только при Петре в 1710 г., и «спусковым крючком», как прекрасно показано в книге, послужила Полтавская виктория, а «окном возможностей» – толерантное отношение Петра к вопросам веры. Эта династическая «революция» привела к «семейному» закреплению Романовых почти на всем побережье Балтийского моря [Пчелов 2017, с. 51–54] и к органичному вхождению русской династии в семью европейских монархов, в которой она оставалась и дальше, вплоть до конца своего существования. В книге подробно рассказывается как об этих брачных союзах петровского времени, инициаторами которых в большинстве случаев выступали европейские дворы, так и о не реализовавшихся планах, охватывавших многие династии Европы вплоть до французских Бурбонов. Этот матримониальный аспект – один из важнейших и прекрасно представлен на страницах рассматриваемого труда.

Начальный период жизни царевича Петра Алексеевича (1672–1676 гг.)

Структура книги состоит из нескольких частей. Сначала идет детальное исследование семейной истории Петра I с момента его рождения и вплоть до его смерти и некоторых последовавших затем событий. Эта монографическая работа включает семь глав, построенных по хронологическому принципу, что вполне естественно и абсолютно закономерно. Первая глава посвящена начальному периоду жизни Петра до смерти его отца Алексея Михайловича, т. е. первым четырем годам детства. Естественно, история начинается с момента знакомства царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной Нарышкиной, которая происходила хотя и из старинного, но не слишком знатного рода. Кстати, авторы почему-то пишут, что родоначальником Нарышкиных был некий караим Мордка Курбат по прозвищу Нарышка – источник этих сведений совершенно неизвестен, поскольку официальная родословная Нарышкиных, поданная ими в Палату родословных дел, выводила их род от некоего крымского татарина с прозвищем Нарышко, выехавшего будто бы к Ивану III в начале 1460-х гг. Однако еще с дореволюционных времен в историографии утвердилось скептическое отношение к этой легенде, стоящей в ряду других преданий о мифических выездах предков из чужеземных стран. Авторы вполне доверяют семейному преданию Матвеевых, сохраненному Я. Штелиным, о том, что встреча царя со своей будущей женой произошла в доме А.С. Матвеева, который был близким другом Алексея Михайловича.

Также рассматриваются факты, связанные с рождением и крещением Петра, в том числе время и место его появления на свет (авторы вполне справедливо присоединяются к обоснованному мнению о том, что царевич родился в московском кремле, хотя, как кажется, оставляют без внимания некоторые исследования, связанные со временем его рождения [Симонов 1990]). Подробнейшим образом, с опорой на документальные источники, реконструируются первые годы жизни царевича. Здесь важно подчеркнуть, что такой, чрезвычайно тщательный и источниковедчески выверенный подход характерен для всей книги. Наблюдения и выводы авторов опираются на строгую источниковую базу прежде всего архивных документов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

Текст книги наполнен интереснейшими цитатами из различных источников, что делает нарисованную авторами картину личной и семейной жизни Петра сугубо фундированной и глубоко обоснованной. В этом состоит безусловная ценность данного труда,

представляющего собой результат блестящего источниковедческого анализа, благодаря которому развенчиваются многие мифы и устанавливаются точные факты. Нельзя также не отметить, что авторы принадлежат к научной школе Историко-архивного института, где именно такой подход с опорой на строгое источниковедческое знание и анализ всегда был и остается центральным в исследовании прошлого.

Но вернемся к детству будущего царя. В первой главе убедительно показано, что многие будущие предпочтения и увлечения, характерные для Петра уже во взрослом возрасте, своими истоками имеют именно детские, причем ранние детские годы. Это и страсть к путешествиям, заложенная ранними поездками с семьей в загородные резиденции и на богомолья, и огромное внимание к военному делу, к которому Петра начали приобщать буквально с первых лет жизни (воинские игрушки и создание потешного полка), и любовь к книгам, связанная с обучением грамоте, начало которому, по мысли авторов, было положено уже при жизни Алексея Михайловича. Не отрицают авторы и европейского культурного влияния, проводником которого был гувернер шотландец П. Менезий, приглашенный Алексеем Михайловичем. Наконец, именно с раннего детства идет и особая, братская любовь Петра к младшей сестре – погодку Наталье Алексеевне, сохранявшаяся на протяжении всей ее жизни. Так из первых детских впечатлений возникали и формировались те интересы и сферы деятельности, которые обрели сущностный характер для личности великого реформатора.

Пётр Алексеевич в период правления царя Фёдора и регентства царевны Софьи

Вторая глава охватывает жизнь Петра во время правления его старшего брата, царя Фёдора Алексеевича, т. е. в 1676–1682 гг., события 1682 г. и регентство Софьи Алексеевны, т.е. период до женитьбы Петра на Евдокии Лопухиной в 1689 г. Здесь обоснованно развенчивается миф о якобы исключительно хорошем отношении Фёдора Алексеевича к своей мачехе и ее детям. На самом деле эти отношения были весьма прохладными, и царь Фёдор, по-видимому, не испытывал особенно теплых чувств ко второй семье своего отца (что было характерно и для большинства его родных сестер). Очень живо описаны события стрелецкого бунта 1682 г., в эпицентре которых оказались и Наталья Кирилловна, и десятилетний Пётр. Здесь авторы особенное внимание уделяют их психологическому состоянию, тому потрясению, которое

оказали на них гибель близких людей, кровавые беспорядки тех трагических дней. Наталья Кирилловна получила тогда глубокий стресс, и у нее начала развиваться болезнь сердца, в конечном итоге и сведшая ее, по-видимому, в могилу, а Пётр помнил эти события всю оставшуюся жизнь (что подтверждается источниками даже о начале 1720-х гг.), а его шоковое состояние и детские впечатления сделали его характер неустойчивым и привели к приступам эпилептического типа. Именно стрелецкий бунт 1682 г., а не внезапное ночное бегство Петра в Троице-Сергиев монастырь в 1689 г., нанес Петру глубокую психологическую травму, последствия которой мучали его до конца дней. О состоянии здоровья Натальи Кирилловны после бунта красноречиво свидетельствуют рецепты лекарственных препаратов, выписывавшиеся ей придворными медиками. Надо сказать, что этот примечательный вид источников неоднократно упоминается в книге и используется при изложении материала, хотя авторы и оговариваются, что по нему можно лишь в самом общем смысле определить заболевания членов царской семьи, поскольку и диагностика, и фармация с тех пор, естественно, претерпели кардинальные изменения.

Период регентства царевны Софьи ознаменовался для молодого царя, проводившего летние месяцы в подмосковном Преображенском, новыми увлечениями, прежде всего мореплаванием и кораблестроением. Кстати, представляет интерес тот факт, что первоначально Пётр боялся воды, но от этого страха избавил его не кто иной, как старший брат царь Иван Алексеевич. Вообще личность Ивана Алексеевича, как верно замечают авторы, заслуживает гораздо большего внимания и тщательного исследования. Он, конечно, не был слабоумным, как нередко рисуют его в популярной литературе, но физически, по всей видимости, крепким не был, хотя и жил абсолютно нормальной, в том числе и семейной жизнью. В этом контексте мне кажется важным присмотреться к иностранным свидетельствам о том, что старший царь имел какой-то дефект речи и говорил весьма невнятно¹. Возможно, именно эта особенность, в те времена ставившая некоторые препоны на пути развития ребенка, и могла привести к впечатлению об его умственной отсталости, что было, как видим, на самом деле отнюдь не характерно для Ивана Алексеевича. Также Пётр в те годы продолжал свои воинские экзерциции, получал навыки различных ремесел, увлекался чтением и церковным пением, большим знатоком которого он стал.

¹ *Аделунг Ф.* Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. М., 1864. Ч. 2. С. 227.

Первая семья царя Петра Алексеевича

Третья глава начинается с женитьбы Петра на Евдокии Лопухиной в 1689 г., т. е. с создания его собственной семьи. Однако прежде авторы рассказывают об иных, предшествовавших этому событию матримониальных планах – возможном браке Петра и имеретинской царевны Дарьи Арчиловны, чья семья состояла в родстве с Милославскими, а также и о других претендентках. Чрезвычайно интересной оказывается имя некоей княжны Трубецкой, которое до недавнего времени представляло собой загадку. Но Н.Ю. Болотиной не так давно удалось установить имя несостоявшейся невесты Петра, не зафиксированное ранее в генеалогиях князей Трубецких. Ею оказалась княжна Мария Юрьевна Трубецкая, сестра генерал-фельдмаршала князя Ивана Юрьевича и сенатора князя Юрия Юрьевича, племянница «великого Голицына», фаворита царевны Софьи. Биографии этой неординарной женщины петровского времени уделено в книге несколько увлекательных страниц. Ее супругом стал крупный дипломат и позднее один из «верховников» князь Василий Лукич Долгоруков, и сама Мария Юрьевна сыграла определенную роль в дипломатической истории России.

Но вернемся к свадьбе с Евдокией Лопухиной. Авторы детально реконструируют все события, с нею связанные, а также описывают начальный период жизни супружеской пары до отъезда Петра в Архангельск в 1693 г. За это время у царской четы родилось двое сыновей, Алексей и Александр (вскоре, однако, умерший), а в семье царил лад. Как отмечают авторы, «изначально в семейной жизни Петра I отсутствовал конфликт с Евдокией или неприязнь к ней, а отношения их складывались как у отцов и дедов, по заветам Домостроя, господствующим в средневековой Руси». В событиях 1689 г., связанных с отстранением Софьи от власти, Пётр опирался в том числе и на поддержку семьи своего брата Ивана Алексеевича, который, в частности, испытывал добрые чувства к своей мачехе, Наталье Кирилловне. В фактическом союзе Петра и Ивана против Софьи в ту пору авторы усматривают истоки дальнейшего уважительного и доброжелательного отношения Петра к вдове брата, царице Прасковье Фёдоровне и ее дочерям, особенно Екатерине, которая родилась почти одновременно с младшим сыном Петра от Евдокии Александром (при дворе даже были объединены празднования по случаю их появления не свет). Показательно, впрочем, что царь Иван поддерживал родственную связь и с царевной Софьей, уже после того, как она была помещена на жительство в Новодевичий монастырь и пользовалась там относительной свободой. Это лишний раз показывает доброту души «старшего» государя, который, как утверждают авторы, вовсе не чурался церковных

и придворных церемоний и участвовал в политической жизни. Все эти тонкости взаимосвязей и взаимодействий внутри большой царской семьи делают полнее наши представления о личностных «пружинах» истории, а их детальное рассмотрение проходит красной нитью по всей книге, что придает ей не только очень интересный, но и поистине новаторский характер.

В той же главе авторы ставят еще один немаловажный вопрос – это отношение к смерти родных в те времена в целом, и самого Петра в частности. Они показывают, что это отношение было принципиально иным, чем теперь, а личностные особенности царя вполне объясняют его, казалось бы, на первый взгляд «равнодушное» или отстраненное восприятие потерь близких людей. Здесь важно подчеркнуть, что в течение жизни Петра покинули этот мир не только его родители (отец, когда сыну не было и четырех лет, и мать, когда ему было почти 22 года), но и все братья и сестры, обе его невестки, его тетки, жена сына и девять детей.

Время дальних странствий Петра I

Четвертая глава называется «Время дальних странствий царя Петра Алексеевича», и основное внимание в ней уделено поездкам Петра по России и за границу, начиная от Архангельска и вплоть до возвращения из «Великого посольства» в 1698 г. Для царя это было время настоящего «прорыва» в новый мир и одновременно больших потерь – ушли из жизни царица Наталья Кирилловна и царь Иван, все более и более увеличивался разлад с женой... Одну из причин последнего авторы усматривают и в отношениях царицы Евдокии Фёдоровны и царевны Натальи Алексеевны: более высокий статус сестры «усугубил противоречие между женщинами и ревность к любимому человеку: для одной – единственному родному брату, для другой – мужу». Евдокия все больше и больше сближалась со старшими сестрами Петра и особенно с царевной Марией Алексеевной, поддерживавшей ее и позднее, во время пребывания опальной супруги в Покровском монастыре. Стрелецкий бунт 1698 г. поставил окончательный крест на этом браке. Авторы осторожно предполагают, что пострижение Евдокии, которое фактически означало прекращение брака, т. е. развод (как это бывало в семьях русских государей, начиная с Соломонии Сабуровой), было как-то сопряжено с розыском о стрелецком бунте. Возможно, Пётр узнал о каком-либо вольном или невольном соучастии Евдокии в поддержке замыслов стрельцов и царевны Софьи.

Как бы то ни было, 1698 год ознаменовался окончательным разрывом с прошлым – и с первой женой, и с двумя мятежными

сестрами, из которых царевна Марфа оказалась замешанной в дело почти случайно, да и вина ее не была доказана (впрочем, как и вина Софьи тоже). Тем не менее постриг приняли и Евдокия (с именем Елены), и Софья (с именем Сусанны), и Марфа (с именем Маргариты). О тяжелой жизни царских сестер-инокинь, особенно много страдавшей Марфы, в книге рассказано, как всегда, подробно, а вот «документов о пострижении царицы Елены, ее жизни в стенах Покровского монастыря, финансировании содержания и организации быта» в архивных материалах ряда фондов, несмотря на все принятые поиски, «обнаружить не удалось».

К слову, один из важных моментов, связанных с перепиской между членами царской династии (являющейся одним из основных источников исследования), заключается в тогдашней грамотности женщин (в овладении грамотой Петром сомнений, разумеется, нет). Наблюдения авторов, в том числе палеографические, свидетельствуют о том, что, например, царица Наталья Кирилловна вряд ли умела писать («да ей это и не нужно было»), а вот «уже следующее после нее поколение женской части семьи обучалось грамоте – у нас есть послания, написанные собственноручно сестрами Петра Алексеевича, его супругой Евдокией Фёдоровной, царицей Прасковьей Фёдоровной и ее дочерьми».

После возвращения Петра из «Великого посольства» наступило время кардинальных реформ (принципиально существенный документ – оригинал указа о переходе на новое летосчисление был обнаружен в архивных фондах Н.Ю. Болотиной) и новаций, к которым Пётр стремился приобщить наследника Алексея. Остатавливаются авторы и на слухах о «подмене» царя, возникших после его возвращения на родину, показывая, каким образом и на каких основаниях они возникали.

Пётр I и Екатерина Алексеевна

Название пятой главы «“Матка, здравствуй!” Любовь до гроба» говорит само за себя. Центральной ее темой является история отношений Петра и его второй жены Екатерины Алексеевны, причем за период до официальной свадебной церемонии, состоявшейся в 1712 г. Однако и другие аспекты семейной истории Петра не остаются вне поля зрения авторов. Так, рассказывается об обучении и взрослении наследника престола царевича Алексея, менее подробно – и о воспитании его двоюродных сестер, дочерей царя Ивана Алексеевича, для которых Пётр был крестным отцом и которого они воспринимали «батюшкой».

Важнейшая тема – династические связи – также находит место на страницах этой главы. Подробно описываются матримониальные планы и сами брачные церемонии, которые наконец-то ввели Романовых в семью европейских монархов и закрепили за русской династией статус европейской. Это, прежде всего, браки царевны Анны Ивановны и герцога Курляндского и особенно важный брак царевича Алексея Петровича и принцессы Брауншвейг-Вольфенбюттельской, связавший Романовых с семьей императора Священной Римской империи Карла VI (что имело принципиальное значение) и в более отдаленной генеалогической перспективе с союзником Петра Августом Сильным и британским королевским домом. Все это наглядно подтверждают важные дипломатические документы, в том числе грамоты иностранных монархов, адресованные Петру [о грамотах императора Карла VI см.: Болотина 2013].

Конечно, личности Екатерины Алексеевны в этой главе уделяется первостепенное внимание – оно и понятно: на протяжении двух десятилетий именно она была самым близким к Петру человеком, его помощницей во всех домашних и не только делах. Авторы подчеркивают неясность происхождения самой Екатерины, различные версии которого фигурировали в источниках и историографии [см., к примеру: Хоруженко 2001]. Среди эпизодов семейной жизни Петра и Екатерины, еще до официального оформления отношений, было, конечно, рождение пяти детей, трое из которых умерли в младенчестве, а Анна и Елизавета сделали семейные узы родителей еще крепче. Авторы внимательно останавливаются на всех фактах прибавления семейства, решая целый ряд важных биографических и генеалогических вопросов, в том числе о месте рождения Елизаветы Петровны. Таковым они справедливо и обоснованно считают Преображенское, где в основном жила женская часть семьи Петра, а не Коломенское (недостовверная версия, получившая широкое распространение ныне). Рассматривается и вопрос о браке Петра и Екатерины. Авторы полагают, что Пётр обвенчался с Екатериной тайно накануне отъезда в Прутский поход в ночь с 6 на 7 марта 1711 г., а «свадьба 19 февраля 1712 г. в Петербурге стала официальной церемонией, призванной публично подтвердить уже заключенный брак». Однако сложно согласиться с авторами в том, что крещение Елизаветы Петровны в Чудовом монастыре Московского Кремля (где крестились все царские дети) самого по себе «было достаточно, чтобы считать девочку рожденной в законном браке». Рождение до официального венчания родителей, каким бы оно ни было, тайным или явным, на мой взгляд, никак не позволяет сделать такой вывод, даже несмотря на то что этот вопрос никогда не поднимался при жизни Петра, а возник лишь много позднее. Сам по себе высочайший авторитет

российского государя в глазах европейских монархов вряд ли не мог быть препятствием для восприятия его дочерей как незаконно-рожденных при его жизни.

Семейная история Петра I (1712–1717 гг.)

Шестая глава «Дни радостные и дни трагические в семье Петра I» охватывает период с 1712 по 1717 г., когда царственная чета вернулась из большого заграничного путешествия. За это время у Петра и Екатерины родилось еще несколько детей, информации о которых, за редким исключением, не так много. Авторы исследования тщательно анализируют все сведения источников, благодаря чему окончательно устанавливаются факты более чем скромных по своей продолжительности биографий царских отпрысков. Так, устанавливается двуименность царевны Марии-Натальи Петровны, родившейся в 1713 г. В ее наименовании мы видим отголосок той антропонимической традиции, которая была установлена исследованиями А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенского – бытования светской христианской двуименности, вполне обыденного явления периода Московского царства [Литвина, Успенский 2019; Литвина, Успенский 2022]. В этом аспекте сочетание родового или семейного (Мария) и крестильного (Наталья) имен в рамках антропонимии царского рода не кажется из ряда вон выходящим явлением, хотя оно и не связано, по всей видимости, с датой рождения царевны (3 марта), поскольку в этот день не празднуется память святых жен (только 28 февраля, за несколько дней до этого отмечается память преподобной Марины, но это иное имя). Такая ситуация также не удивительна, поскольку в эпоху Петра происходит кардинальное изменение традиций имянаречения в царской семье [Пчелов 2011].

Интересны наблюдения авторов над причинами имянаречения следующей царской дочери – Маргариты, появившейся на свет в 1714 г. По их мнению, на выбор имени могла повлиять хронологическая близость рождения дочери и морской победы при Гангуте. Семантика имени Маргарита, связанная с морем, обосновывает это предположение. Маргарита, по данным авторов, также носила второе, крестильное имя – Мария (этот факт, правда, упоминается без ссылок на источники). Далее, конечно, упоминаются и оба сына – «рекрута» – Пётр Петрович, которого родители ласково называли «Шишечкой», и Павел Петрович, родившийся в Везеле и проживший всего три или четыре часа (но, тем не менее, крещеный за это краткое время!).

Отдельной линией выделяется история семьи царевича Алексея Петровича – жизни в России его супруги Шарлотты, к которой Пётр относился очень хорошо, а царевич искренне любил, рождения ею детей Натальи и Петра и, наконец, безвременной смерти брауншвейгской принцессы от послеродовой горячки. Не остаются в стороне и дипломатические усилия по заключению выгодных междинастических браков, в одном из случаев завершившиеся свадьбой царской племянницы Екатерины Ивановны и мекленбург-шверинского герцога Карла-Леопольда. Наконец, авторы останавливаются и на известном бегстве царевича Алексея Петровича за границу вместе с дворовой девушкой Ефросиньей Фёдоровой (о которой на страницах книги, увы, не найдем никаких сведений). И, конечно, европейское турне Петра, осуществленное вместе (и частично параллельно) с Екатериной, вокруг которого также накопилось немало легенд и мифов. Одну из этих красивых легенд – «Пётр, держащий на руках Францию», о том, как русский царь взял на руки малолетнего французского монарха во время аудиенции, – авторы дезавуируют отсутствием упоминаний об этом факте в источниках.

Последние годы Петра I в кругу семейных проблем

Заключительная глава «Эхо дела царевича Алексея Петровича. Последние годы» посвящена событиям с осени 1717 г. и до конца жизни великого царя. Одно из центральных мест закономерно занимает в ней дело царевича Алексея, кардинальным образом повлиявшее на систему российского престолонаследия (его отречение от престола – «Клятвенное обещание», затем розыск и трагическая смерть под пытками). Смерть нового наследника Петра Петровича в 1719 г. перечеркнула все надежды Петра и в конечном итоге послужила одной из причин создания «Устава о наследовании престола». Вместе с московским сыском по делу царевича шел и судальский – против его матери, с которой оказалась связана царевна Мария Алексеевна (беседовавшая и с царевичем по пути его отъезда из России). Последняя из сестер Петра пала жертвой его маниакальной подозрительности. Одного лишь разговора с племянником и подарков невестке хватило, чтобы обречь несчастную женщину, хорошо хоть не на постриг, но на строгий домашний арест до конца ее жизни. Последним отблеском московской романовской старины оказалась пережившая ее на несколько месяцев царица Прасковья Фёдоровна, увидевшая-таки за год до смерти вернувшуюся из Европы старшую дочь Екатерину с маленькой дочерью, будущей Анной Леопольдовной.

И опять-таки большое внимание уделяется матримониальным планам – как в отношении вдовой курляндской герцогини Анны Ивановны, так и подросших дочерей Петра, младшую из которых отец мечтал выдать замуж за французского короля Людовика XV. Книга заканчивается смертью царя и браком Анны с герцогом Голштейн-Готторпским, открывшим новую страницу в семейной истории Романовых.

Конечно же, в кратком очерке просто невозможно перечислить весь тот круг вопросов, которым авторы уделяют внимание на страницах своего фундаментального и многоаспектного труда. Жаль только, что некоторые персонажи теряются в свете основных героев. Так, какими-то безвестными тенями на страницах книги проходят образы царских сестер Евдокии, Екатерины и Феодосии Алексеевны, да и царским теткам Татьяне и Анне Михайловнам уделено не слишком много места. Почти ничего не говорится о вдовой царице Марфе Матвеевне, хотя авторы и оговариваются, что сведений о ней в источниках сохранилось совсем мало. Но все-таки хотелось бы что-то узнать и о них, почти неизвестных женщинах царской фамилии. Неясен источник сведений о пострижении царевны Феодосии Алексеевны, якобы носившей в иночестве имя Сусанна. Как кажется, она до конца своих дней жила в миру и пострига не принимала, но я могу ошибаться. В заключении книги хотелось бы видеть родословную роспись первых поколений династии Романовых со всеми точно установленными авторами биографическими и генеалогическими данными. Это значительно бы облегчило труд последующих исследователей и позволило бы в емкой форме представить результаты исследования в этом отношении. Также очень интересной темой являются родственные связи семьи Петра с родом Нарышкиных, некоторые из которых прослежены в рассматриваемом труде.

Заключение

В целом же нет ни малейшего сомнения в значимости данного исследования, ставшего огромным шагом вперед в изучении не только истории династии Романовых в этот период, но и всей петровской эпохи в целом. Этот капитальный труд, бесспорно, войдет в число основополагающих для всех, кто обратится к истории петровского царствования и истории России конца XVII – первой трети XVIII в.

Сама книга только исследовательской частью не ограничивается. Львиную долю всего объема занимает публикация документов,

значительная часть которых упоминается в исследовании. Публикация эта выполнена по всем правилам современной научной археологии и вводит в научный оборот немало новых источников. Всего авторы представили на суд читателей 332 источника, среди которых материалы делопроизводства, указы и реляции, официальные и семейные письма и многие другие документы, связанные с темой монографии. Этот огромный пласт демонстрирует ту колоссальную источниковую базу, которая легла в основу исследования и которая, конечно, по своему значению гораздо шире и глубже узкосемейных и частных вопросов. Столь же фундаментальный характер носит и «Сводный перечень эпистолярного наследия», в котором учтена вся переписка членов семьи Петра I (кроме переписки царицы Прасковьи Фёдоровны с дочерьми). Здесь в хронологической последовательности представлены сведения о 1460 письмах, местах их хранения и публикациях. Такой свод делает книгу абсолютно уникальным справочником по петровскому времени, встающим в ряд с известной биохроникой Петра Великого, составленной крупнейшим специалистом по этой эпохе Е.В. Анисимовым².

Наконец, отдельных похвал заслуживает иллюстративный ряд книги, где, среди портретов, рисунков, гравюр, карт и предметов представлены и фотографические воспроизведения ряда интересных документов. Мне удалось заметить лишь одну неточность – вместо грамоты английской королевы Анны по случаю бракосочетания Алексея Петровича воспроизведена грамота английской же королевы Елизаветы I Борису Годунову, но, конечно, эта мелочь не может бросить тень на величие всей этой «иконотеки».

В заключение можно лишь повторить главное – труд Н.Ю. Болотиной, А.Ю. Кононовой и М.О. Болотиной встанет в ряд с крупнейшими научными исследованиями петровского времени и будет незаменимым пособием-путеводителем для всех, интересующихся историей династии Романовых.

Литература

- Болотина 2013 – *Болотина Н.Ю.* Грамоты императора Священной Римской империи Карла VI русскому царю Петру I в собрании РГАДА // Вестник архивиста. 2013. № 3 (123). С. 244–261.
- Голубовский 2011 – *Голубовский М.Д.* Необычная девиация репродукции в династии Романовых: повторные рождения девочек и прямое влияние

² *Анисимов Е.В.* Биохроника Петра Великого (1672–1725 гг.) // <https://spb.hse.ru/humart/history/peter/?ysclid=lvpn17sdu8258649250> (дата обращения 5 апреля 2024 г.).

- генотипа отца // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2011. Т. 15. № 1. С. 56–65.
- Литвина, Успенский 2019 – Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Христианская двуименность в правящей династии на Руси: Этапы эволюции // *Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik*. 2019. Bd. 64. No. 1. С. 108–127.
- Литвина, Успенский 2022 – Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Антропонимические маски Петра Великого // *Palaeoslavica*. Vol. 30. No. 1/2. S. 186–199.
- Пчелов 1999 – Пчелов Е.В. Романовы в XVIII веке: эволюция династического статуса // Вестник архивиста. 1999. № 6 (54). С. 141–160.
- Пчелов 2011 – Пчелов Е.В. Имена в семье Петра Великого // Петровское время в лицах – 2011: Материалы научной конференции / Труды Гос. Эрмитажа. Т. 58. СПб., 2011. С. 307–316.
- Пчелов 2017 – Пчелов Е.В. Династия Романовых. М., 2017. 184 с.
- Симонов 1990 – Симонов Р.А. Когда родился Пётр I (К вопросу о русском суточном счете часов) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 21. Л., 1990. С. 158–169.
- Хоруженко 2001 – Хоруженко О.И. О происхождении Екатерины I // Европейские монархии в прошлом и настоящем XVIII–XX вв. СПб., 2001. С. 142–146.

References

- Bolotina, N.Yu. (2013), “Missive letters of the Holy Roman Emperor Charles VI to the Russian Tsar Peter I in the collection of the RGADA”, *Herald of an Archivist*, vol. 123, no. 3, pp. 244–261.
- Golubovskii, M.D. (2011), “Unusual reproduction deviation in the Romanov dynasty. Repeated births of girls and the direct influence of the father’s genotype”, *Vavilov Journal of Genetics and Breeding*, vol. 15, no. 1, pp. 56–65.
- Khoruzhenko, O.I. (2001), “About the origin of Catherine I”, in *Evropeiskie monarkhii v proshlom i nastoyashchem XVIII–XX vv.* [European monarchies in the past and present of the 18th – 20th centuries], St. Petersburg, Russia, pp. 142–146.
- Litvina, A.F. and Uspenskii, F.B. (2019), “Christian two-name system in the ruling dynasty in Russia. Stages of evolution”, in *Die Welt der Slaven. Internationale Halbjahresschrift für Slavistik*, vol. 64, no. 1, pp. 108–127.
- Litvina, A.F. and Uspenskii, F.B. (2022), “Anthroponymic masks of Peter the Great”, *Palaeoslavica*, vol. 30, no. 1/2, pp. 186–199.
- Pchelov, E.V. (1999), “The Romanovs in the 18th century. The evolution of dynastic status”, *Herald of an Archivist*, vol. 54, no. 6, pp. 141–160.
- Pchelov, E.V. (2011), “Names in the family of Peter the Great”, Peter’s Time in persons, Proceedings of the scientific conference, *Works of the State Hermitage Museum*, vol. LVIII. St. Petersburg, pp. 307–316.
- Pchelov, E.V. (2017), *Dinastiya Romanovykh* [The Romanov dynasty], Moscow, Russia.

Simonov, R.A. (1990), "When Peter I was born (On the question of the Russian daily clock count)", in *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary historical disciplines], iss. 21, pp. 158–169.

Информация об авторе

Евгений В. Пчелов, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; dep_kvsid@rggu.ru
ORCID ID: 0000-0002-6541-244X

Information about the author

Evgenii V. Pchelov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; dep_kvsid@rggu.ru
ORCID ID: 0000-0002-6541-244X

Смесь племен и народов империй:
о справочнике
«Военнопленные Первой мировой войны:
межфондовый именной указатель
к метрическим книгам храмов Омского региона
(1914–1920 гг.)»

Виктория В. Назырова

*Омский государственный технический университет,
Омск, Россия, vika-germ@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируется научно-справочное издание «Военнопленные Первой мировой войны: межфондовый именной указатель к метрическим книгам храмов Омского региона (1914–1920 гг.)». Работа подготовлена в рамках книжной серии «Открытый архив». На основе изучения и анализа актовых записей метрических книг, хранящихся в Историческом архиве Омской области, были собраны сведения биографического характера с поисковыми данными к документам о военнослужащих германской и австро-венгерской армий, находившихся в 1914–1920 гг. в статусе военнопленных на территории Омского региона. В издании представлены данные из актовых записей метрических книг Омской духовной консистории, Омского римско-католического приходского костела, Омской евангелическо-лютеранской церкви и синагоги Омского еврейского общества. Обращение авторского коллектива к изучению церковных документов для осмысления социальных и политических процессов выглядит обоснованно в связи с особой ролью религиозного фактора в военно-революционный период. В издании детально прописаны выявленные биографические данные, и на каждого человека составлена персональная поисковая запись. Отмечается, что описанный омский опыт может быть перенят другими архивными учреждениями. Проанализированные церковные актовые записи открывают новые возможности для изучения отдельных страниц истории Первой мировой войны и расширяют возможности для биографического (генеалогического) поиска.

Ключевые слова: Первая мировая война, военнопленные, Омск, метрические книги, источниковедение, архивное дело, справочные издания

Статья поступила в редакцию 16 января 2024 г.;

принята к публикации 20 мая 2024 г.

Для цитирования: Назырова В.В. Смесь племен и народов империй: о справочнике «Военнопленные Первой мировой войны: межфондовый именной указатель к метрическим книгам храмов Омского региона (1914–1920 гг.)» // История и архивы. 2023. Т. 6. № 3. С. 154–165. DOI: 10.28995/2658-6541-2024-6-3-154-165

A mix of tribes and peoples of empires.
About the reference book
“Prisoners of war of the First World War.
An inter-fund name index to the metric books
of the temples of the Omsk region
(1914–1920)”

Viktoriya V. Nazyrova

*Omsk State Technical University, Omsk, Russia,
vika-germ@mail.ru*

Abstract. The article analyzes the scientific reference publication “Prisoners of war of the First World War. An inter-fund name index to the metric books of the temples of the Omsk region (1914–1920)”. The work was prepared as part of the book series “Open Archive”. Based on the study and analysis of the act records of the metric books kept in the Historical Archives of the Omsk region, biographical information was collected with the search data for the documents on the military personnel of the German and Austro-Hungarian armies who were prisoners of war in the Omsk region in 1914–1920. The publication presents the data from the civil records of the metric books of the Omsk Ecclesiastical Consistory, the Omsk Roman Catholic Parish Church, the Omsk Evangelical Lutheran Church and the Synagogue of the Omsk Jewish Society. Turning of the authors’ team to the study of the church documents for understanding the social and political processes seems justified in connection with the special role of the religious factor in the military revolutionary period. The publication contains detailed biographical data, and a personal search record is compiled for each person. It is noted that the procedure described by the Omsk researchers can be adopted by other archival institutions. The analyzed church records open up new opportunities for studying the specific pages in the history of the First World War and expand the possibilities for biographical (genealogical) search.

Keywords: First World War, prisoners of war, Omsk, metric books, source studies, archiving, reference publications

The article was submitted 16.01. 2024;

accepted for publication 20.05. 2024.

For citation: Nazyrova, V.V. (2024), "A mix of tribes and peoples of empires. About the reference book 'Prisoners of war of the First World War. An inter-fund name index to the metric books of the temples of the Omsk region (1914–1920)", *History and Archives*, vol. 6, no. 3, pp. 154–165, DOI: 10.28995/ 2658-6541-2024-6-3-154-165

Научно-справочные издания являются важным элементом исследовательской и поисковой работы, позволяя оперативно находить необходимые сведения среди большого количества документов, находящихся на архивном хранении. В связи с этим обстоятельством создание различных указателей можно обоснованно считать важным направлением в деятельности любого архивного учреждения. Выход в свет нового научно-справочного издания «Военнопленные Первой мировой войны: межфондовый именной указатель к метрическим книгам храмов Омского региона (1914–1920 гг.)»¹, подготовленного сотрудниками Исторического архива Омской области, является значимым событием. Научной общественности труд был представлен 1 февраля 2024 г. Он стал вторым изданием в рамках серии «Открытый архив». Первый справочник, изданный в 2020 г., был посвящен жертвам Гражданской войны в Омском регионе². *Полученный опыт в подготовке изданий такого формата был приветственно встречен академическим сообществом* [Калиновский 2023].

В этот раз авторы вновь основным объектом изучения выбрали метрические книги и обратились к истории пребывания военнопленных Первой мировой войны в Омском регионе. Книжная новинка *содержит краткие сведения биографического характера с поисковыми записями к документам о бывших военнослужащих германской и австро-венгерской армий*.

В предисловии к изданию ответственный составитель и научный редактор Д.И. Петин представил историографический обзор

¹ Военнопленные Первой мировой войны: межфондовый именной указатель к метрическим книгам храмов Омского региона (1914–1920 гг.): науч.-справ. изд. / авт. предисл., отв. сост. и науч. ред. Д.И. Петин; сост. Н.А. Аксенова [и др.] / М-во культуры Омской обл., БУ ИСА. Омск: Амфора, 2023. 216 с.

² Жертвы Гражданской войны: справочник-мартиролог по актовым записям метрических книг храмов Омского региона (июнь 1918 – декабрь 1919 г.): науч.-справ. изд. / авт. предисл., отв. сост. и науч. ред. Д.И. Петин; сост. М.М. Стельмак. Омск: Амфора, 2020. 232 с.

проблемы пребывания военнопленных Первой мировой войны на востоке России, проанализировал особенности церковных актов записей и специфику работы с подобными историческими источниками. Метрические книги за период Первой мировой войны довольно полно сохранились в Историческом архиве Омской области, что позволило использовать их в качестве основы для подготовки издания. В указателе представлены материалы из актов записей метрических книг Омской духовной консистории, Омского римско-католического приходского костела, Омской евангелическо-лютеранской церкви и синагоги Омского еврейского общества. В концентрационных лагерях Российской империи, в том числе и на территории Омского региона, находились военнопленные разной национальной принадлежности. Подобное обстоятельство подтверждается церковными актовыми записями, выявленными в ходе работы с метрическими книгами. В предисловии к изданию отмечается, что в регионе содержались немцы, австрийцы, чехи, поляки, румыны, венгры, хорваты, сербы и т. д. В конфессиональном отношении это были в основном лица, исповедовавшие различные ветви христианства. Здесь подчеркнем, что автор предисловия к справочнику в ходе его подготовки успешно апробировал методику работы с привлекаемым к анализу массивом церковных актов записей применительно к проблеме пребывания военнопленных Первой мировой войны на территории Западной Сибири [Сушко, Петин 2021а; Сушко, Петин 2021б; Сушко, Петин 2022а; Сушко, Петин 2022б].

В последние два десятилетия в рамках военно-исторической антропологии, социальной истории прослеживается устойчивый интерес к проблеме «человек и война». Исследователи обращают внимание на особенности повседневной жизни, общественные настроения, на гуманитарные последствия войны – дезертирство, беженство, плен и др. Проблема, связанная с пребыванием военнопленных на территории России, в том числе и в Сибири, получила разностороннее освещение в работах исследователей, обращающих внимание на различные аспекты их жизни и деятельности – правовое, материально-бытовое положение, медицинское обслуживание и т. д. [Гергилева 2007; Семенова 2010; Талапин 2013; Федотова 2018; Еремин 2022]. Авторы используют в своих работах различные источники – архивные материалы, официальные издания, периодическую печать, эго-документы.

Церковные актовые записи как исторический источник содержат краткую, но в то же время репрезентативную информацию. Исследователи неоднократно обращались к аналогичным документам, в том числе и для восполнения сведений о военнопленных Первой мировой войны [Недзелюк 2011; Мотрович 2016; Ануфриев,

Козлов 2019]. Подобный выбор неслучаен. Актовые записи составлялись по случаю ключевых социальных событий в жизни – рождение, вступление в брак, смерть, поэтому при хорошей сохранности метрических книг можно с большой долей вероятности найти следы пребывания человека в месте его проживания.

Традиционно при изучении вопроса пребывания военнопленных в Сибири используются документы Генерального штаба, Военного министерства, жандармских полицейских управлений, канцелярий губернаторов, органов местного самоуправления и т. п. Существующая ситуация вполне объяснима, так как в первую очередь именно эти учреждения осуществляли учет пленных, организовывали их перемещение и обустройство на новом месте. А вот роль церкви в сложившихся условиях не столь очевидна. В связи с этим актовые записи в исследованиях, посвященных военнопленным Первой мировой войны, востребованы гораздо реже. Издание дает возможность восполнить имеющийся пробел и в полной мере использовать потенциал метрических книг. Актуальность обращения авторского коллектива издания к детальному изучению церковных документов для осмысления социальных и политических процессов выглядит обоснованно в связи с особой ролью религиозного фактора в военном-революционный период. Данный тезис полностью подтверждают тенденции, имевшие в те годы место в Омском регионе [Сушко 2022]. Все это еще раз свидетельствует о своевременности выхода в свет рецензируемого справочника.

Первая мировая война оказала влияние на все сферы жизни, привела к появлению феномена массового плена и использованию труда военнопленных. Это была длительная и серьезная по последствиям для всего мира война. В ходе вышеупомянутого конфликта военнопленные на территории России появились уже в конце лета 1914 г. Сибирь (в военно-административном отношении – Омский и Иркутский военный округа) стала одним из важнейших регионов, куда их стали направлять с августа 1914 г. Правовой статус военнопленных на территории России регламентировало «Положение о военнопленных», утвержденное императором Николаем II 7 октября 1914 г.

Уже в первые месяцы войны в Омск, крупный военный и административный центр, стали прибывать военнопленные, что требовало особого внимания и контроля со стороны местных органов власти. Город стал местом их перераспределения и размещения. Региональная пресса писала об этом: «2 сентября, в 6 час. вечера на ст. Омск прибыл целый поезд пленных, захваченных русскими войсками на театре военных действий. Вся эта масса – смесь племен и народов империи Франца-Иосифа. Преобладают австрийцы, есть чехи, поляки и русины. К приходу поезда

у продовольственного пункта, по линии полотна, собралась громадная толпа солдат и обывателей Атаманского хутора. Приезд невольных «гостей» комментировался толпой на все лады. Солдаты решили, что шинели австрийцев в условиях русской зимы не подходящи для кампании, обувь тоже. Среди пленных преобладают молодые солдаты»³. Вслед за первой партией военнопленных последовали и другие, что привело к увеличению их численности и постепенной интеграции в местное общество. Часть прибывших пленных оставалась в Омске, других же отправляли в Семипалатинск, Тобольск и другие города. В результате эти люди, в силу обстоятельств оказавшиеся в Сибири, закономерно оставили следы своего пребывания в различных источниках, в том числе и в метрических книгах.

В течение двух лет коллектив авторов издания работал с фондами архива, кропотливо собирая сведения, способные значительно упростить и конкретизировать поиск лиц, находившихся в статусе военнопленных на территории Омского региона. Основная часть персоналий, включенных в издание, находилась в границах современной Омской области – Омском уезде Акмолинской области, Тюкалинском и Тарском уездах Тобольской губернии, за исключением 129 человек, содержавшихся в городе Петропавловске.

Хронологические рамки справочника – период с осени 1914 г. по начало 1920 г. При этом в предисловии к изданию отмечается, что верхняя временная граница связана с прибытием в Омск первых партий военнопленных, а нижняя – с началом работы в регионе органов ЗАГС в период восстановления советской власти.

В ходе работы над справочником были выявлены массовые записи о переходе военнопленных в православие. Лица в сложившихся обстоятельствах в условиях военного времени оказались на чужой территории, но при этом постепенно стремились адаптироваться в новом обществе, расширяли свой круг общения. В процессе изучения актовых записей о крещении младенцев или о венчании мирян были выявлены имена военнопленных, выступавших восприемниками (крестными) ребенка или поручителями (свидетелями) у жениха и невесты. Это довольно интересные находки, ведь такой документ является едва ли не единственным упоминанием о человеке, находившемся в плену на территории Омского региона. Выявленные архивистами церковные актовые записи являются ярким свидетельством того, что военнопленные принимали заметное участие в общественной, культурной и религиозной жизни.

На первый взгляд сведения, содержащиеся в метрических книгах, довольно лаконичны, но анализ полученной информации

³ Пленные // Омский вестник. 1914. 4 сент. № 192.

позволяет сделать определенные выводы. Так, около 46% актовых записей, использованных при подготовке указателя, – это актовые записи о скончавшихся военнопленных, большая часть которых приходится на 1915 г., что вполне объяснимо. Это был переходный период для жизни пленных и для деятельности местных органов власти. Первым необходимо было привыкнуть к новым для них условиям, а вторые должны были организовать их проживание и быт, обеспечить необходимым при минимуме доступных средств. Для большинства военнопленных жизнь в Сибири стала серьезным испытанием, часть из них нашли здесь последнее пристанище. Долгая дорога, неблагоприятные санитарно-гигиенические условия, болезни – это основные причины высокой смертности пленных.

Первая мировая война и, как следствие, мобилизация, обострили проблему нехватки рабочих рук, особенно в сельском хозяйстве. Администрация и штаб Омского военного округа стремились решить злободневный вопрос, используя труд военнопленных. В Омском регионе их задействовали на различных работах по строительству, благоустройству, в сельском хозяйстве и в промышленности. Информация об этом в местной печати появилась практически сразу после прибытия в Омск первой партии пленных: «Трудом прибывающих в Омск военнопленных решено воспользоваться для работ по приведению в более благоустроенный вид загородных рощ, парков, по распланированию дачного поселка»⁴. В годы Первой мировой войны труд военнопленных оказался довольно востребован, местные власти были заинтересованы в активном использовании этой силы. 28 февраля 1915 г. вступили в действие «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы», а в марте 1915 г. были утверждены «Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях».

Региональная печать регулярно информировала общественность об использовании труда военнопленных: «Городскому самоуправлению разрешено воспользоваться для общественных работ трудом военнопленных в количестве 75 человек. Пленные будут работать в городском театре, аптеке и на городских кирпичеделательных заводах»⁵. Привлечение их к труду расширяло возможности для общения с местным населением. В одном из номеров газеты «Омский телеграф» за 1916 г. приводится информация о том, что только в Омском уезде размещено 5676 военнопленных, из них 2676 у частных владельцев, 778 у казаков, остальные

⁴ Военнопленные // Омский вестник. 1914. 5 сент. № 193.

⁵ Разрешение пользоваться трудом военнопленных // Омский вестник. 1915. 10 июля. № 145.

в крестьянских селениях⁶. Местные газеты активно публиковали информацию о размещении, быте, об использовании труда военнопленных. Несомненно, эти материалы интересны и позволяют понять отношение к ним общественности, проследить имевшие место изменения. Но они не содержат сведений биографического характера, скорее рисуют собирательный образ военнопленного в годы Первой мировой войны. Церковные актовые записи, сделанные в метрических книгах, дают небольшую, но все же более конкретную информацию о человеке. Примечательно, что из выявленных 3226 актов записей 1491 относятся к регистрации смерти, 782 – к принятию православия, 428 – к заключению брака и т. д. Полученные показатели позволили продемонстрировать общие тенденции духовной и общественно-бытовой интеграции пленных славян.

В процессе работы над справочником авторам удалось проследить, что начиная с 1916 г. стало увеличиваться количество актов записей, связанных с социально-демографической и религиозной активностью военнопленных на омской земле – закономерное свидетельство их постепенной адаптации и вливания в местное общество. Эти тенденции можно увидеть и при анализе заметок в местной прессе, в которых публиковалась информация не только об использовании труда пленных, но и об их участии в культурной жизни города. В 1915 г. в одной из газет сообщалось: «27 апреля в городском театре военнопленными славянами дан будет концерт, часть чистого сбора с которого поступит в пользу Красного Креста»⁷. Из анализа рекламы городских мероприятий за 1916 г. видно, что в летнем театре сада «Аквариум» в Омске ежедневно в 6 часов вечера играл оркестр военнопленных славян⁸. Таким образом, к 1916 г. между военнопленными и местным населением имело место активное взаимодействие.

Достоинством издания является то, что авторы довольно детально прописывают выявленные биографические сведения, и на каждого человека составлена персональная поисковая запись. В частности в сводной таблице справочника присутствуют фамилия и имя военнопленного, дата составления актовой записи, содержание (крещение, венчание и т. д.), храм, в метрической книге которого содержится информация, архивный шифр, с указанием фонда, описи и т. д. Наличие в именном указателе сведений об актуальных реквизитах архивного хранения документа

⁶ Военнопленные на сельскохозяйственных работах // Омский телеграф. 1916. 19 апр. № 84.

⁷ Концерт военнопленных // Омский телеграф. 1915. 17 апр. № 81.

⁸ Сад «Аквариум» // Омский телеграф. 1916. 26 июля. № 158.

дает возможность максимально быстро осуществить поиск. В отдельных случаях в справочнике присутствует информация о возрасте на момент составления актовой записи, конфессиональной и этнической принадлежности.

К сожалению, нередко иностранные имена и фамилии в документах искажались, что затрудняет идентификацию сведений. Чтобы повысить успешность биографического (генеалогического) поиска, в помощь исследователям в указателе приводятся встретившиеся разночтения. Приведенный пример показывает, насколько подробно авторы проанализировали актовые записи и упростили работу с изданием.

Следует отметить, что отдельные персональные поисковые записи в справочнике содержат указания сразу на несколько актов записей, но это практически не оговаривается в предисловии и не отражено в сводной таблице, в которой прослежена количественная динамика по числу и типам церковных актов записей. В результате несколько затрудняется подсчет общего количества военнопленных, выявленных на основе проанализированных метрических книг. Тем не менее указанное замечание не уменьшает значимость работы, проделанной авторами издания.

Изученные церковные актовые записи с целью получения сведений биографического характера открывают новые возможности для исследования отдельных страниц истории Первой мировой войны. Авторы отмечают, что выборка не является полной, но, тем не менее, она позволяет проследить ключевые изменения в развитии социальной сферы Омского региона. В метрических книгах отражены не только записи о смертях военнопленных, но и информация об их венчании и рождении детей – яркие свидетельства того, что жизнь людей продолжалась уже в новых условиях.

Важно, что настоящий именной указатель является межфондовым и дает исследователям возможность выбрать необходимое направление для поиска. В метрических книгах, находящихся на хранении в Историческом архиве Омской области, представлена только небольшая часть сведений о людях, оказавшихся по разным причинам в статусе военнопленных на территории Омского региона. Но дополнив информацию из других источников, можно более детально проследить судьбы военнопленных как в Сибири, так и в России в целом. Несомненно, что описанный омский опыт может быть перенят другими архивными учреждениями. Справочник будет интересен специалистам по истории Первой мировой и Гражданской войн, источниковедению, архивному делу и практической генеалогии.

Литература

- Ануфриев, Козлов 2019 – *Ануфриев А.В., Козлов Д.В.* Метрические книги как источник по истории пребывания военнопленных в Сибири (1914–1920) // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 13–14 ноября 2019 г.). Омск: ОмГТУ, 2019. С. 10–13.
- Гергилева 2007 – *Гергилева А.И.* Военнопленные Первой мировой войны на территории Сибири. Красноярск: СГТУ, 2007. 123 с.
- Еремин 2022 – *Еремин И.А.* Отношение властей и населения Западной Сибири к военнопленным, размещенным на территории региона в годы Первой мировой войны // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. 2022. № 2 (51). С. 88–95.
- Калиновский 2023 – *Калиновский В.В.* «Вспомним всех поименно»: размышляя над мартирологом жертв Гражданской войны в Омском регионе // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2023. Т. 8. № 1. С. 26–31.
- Мотревич 2016 – *Мотревич В.П.* Иностранные военнопленные Первой мировой войны на Урале: смертность и современное состояние захоронений // Великая война 1914–1918: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой. Вып. 5. М.: Квадрига, 2016. С. 122–126.
- Недзельюк 2011 – *Недзельюк Т.Г.* Метрические книги сибирских католических приходов как репрезентативный исторический источник // Вестник Томского государственного университета. История. 2011. № 3. С. 129–135.
- Семенова 2010 – *Семенова Е.Ю.* Военнопленные как фактор формирования городской среды Поволжья в годы Первой мировой войны // Альманах современной науки и образования. 2010. № 1–2. С. 107–110.
- Сушко, Петин 2021а – *Сушко А.В., Петин Д.И.* Борьба за «Подъяремную Русь»: переход в православие военнопленных русинов в Омске (1915–1917) // Русин. 2021. № 65. С. 99–114.
- Сушко, Петин 2021б – *Сушко А.В., Петин Д.И.* Процесс обращения в православие военнопленных славян в Омске (1915–1917 гг.) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2021. Вып. 103. С. 78–98.
- Сушко, Петин 2022а – *Сушко А.В., Петин Д.И.* Обращение чехов в православие в Омске: духовность, идеология, быт (1916–1919 гг.) // Вестник архивиста. 2022. № 2. С. 597–610.
- Сушко, Петин 2022б – *Сушко А.В., Петин Д.И.* Русин в эпоху социальных катаклизмов в России (пример судьбы Григория Мокрого) // Русин. 2022. № 69. С. 164–178.
- Сушко 2022 – *Сушко А.В.* Религиозный фактор в годы Гражданской войны в России (на примере процессов в Омской и Павлодарской епархии) // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2022. Т. 7. № 2. С. 34–42.

- Талапин 2013 – Талапин А.Н. Иностранцы военнопленные в Сибири (1914–1920 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке: сборник статей. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 18–49.
- Федотова 2018 – Федотова Д.Ю. Военнопленные в России в период Первой мировой войны: повседневная жизнь (по материалам Тобольской губернии) // Научный диалог. 2018. № 11. С. 303–311.

References

- Anufriev, A.V. and Kozlov, D.V. (2019), “Metric books as a source on the history of the stay of prisoners of war in Siberia (1914–1920)”, in *Grazhdanskaya voina na vostoke Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie: materialy III Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Omsk, 13–14 noyabrya 2019 g.)* [The Civil War in the East of Russia. A look through the documentary heritage. Proceedings of the 3^d All-Russian Scientific and Practical Conference (Omsk, November 13–14, 2019)], OmGTU, Omsk, Russia, pp. 10–13.
- Gergileva, A.I. (2007), *Voennoplennye Pervoi mirovoi voiny na territorii Sibiri* [Prisoners of war of the First World War in Siberia], SGTU, Krasnoyarsk, Russia.
- Eremin, I.A. (2022), “The attitude of the authorities and the population of Western Siberia towards the prisoners of war stationed in the region during the First World War”, *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, vol. 51, no. 2, pp. 88–95.
- Kalinovskii, V.V. (2023), “‘Let’s remember everyone by name’. Reflecting on the martyrology of the victims of the Civil War in the Omsk region”, *Omsk Scientific Bulletin. Series “Society. History. Modernity”*, vol. 8, no. 1. pp. 26–31.
- Motrevich, V.P. (2016), “Foreign prisoners of war of the First World War in the Urals: mortality and the current state of burials”, in *Velikaya voina 1914–1918: Al'manakh Rossiiskoi assotsiatsii istorikov Pervoi mirovoi* [The Great War 1914–1918. Almanac of the Russian Association of Historians of the First World War], Kvadriga, Moscow, Russia, iss. 5, pp. 122–126.
- Nedzelyuk, T.G. (2011), “Metric books of Siberian Catholic parishes as a representative historical source”, *Tomsk State University Journal of History*, no. 3. pp. 129–135.
- Semenova, E.Yu. (2010), “Prisoners of war as a factor in the formation of the urban environment of the Volga region during the First World War”, *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*, no. 1–2, pp. 107–110.
- Sushko, A.V. and Petin, D.I. (2021), “The struggle for ‘Enslaved Rus’. Conversion of Rusin prisoners of war to Orthodoxy in Omsk (1915–1917)”, *Rusin*, no. 65, pp. 99–114.
- Sushko, A.V. and Petin, D.I. (2021), “Conversion into Orthodoxy of Slavonic prisoners of war in Omsk (1915–1917)”, *Vestnik PSTGU. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, iss. 103, pp. 78–98.

- Sushko, A.V. and Petin, D.I. (2022), "Conversion of the Czechs to Orthodoxy in Omsk. Spirituality, ideology, everyday life (1916–1919)", *Herald of an Archivist*, no. 2, pp. 597–610.
- Sushko, A.V. and Petin, D.I. (2022), "A Rusin in the era of the social cataclysms in Russia (a case study of Grigory Mokry)", *Rusin*, no. 69, pp. 164–178.
- Sushko, A.V. (2022), "The role of religion during the Civil War in Russia (on the example of the processes in the Omsk and Pavlodar dioceses)", *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*, vol. 7, no. 2, pp. 34–42.
- Talapin, A.N. (2013), "Foreign prisoners of war in Siberia (1914–1920)", in *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke: sbornik statei* [Power and society in Siberia in the 20th century. Collected articles], Parallel, Novosibirsk, Russia, pp. 18–49.
- Fedotova, D.Yu. (2018), "Prisoners of war in Russia during the First World War. Everyday life (based on the materials of the Tobolsk province)", *Nauchnyi dialog*, no. 11, pp. 303–311.

Информация об авторе

Виктория В. Назырова, кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный технический университет, Омск, Россия; 644050, Россия, Омск, пр-кт Мира, д. 11; vika-germ@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5912-7757

Information about the author

Viktoria V. Nazyrova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Omsk State Technical University, Omsk, Russia; 11, Mira Av., Omsk, Russia, 644050; vika-germ@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5912-7757

Научный журнал
ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Том 6

3 • 2024

Оформление обложки

М.Е. Заболотникова

Корректор

Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка

М.Е. Заболотникова

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ

ПИ № ФС77-73410 от 03 августа 2018 г.

Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 27.08.2024

Выход в свет 03.09.2024

Формат 60×90¹/₁₆

Уч.-изд. л. 10,0. Усл. печ. л. 10,4

Тираж 1050 экз. Свободная цена

Заказ № 2030

Отпечатано в типографии Издательского центра

Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6

www.rsuh.ru